Геррит Де-Фер "Плавания Баренца"

De Veer

(Diarium nauticum)

1594--1597

Amstolredami MDXCVIII

Перевод с латинского проф. А. И. Малеина

Под редакцией проф. В. Ю. Визе

Полярная библиотека
Издательство Севморпути, Ленинград, 1930

Виллем Баренц

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Завоевание Северного морского пути (или "Северо-восточного прохода", как он раньше назывался), завершающееся на наших глазах, представляет собою интереснейшую страницу в истории человечества. Много славных имен связано с исследованием Северного морского пути, и эти имена советские люди всегда будут чтить. К их числу принадлежит и имя Виллема Баренца, голландского морехода конца XVI века. Едва ли во всей Стране Советов найдется сейчас школьник, который не слыхал бы о Баренце и Баренцоврм море, омывающем с севера европейскую часть нашего Союза. Знаменитые полярные плавания Баренца, предпринятые им с целью отыскания Северного морского пути, упоминаются в любой книжке, касающейся истории исследования Арктики, а эти книги пользуются большим вниманием

советского читателя. Однако, несмотря на громадную популярность у нас имени Баренца, полного списания его путешествий, составленного его соплавателем Де-Фером, на русском языке, как это ни странно, до настоящего времени не имелось. Между тем на голландском языке оно вышло в свет еще в 1598 году и вскоре было переведено на другие языки. Пополнить этот пробел взялось Издательство Главсевморпути.

Мысль отыскать Северный морской путь на Дальний Восток возникла под давлением экономических причин. В XVI веке за Испанией и Португалией фактически установилось монопольное право пользования южными морскими путями в Китай и Индию (т. е. вокруг южной оконечности Африки или Америки), и таким образом выгоды из морской торговли с Дальним Востоком извлекали только эти два государства, в то время обладавшие наиболее могущественным флотом. От монополии испанцев и португальцев прежде всего страдали две другие сильные морские державы -- Англии и Голландия. Поэтому не удивительно, что в этих последних странах пробудился живейший интерес к отысканию такого морского пути в Китай, который огибает материк Евразии не с юга, а с севера. Географы того времени высказывались за то, что такой путь -- Северо-восточный проход -- существует.

Первая экспедиция для отыскания этого прохода была отправлена из Англии в 1553 году на трех кораблях под начальством Гуго Виллоуби. Ей не удалось проникнут даже в Карское море. Два корабле были вынуждены зазимовать у Мурманского берега, причем весь личный состав этих судов, в том числе и Виллоуби, погиб. Третий корабль дошел до устья Северной Двины и затем вернулся в Англию.

В 1556 году из Англии вышла новая экспедиция, имевшая целью открытие Северо-восточного прохода.

Эта экспедиция, которое руководил Стефан Ворро, смогла дойти только до Югорского Шара. Впервые и южную часть Карского моря удалось проникнуть английской экспедиции под начальством Артура Пита и Чарльза Джекмена в 1580 году. {Русские мореходы посещали Карское море еще задолго до первых английских экспедиций.} В отношении своей главной задачи -- отыскания Северного морского пути -- эта экспедиция потерпела однако такую же неудачу, как две предшествовавшие. Между прочим экспедицию Пита и Джекмена очень поддерживал знаменитый фландрский географ и математик Герард Меркатор (1512--1594), который в одном своем письме, адресованном Гаклюйту, утверждал, что плавание в Китай Северо-восточным проходом весьма удобно и легко {Русский перевод этого письма опубликован М. П. Алексеевым в его труде "Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей" Т. 1, Иркутск, 1932 (стр. 170).}.

Вопрос о завоевании рынков Дальнего Востока в той же мере как Англию интересовал и Голландию. Поэтому понягно, что и эта страна уделяла большое внимание отысканию Северного морского пути в Тихий океан. Успешные торговые сношения голландцев с Россией -- первые голландские корабли появились в Коле в 1565 году -- способствовали усилению заинтересованности Нидерландов в открытии Северо-восточного прохода. Одним из наиболее активных поборников идеи практического использования Северного морского пути был нидерландский купец из города Миддельбурга Балтазар Мушерон, который с 1584 года имел в России торговые дела. Прежде чем приступить к отысканию Северо-восточного прохода, Мушерон при помощи своих служащих, находившихся в России, собирал всевозможные сведения о крайнем севере Московского

государства. В 1593 году Мушерон, совместно с Яковом Фальком и Франсисом Мельсоном, представил принцу Морицу Оранскому графу Нассаускому проект экспедиции для отыскания Северного морского пути в Китай. Экспедиция была утверждена, и нидерландское правительство отпустило на нее необходимые средства. Она состоялась в 1594 году, и описанию ее посвящена первая часть настоящей книги.

Первоначально в состав экспедиции входило два корабля, каждый водоизмещением около 100 тонн: "Лебедь" ("Swane") под начальством Корнелиса Ная (Cornelius Corneliszoon Nai) и "Меркурий" ("Mercurius") под командой Бранта Избрантсона (Brant Ysbrantszoon), известного также под именем Бранта Тетгалеса (Tetgales). Наи и Избрантсон были уроженцами Энкхейзена; первый служил у Мушерона и несколько раз плавал к северным берегам России, второй был тоже опытный моряк. Торговым комиссаром на "Лебеде" состоял родственник Мушерона Франсуа де ла Даль (Franèois de la Dale), проживший несколько лет в России; на "Меркурии" эту должность занимал Ян Линсхотен (Jan Hugh van Linschoten). В период организации экспедиции к двум энкхейзеновым судам присоединился третий корабль, снаряженный городом Амстердамом и также называвшийся "Меркурий" Начальство над этим последним было поручено Виллему Баренцу, который взял с собой еще рыбачью лодку. По плану энкхейзенские суда должны были пройти в Карское море через Югорский Шар; Баренц же, по совету известного географа и астронома Петра Планция (Peter Plancius), поплыл вокруг северной оконечности Новой Земли.

О личности Виллема Баренца, замечательного морехода и выдающегося пионера исследования Арктики, известно очень немного. Он родился на острове Тер-Шеллинг (северная Голландия) и был гражданином

Амстердама. Баренц был несомненно незнатного происхождения, о чем свидетельствует то, что к его имени (Виллем) прибавлялось лишь отчество (Barents-zoon, т. е. сын Барента), но не фамилия. Линсхотен характеризует Баренца, как весьма опытного и искусного навигатора.

Геррит Де-Фер (Gerrit De Veer), описавший все три плавания Баренца, в первом его плавании (1594) не участвовал. Существует предположение, что описание похода в 1594 году сделано самим Баренцом, {True description of thrre voyage by the North-East tu ward Cathny and China by Gerrit de Veer. Edited by Chartes P. Becke Printed for the Hakluyt Society, London, 1853 (p. IV).} однако Де Фер не упоминает об этом ни слова. Во всяком случае в том, что в основу рассказа о первом путешествии Де-Фер положил ведшийся Баренцом судовой журнал, едва ли приходится сомневаться. Плавание голландских судов в 1594 году описано также Линсхотеном в его книге, изданной в 1601 году {Jan Huyghen van Linschoten. Voyagie ofte Schipvaert van by Norden etc. Francker. 1601. Извлечение из сочинения Линсхотена было опубликовано на русском языке в "Записках по гидрографии" (1915, т. XXXIX, вып. 3 и 4).}, т. е. через три года после появления в свет книги Де-Фера.

Ян Линсхотен
По современной гравюре

Хотя в 1594 году голландским судам не удалось пройти дальше устья реки Кары, Линсхотен (и вероятно другие из начальствующего состава) представил результаты этой экспедиции в столь благоприятном свете, что голландские купцы при поддержке правительства решили уже в следующем году отправить Северным морским путем в Китай целую флотилию кораблей,

нагруженных товарами. Деятельное участие в подготовке этой экспедиции снова принимал Мушерон, который представил правительству "Рассуждение и заявление о плавании в Китай через Нассауский {Югорский шар.} пролив". {М. П. Алексеев, цит. соч., стр 270.} "Берег Татарии, -- писал Мушерон в этой записке,-- теперь открыт, река Обь судоходна и со временем можно будет направлять торговлю из Белого моря в новую крепость. {Мушерон имеет в виду крепость на Вайгаче, которую он предлагал там устроить.} Остров Вайгач и соседний берег Татарии изобилуют соболями, куницами и другими пушными зверьми, и кроме того здесь много разных товаров, которые туземцы охотно будут привозить в крепость, если узнают, что их можно там сбыть". {Р. А. Кордт, Очерк сношений Московского государства с республикою Соединенных Нидерландов по 1631 год. Сборник Русского исторического общества, т. 116, 1902 (стр. XCVI).}

В экспедиции 1595 года принимали участие следующие суда:

1. "Griffon" из Зеландии, 200 тонн. Командир Корнелис Най бывший вместе с тем адмиралом всей флотилии.

2. "Swane" из Зеландии, 100 тонн. Командир Ламберт Герритсон Ом (Lambert Gerritszoon Oom).

3. "Hope" из Энкхейзена, 200 тонн. Командир Брант Избрантсон, он же вице-адмирал флотилии.

4. "Mercurius" из Энкхейзена, 100 тонн. Командир Томас Виллемсон (Thomas Willemszoon).

5. "Winthont" из Амстердама, 200 тонн. Командир Виллем Баренц, он же главный штурман флотилии.

6. Яхта (название неизвестно) из Амстердама, 100 тонн. Командир Харман Янсон (Harman Janszoon).

7. Яхта (название неизвестно) из Роттердама, 40 тонн. Командир Хендрик Хартман (Hendrick Hartman).

В качестве торговых комиссаров в экспедиции участвовали Ян Линсхотен, Яков Гемскерк (Jacob van Heemskerck), Ян Корнелиссон Рийп (Jan Corneliszoon Rijp), Кристоффель Сплиндлер (Christoffel Splindler) и Франсуа де ла Даль. В этой экспедиции участвовал также Геррит Де-Фер, автор настоящей книги. Какую должность он занимал в экспедиции -- неизвестно, но возможно, что он состоял вторым штурманом на корабле Баренца. Во всяком случае известно, что Де-Фер изучал навигацию. Если прибавить, что он родился несколько ранее 1627 года, то этим и исчерпываются все дошедшие до нас биографические сведения об авторе описания плаваний Баренца.

Второе плавание голландцев (1595) также описано в уже упомянутой книге Линсхотена. Кроме того краткие сведения об этой экспедиции имеются в сочинении Конрада Лев (Conrad Löw) "Meer oder Seehanen Buch", изданном в Кельне в 1598 году, т. е. в том же году, что и книга Де-Фера. Б предисловии к своему труду Лев указывает, что он пользовался голландским источником, с которого и сделал перевод. Повидимому Лев использовал также книгу Хульзиуса, изданную в Нюрнберге в 1598 году{L. Hulsius, Warhafftige Relation der dreyen newen unerhorten, seltzamen Schffart etc. Noribergae. 1598.} и представляющую собою вольное переложение книги Де-Фера. Достоверность некоторых добавлений, имеющихся в книге Хульзиуса, поставлена Б. Беке, редактором английского издания Де-Фера (1853), под большое сомнение. С еще большей осторожностью следует отнестись к указанной книге Конрада Лев. Тем не менее мы считаем небезынтересным привести одну-две особенно любопытные выдержки из сочинения Лев.

Первая относится к 20 августа 1595 года, {Лев все описываемое им путешествие ошибочно относит к 1594

году.} когда команда голландских кораблей высаживалась на берег у Югорского Шара. Лев рассказывает, как голландцы присвоили себе несколько мехов, оставленных ненцами на санях: {"Die unsern da sie zu dem Schlitten komen hielten sich nit gemess dem Gesetz und Befehl so Graff Mauritz von Nassaw gethan, welcher Gesetze ein Artickel war und lautet das man keins der dinge, so man im Lande da wir kemmen solten finden würden, nemen sollte, bev straffe ins Eisen geschlossen und darnach 3. mahl under das Kiel des Schiffs gezogen zu werden, wie auch mit zweien die von den Schlitten etliche kleine Fell genommen verfareu ward, derer einer starb in der Execution, denn der halb Leichnam bleib under dem Schiff das ander halb theil ward hinauff gezogen. Der ander, da er solche pein auss gestanden, ward für ein Schelmen auffs Land gesetzt, da er aber im Land nicht leben kondte, starb er für pein und merzen und Armuth, so er gelitten".}

"Когда наши пришли к саням, то они не вели себя согласно закону и приказу графа Морица Нассауского; в этом законе имелся пункт, гласивший, что запрещается брать вещи, которые мы могли бы найти в той стране, куда мы должны были притти; виновному грозило быть закованным в железо, после чего его трижды должны были протянуть под килем корабля. Это и было сделано с двумя, которые взяли с саней несколько маленьких мехов; один из них умер во время экзекуции, так как половина его тела осталась под кораблем, другую же половину вытянули наверх. Другой, после того как он вынес такие мучения, был как жулик высажен на землю, но здесь он не мог жить и умер от мучений, боли и нищеты, которые он претерпел".

Второй эпизод, описываемый Конрадом Лев, относится к 8 сентября 1595 г., когда голландские корабли стояли у острова Местного (Staten Eylandt). Лев рассказывает, что здесь произошло возмущение команды, причем пять

человек было повешено. {"Am 8 war der Admiral der Vice Admiral andere Oberste und Piloten im Schiff geheissen den Gülden Hasenwindt, allda sie trölich waren, aber fur diese frewde war ein empörung aller Bootsgesellen, wider den Admiral, ward aber bald gestillet, aber fünf derer wurden auffgehenckt und stranguliert in der Ständen Insol. Dise waren, die sich bemüheten, all unser Schifizeug in empörung zu bringen, aber die Juetitia ward zu streng gehalten, alle fehl wie gering die waren, wurden nach dem Gesetz, welches Giaff Moritz von Nassaw geben, gar hart gestrafft".}

"8-го адмирал, вице-адмирал и другие начальники и штурмана находились на корабле "Gülden Hasenwindt" и были очень веселы, но это веселье имело следствием возмущение всей команды против адмирала. Бунт был скоро подавлен, и пятеро из них были повешены на острове Штатов. Это были те, кто пытался возмутить всю нашу команду. Но правосудие было слишком строго; все провинности, как бы малы они ни были, карались по закону, изданному графом Морицом Нассауским, очень строго".

Второе плавание голландцев, как и первое, не привело к открытию желанного морского пути в Китай. Поэтому правительство отказалось субсидировать дальнейшие экспедиции по изысканию Северо-восточного прохода, согласившись все же назначить премию в 25 000 гульденов за отыскание Северного морского пути.

Баренц, глубоко убежденный в том, что морской путь на Дальний Восток лежит вокруг северной оконечности Новой Земли, настаивал на необходимости снаряжения новой экспедиции, в чем его поддерживал географ Планций. В справедливости своих доводов им удалось убедить амстердамских купцов, которые предоставили для новой экспедиции два корабля, названия и тоннаж которых остались неизвестными. Командиром одного корабля был назначен Яков Гемскерк, а другого -- Ян

Корнелиссон Рийп. Оба они, как мы видели, принимали участие в качестве торговых комиссаров в экспедиции 1595 года. Баренц согласился принять должность старшего штурмана на корабле Гемскерка. То, что Баренц не стоял во главе экспедиции, инициатором которой он являлся, не может не вызвать удивления. Объяснение, весьма вероятно, следует искать в том, что амстердамские купцы побоялись доверить свои товары моряку, который им казался слишком смелым и решительным; они хорошо знали, что Баренц поставил себе целью открыть Северовосточный проход во что бы то ни стало и был готов скорее погибнуть, нежели вернуться, не выполнив задачи. Наконец, и то обстоятельство, что Гемскерк был знатным дворянином, тогда как Баренц был простого происхождения, тоже должно было иметь значение при выборе начальника.

Яков Гемскерк
По современной гравюре де-Клерка

Как бы то ни было, из рассказа Де-Фера усматривается, что Баренц пользовался большим авторитетом и уважением среди участников экспедиции, причем его подчиненное положение Де-Фером совершенно не выставляется. Известный немецкий географ Фридрих Гельвальд замечает, что "Баренц был душой всего предприятия, и фактически руководство находилось в его руках". Укажем еще на одну небольшую, но любопытную деталь. В письме, оставленном голландцами в Ледяной Гавани на Новой Земле, имена всех участников экспедиции, в том числе и Гемскерка, были начертаны обыкновенными буквами и только имя Виллема Баренца было выписано крупными заглавными буквами.

Последнее плавание Баренца (1596--1597) имело результатом крупные географические открытия: голландцы открыли Медвежий остров и Шпицберген, причем последний архипелаг был ими обойден с западной стороны. Так далеко на север, как корабли Баренца и Рийпа, до того не доходило ни одно судно. В эту же экспедицию была осуществлена первая в истории зимовка в высоких широтах Арктики (76®14' N). В судовом журнале, который велся на корабле Баренца и который нам сохранил Де-Фер, участвовавший и в третьем плавании Баренца, мы находим множество наблюдений, в свое время представлявших ценнейший вклад в теорию Арктики, а отчасти не потерявших научного значения и теперь. В результате плаваний Баренца была составлена первая карта западных и северных берегов Новой Земли; Баренцом были выполнены первые промеры в море между Шпицбергеном и Новой Землей и даны характеристики грунта. Ежедневные записи о погоде, в особенности наблюдения над ветром, которые голландцы производили во время их пребывания в Ледяной Гавани,

оставались в течение нескольких столетий единственным материалом для суждения о климате северной части Новой Земли. Наблюдения Баренца на Новой Земле были между прочим вообще первыми метеорологическими наблюдениями, произведенными в России. Они были опубликованы А. Петерманом {Petermanns Mittellungen, XVIII, 1872.} и затем обработаны знаменитым норвежским метеорологом Х. Моном. {H. Muhn. Beiträge zur Klimatologie und Meteorologie des Ostpolarmeeres. Petermanns Mitteilungen. XX, 1874. Также и Forhandlingar i Vedenskabs Seiskabet i Christiania. 1874.} Автор этих строк мог использовать наблюдения Баренца в своем исследовании, посвященном новоземельской боре. {В. Визе, Новоземельская бора Известия Центрального гидро-метеорологического бюро, V, 1925.} Исключительный научный интерес представляют произведенные Баренцом наблюдения над магнитным склонением, которые позволяют иметь суждение о вековом ходе этого элемента.

В основу прилагаемых к настоящей книге карт плаваний голландцев в 1594 -- 1597 гг. были положены карты, составленные А. Петерманом для английского издания труда Де-Фера. {Карта плавания в 1596--1597 гг. была опубликована Петерманом также в The journal of the R. Geographical Society, XXIII, 1853. Небезынтересно отметить что, насколько нам известно, -- это первая карта, на которой море между Шпицбергеном и Новой Землей названо "Баренцовым морем".} Нами был изменен только маршрут в районе Шпицбергена, ибо предположение Петермана, что голландцы (на пути к северу) обогнули Шпицберген с востока и прошли через пролив Хинлопен, безусловно неправильно (см. примечание 209). Впрочем на ошибочность выдвинутого Петерманом восточно-шпицбергенского варианта пути

Баренца и Рийпа еще ранее было указано Маркамом {C. R. Markham, The threshold of the unknown region. London, 1879.} и Гельвальдом {Ф. Гельвальд, В области вечного льда. СПб., 1881.}.

Реликвии экспедиции Баренца, найденные в Ледяной Гавани

Ледяная Гавань -- место зимовки голландцев на Новой Земле, покинутое ими в июне 1597 года -- не посещалось никем в течение 274 лет. В сентябре 1871 года сюда подошел норвежский промышленник Эллинг Карлсен и обнаружил дом Баренца. По словам Карлсена, дом стоял в таком виде, как будто он только вчера был построен. Внутри все было на своем месте и представлялось в совершенно таком же виде, как это изображено на одной из картин в книге Де Фера. Карлсен продал найденные

им в Ледяной Гавани реликвии Баренца одному англичанину, который позже продал их за ту же цену голландскому правительству, поместившему их в музей в Гааге. {Описание сделанных Карлсеном в ледяной Гавани находок дано в книге: De Jonge, Nowaia Zembla De voorwerpen door de Nederlandscne veevanders na hunne overwintering aldaar in 1597 achtergelaten en in 1871 door Kapitein Carlsen terug gevonden S'Gravenhage, 1872.}

В 1875 г. Ледяную Гавань посетил на шхуне "Regina" норвежский промышленник Гундерсон, а в следующем году здесь побывал на яхте "Glowworm" английский спортсмен Гардинер, тщательно обследовавший место зимовки Баренца. Гардинер нашел дом голландца уже совершенно разрушившимся. Среди вещей, найденных в Ледяной Гавани Карлсеном и Гардинером, были стенные часы, будильник, компасы, часть астрономического прибора Планция, колья, аллебарды, мушкеты, медные монеты, несколько циркулей, различная кухонная посуда, ящик с разными инструментами (напильники, долото, бурав), глиняные и оловянные кувшины, висячий замок, кожаные башмаки, подсвечники, свечи, чернильница, часть носильного платья, остатки голландского флага и др. Кроме того были найдены остатки различных книг (среди них "История Китая" и рукопись описания плавания Пита и Джекмена в 1580 г.), карт и картин.

Одной из наиболее интересных находок была рукопись, оставленная Гемскерком и Баренцом в дымовом отверстии и описанная в книге Де-Фера. {Находки, сделанные на Новой Земле Гардинером. описаны в книге: The Barents Relics. Recovered in the summer of 1876 by Charles L. W. Gardiner. Described and caplained by J. K. J. de Jonge. Translated with a preface by S. R. von Campen. London, 1877}

В 1933 году Ледяную Гавань посетила геологическая партия Арктического института под начальством Б. В. Милорадовича. Им были обнаружены остатки сруба, а также несколько предметов, из которых наибольший интерес представляет глиняный кувшин. {Описание района зимовки Баренца и найденных в 1933 году предметов опубликовано в сборнике Arctica, кн. II, 1934 (П. В. Милорадович, Посещение зимовки В. Баренца в Ледяной гавани на Новой Землее).}

1. Башмак экспедиции Баренца, найденный в Ледяной Гавани

2. Кувшин экспедиции Баренца, найденный в Ледяной Гавани советской экспедицией в 1933 году

3. Крышка кувшина Баренца

Отметим еще, что в 1881 году на западном из Оранских островов голландской экспедицией на парусном судне "Willem Barents" была установлена памятная доска в честь Баренца. В 1933 году эта доска была найдена геологической партией Арктического института под начальством Г. В. Горбацкого. Надпись на доске гласила: {"В память. Оранские острова открыты нидерландским мореплавателем Виллемом Баренцом 1 августа 1594".}

In Memoriam

De Oranje-Eilanden

Ontdekt

Door

Den Neederlandschen

Zeevarder

Willem Barents

Augustus 1594

Литература, относящаяся к экспедициям Баренца, весьма обширна. Здесь мы упомянем только, что на тему о третьем плавании Баренца (1596--1597) голландским поэтом Толленсом (H. Tollens) была написана поэма, выдержавшая несколько изданий и переведенная на французский, немецкий и английский языки.

Последним критическим изданием сочинения Де-Фера, снабженным многочисленными комментариями, является издание, выпущенное Линсхотенским обществом: S. Naber et P. L'Honore. Reizen van Willem

Barents, Jacob van Heeinskerck, Jan Corlisz. Rijp en anderen naar het Norden, verhaalt door Gerrit de Veer. S'Gravenhage, 1917. К сожалению, мы были лишены возможности использовать эту книгу при подготовке русского издания труда Де-Фера.

В настоящей книге примечания к тексту, отмеченные буквами *"А. М."*, сделаны переводчиком, профессором А. И. Малеиным; остальные же -- автором этих строк.

В. Ю. Визе

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Первое издание книги Де-Фера вышло в 1598 году на голландском языке под заглавием: "Правдивое описание трех морских путешествий на голландских и зеландских кораблях, к северу от Норвегии, Московии и Татарии, в королевства Китай и Хину". Это сочинение вызвало к себе огромный интерес и вскоре было переведено на другие языки. Известны следующие издания дневника Геррит Де-Фера.

А. Полные издания.-- Голландский оригинал -- 1598 г. (приблизительно май). Переиздан в 1599 и 1605 гг. Худшее издание в собрании ранних голландских путешествий, ч. I (1617).

Латинский перевод -- 1598 г. (около 7 июля). По этому изданию сделан настоящий перевод.

Французский перевод -- 1598 г. Перепечатан в 1600 и 1609 гг.

Все издания 1598 г. вышли в Амстердаме в одном и том же формате (продолговатый фолиант) и у одного и того же издателя (Cornelis Claesz, op't water, int Shrijf-boeck). Все они также имеют 25 рисунков и 6 карт, разнящихся достоинством выполнения; так, в оригинальном издании они были раскрашены.

Другой французский перевод "Три удивительные путешествия, проделанные голландцами и зеландцами на север" (Париж, Шодвер, 1599, 8®).

Итальянский перевод -- 1599 г. (Венеция, Порро и К®, мал. 4®, ср. выше). Количество рисунков и карт то же, что в оригинальном издании, но в очень плохом исполнении. Перепечатан в III т. собрания Рамузио: "Плавание и путешествие" (1606 г.)

Английский перевод В. Филиппа -- 1609 г. (London, Pavier). Перепечатан в известной серии "Сочинений вышедших из Гаклюйтова общества". Выдержал два издания: 1853 г. -- Charles T. Becke и 1876 г. -- Koolemans Beynen. Рисунков дано только 12, карт 2.

Б. Сокращенные издания.-- Наиболее замечательна среди них работа Левинуса Хульзиуса, появившаяся в августе 1598 г., т. е. через три месяца после появления оригинального голландского издания. Несмотря на то, что в заглавии издание названо переводом, оно представляет значительное сокращение основного текста, а в некоторых местах, наоборот, расширяет его. Так, например, в рассказе о втором плавании вставлено (из неизвестного источника) описание кораблей, принимавших в нем участие. В изложении третьего плавания имеется под 23 июня рассуждение об отклонении магнитной иглы (стр. 51--52, с 2 чертежами) и некоторые другие более мелкие изменения.

Нельзя не отметить также некоторого налета рекламности в издании Хульзиуса. Так, он приложил обращение к читателю от имени Геррит Де-Фера и за его подписью, как бы желая указать этим, что был в сношениях с автором. На самом же деле это есть не что иное, как перевод начала работы Геррит Де-Фера до изложения событий по дням, с некоторыми несущественными дополнениями в самом начале, взятыми из посвящения автора Дневника своего труда

Генеральным Штатам, предпосланного голландскому оригиналу. Наконец, в небольшом введении Хульзиус дает краткий перечень путешествий, предпринимавшихся до голландцев в северные страны. Рисунков, чертежей и карт приложено 35.

Эта работа Левинуса Хульзиуса неоднократно переиздавалась. Не вдаваясь в особые подробности, следует отметить, что в 1602 г. она вышла дважды: как третья часть "Собрания путешествий", составленного Хульзиусом, и отдельно, в более сокращенном виде. Существуют также издания 1612 и 1660 гг.

Другое немецкое сокращение рассказа Де-Фера было дано братьями де-Бри (Bry) в 1599 г. и также выдержало две перепечатки на немецком языке и две на латинском.

Английский перевод Филиппа также был перепечатан сокращенно в издании "Собрания путешествий Purchas".

Кроме сокращений дневника Де-Фера из него неоднократно делались извлечения на языках латинском (1599), голландском (1646), (1675), французском (1702) и английском (1703). Почти все эти издания имели ряд перепечаток. Наиболее подробный библиографический перечень всех работ по изданиям, сокращениям и пересказам Дневника Геррит Де-Фера дан в ученом труде P. A. Tiele, "Mêmoire Bibliographique sur les journaux Navigateurs Nêerlandais (Амстердам, 1867). {См. также библиографический сборник "Новая земля",опубликованный Арктическим институтом (Издательство Главсевморпути, 1935).}

Сам Геррит Де-Фер характеризует (в посвящении оригинального издания) свою работу очень кратко: "если не красноречивая, то по крайней мере правдивая". Латинский переводчик говорит об оригинале (также в посвящении Иоанну Викентию Пинеллю) {Это был итальянский библиофил и ученым, первый устроитель ботанического сада в Неаполе (1535-1601).} несколько

более подробно: "Так как автор решил описать, что с ними происходило почти каждый день, то ему приходилось по необходимости очень многое повторять, именно изменение ветров, также страны света, в направлении к которым приходилось держать курс; часто также, для лучшего выражения своей мысли, он должен был прибегать к морским терминам. Они, однако, известны не всем, особенно тем, кто не привык к плаваниям и редко бывал в обществе моряков. По этой причине трудно было передать все чистой латинской речью, а приходилось переводить, так сказать, дословно и многое даже объяснять описательно".

Действительно, Геррит Де-Фер не был искусным стилистом. Да и трудно было бы требовать от него красноречивого изложения, особенно если принять во внимание, в каких ужасных условиях приходилось ему иногда вести свой дневник. По этой же причине ему некогда было щеголять своим образованием, которое у него во всяком случае было. Однообразие стиля вызывало неизбежное повторение одних и тех же выражений и оборотов, и у автора не было ни охоты, ни времени разнообразить свой стиль.

Латинский перевод, положенный в основу настоящего издания, сделан за немногими отмеченными исключениями очень точно и добросовестно. Но, сообразно с характером латинского языка, служившего тогда средством международного ученого и дипломатического общения и в то же время не имевшего возможности, в силу отдаленности античной древности от описываемых событий, передать вполне равноценно целый ряд выражений оригинала, переводчик неизбежно вынужден был в некоторых местах, так сказать, обезличить и обесцветить подлинник, отказавшись от воспроизведения его голландского колорита. В этих случаях большую пользу принесло мне

упомянутое издание Гаклюйтова общества, которое с редкой добросовестностью везде, где перевод хотя бы в малейшей степени разнился с оригиналом, прибавляло в примечаниях подлинный голландский текст.

Дополнением к рассказу Геррит Де-Фера может служить описание двух первых плаваний, составленное Яном Гюйгеном фан Линсхотеном, который принимал в них непосредственное участие. Именно в первом плавании он был торговым комиссаром на энкхейзенском корабле "Меркурий". По окончании путешествия он представил правительству отчет, где, по осторожному выражению Геррит Де-Фера, излагал события "с несколько излишнею обстоятельностью" и несомненно стараясь представить результаты экспедиции в очень благоприятном свете, что ему и удалось в силу его учености и таланта. Противоположностью Линсхотену был отчет о том же плавании Баренца, лишенный всяких прикрас. Хотя корабли Линсхотсна достигли меньших успехов, чем флотилия Баренца, но красноречие первого убедило власти в том, что ему почти удались добиться осуществлении намеченных целей. Несомненно, что только благодаря главным образом Мушерону и Линсхотену могло состояться второе плавание на Север.

Команда Баренца отбивается от белых медведей

По гравюре 1789 года, приложенной к „Histoire des naufrages"

Линсхотен представил правительству подробный отчет о двух проделанных им плаваниях сразу же по своем возвращении (в 1595 г.), но этот отчет, с рисунками и картами, появился в печати только через 6 лет (в 1601 г.; переиздан в 1624 г.). В 1663 г. появилось голландское сокращение его.

Из других языков отчет был переведен полностью только на французский в серии Recueil de Voiages au Nord (8 т., Амстердам 1715--1727, 12®; другое издание, в том же формате, 1731--1738). На основании этого перевода изложено немецкое описание данных плаваний И. Хр. Аделунгом в "Истории мореплавания" (Галле, 1768, стр. 107.-- 213, 4®). Наконец краткое извлечение из отчета Линсхотена напечатано в латинском, французском, испанском и голландском изданиях громадного атласа Blaeu (XVII в.). {Сочинение Линсхотена перепечатано в 1911 г. в Гааге.}

Линсхотен не оставил без возражения вышеприведенное замечание Геррит Де-Фера, ответив на него также сдержанно: "Так ли я справился со своей задачей, как это было в действительности,-- представляю судить осмотрительному читателю".

Линсхотен один из первых дал обстоятельное описание ненцев. Эти сведения заимствовал у него для своей книги "Новый северный мир" (Septentrio Novantiquus, Лейпциг, 1613) Иероним Мегизер, который говорит между прочим об этом народе, что "они не знают ни золота, ни серебра; когда же мы давали его им в руки, они кусали его, полагая, что его можно есть, так как не знали, что это было такое". {Это известие Мегизера приведено у М. П. Алексеева, стр. 272.}

Впечатление от путешествий голландцев отразилось наконец и в России. Именно, С. А. Белокуров издал в "Чтениях Общества истории и древностей российских" (1895, кн. 4, смесь, стр. 3--5) документ, по неизвестному

источнику озаглавленный: "О плавании голландских двух кораблей к северным странам, для изыскание проходу мимо Новые Земли в Китайское государство и оттуда к восточной Индии".

Документ относится к 1598 году, так как начинается словами: "В прошлом во 105-м году". Затем идет очень краткий пересказ известий корабельного журнала с 18 мая 1596 г. до 27 августа 1597 г. Повидимому, у составителя не было полного печатного издания путешествия, и он работал также по какому-то конспекту. Заканчивается документ описанием Новой Земли, представляющим скорее всего, судя по слогу, перевод какого-то иностранного известия. Приводим это описание полностью.

Описание о Новой Земле

"Новая Земля отдалися к северу, чаят от самого материка отделилась, потому что меж нею и Печерским берегом есть пролива, имянуемая Вайгац; но тою проливою за многими лдами изо Лдоватого моря плыющими кораблем проходити невозможно. За тою проливою Татарское или Лдоватое море, в которое многие сибирские реки впали. А Новой Земли длина от Вайгаца до зимовья немецкого 1000 верст. А позади зимовья Новой Земли берег с Сибирским берегом сшелся ли, того неведомо. Тая земля великой ради стужи неудобожителна, зане всегда кроме малого времяни покрыта есть снегом и на брегах великие и страшные лдяные горы; лесов никаких нет, токмо в некоих местах трава ниская и мох. От августа по июл месяц бывают морозы нестерпимые и солнца не видеть три месяца, в которое время тамо бывает непрестанная тма. Кроме медведей множество там песцов черных и белых, на

брегах находят рыбью моржовую кость, овогда и инороговою. А на горах обретается множество гусей диких, которые людей видя не отлетают и их ловят руками и бьют палками".

А. И. Малеин

Титульный лист первого голландского издания сочинения Де-Фера (1598 г.)

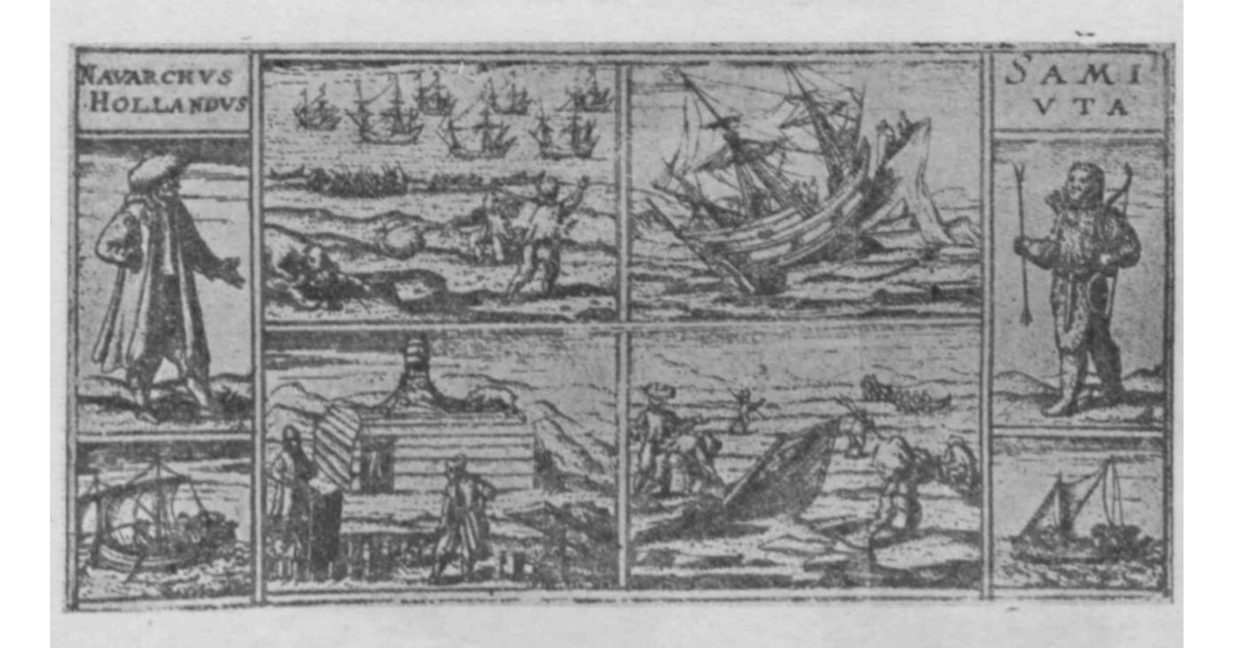
DIARIVM NAVTICVM,

seu

VERA DESCRIPTIO

Trium Navigationum admirandarum, & nunquam auditarum, tribus continuis annis factarum, à Hollandicis & Zelandicis navibus, ad Septentrionem, supra Norvagiam, Moscoviam & Tartariam, versus Catthay & Sinarum regna: tum ut detecta fuerint VVeygatz fretum, Nova Zembla, & Regio sub 80. gradu sita, quam Groenlãdiam esse censent, quam nullus unquam adijt: Deinde de feris & trucibus vrsis, alijsque mõnstris marinis, & intolerabili frigore quod pertulerunt. Quemadmodum præterea in postrema Navigatione navis in glacie fuerit concreta, & ipsi nautæ in Nova Zembla sub 76. gradu sita, domum fabricarint, atque in ea per 10. mensium spatium habitarint, & tandem, relictâ navi in glacie, plura quam 380. milliaria per mare in apertis parvis lintribus navigarint, cum summis periculis, immensis laboribus, & incredibilibus difficultatibus.

Auctore GERARDO DE VERA Amstelrodamense.



AMSTELREDAMI,
Ex Officina Cornelij Nicolaij, Typographi ad symbolum Diarij, ad aquam.
Anno M. D. XCVIII.

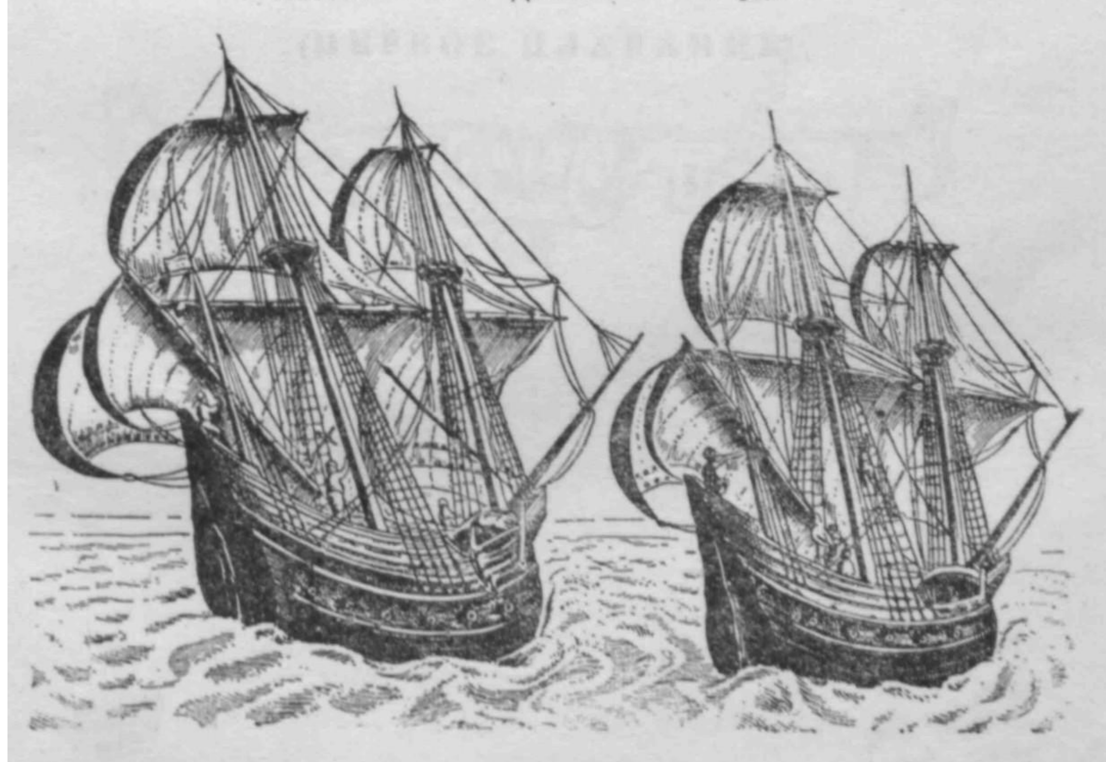
МОРСКОЙ ДНЕВНИК

или

ПРАВДИВОЕ ОПИСАНИЕ

трех изумительных и никогда неслыханных плаваний, предпринятых три года подряд голландскими и зеландскими кораблями к северу от Норвегии, Московии и Татарии, в направлении к царствам Китайскому и Синскому; затем как открыты были пролив Вайгач Новая Земля и страна, лежащая под 80-м градусом, которую они считают Гренландией и в которой никто никогда не бывал; далее о диких и свирепых медведях и других морских чудовищах, а также о невыносимом холоде, который они вытерпели. Как кроме этого в последнее плавание корабль был скован льдом, и сами моряки построили на Новой Земле, лежащей под 76-м градусом, дом и прожили в нем в течение 10 месяцев и, наконец, оставив корабль во льду, проплыли по морю более чем 380 миль в открытых маленьких лодках, с величайшими опасностями, неизмеримыми трудностями и невероятными тягостями.

Составил ГЕРРИТ ДЕ-ФЕР из Амстердама.



АМСТЕРДАМ.
Типография Корнелия Николая под вывеской «Записная книга у воды»
MDXCVIII

ПУТЕШЕСТВИЕ НА СЕВЕР

(ПЕРВОЕ ПЛАВАНИЕ)

Вряд ли можно выдумать или изобрести что-либо, обладающее большей общественной полезностью (особенно в наших странах),[1] чем искусство мореплавания. Владеющие морем могут привлечь к себе все необходимое для их надобностей, и особенно плоды земные для поддержания жизни. Ведь по морю они могут с края света подвезти себе все, что нужно, и, наоборот, вывезти свои излишки. Все это, принимая во внимание удобства плавания, можно выполнять без всякого затруднения. Между тем, оборудование кораблей с каждым днем постепенно все улучшается на удивление не только видевшим корабли и мореплавание во время наших дедов, но и тем, кто сравнивает наше время с недавним, нам памятным прошлым. С другой стороны, теперь то и дело предпринимаются новые плавания. Не всегда они достигают желанной цели с одного, двух или трех раз, а иногда дают результаты лишь позднее. Поэтому никто не должен тяготиться испытываемыми им трудами и препятствиями, если даже желанная цель достигается не после первого плавания, а только после второго, третьего или еще более позднего. И в самом дело, какой труд можно признать более полезным и похвальным, как не труд для общей пользы. Пусть глупцы, насмешники и клеветники, судят по началу, признают бесплодной ту попытку, которая только в конце дает полезный результат. Ведь если бы знаменитые и славные мореплаватели -- Колумб, Кортец, Магеллан[2] и многие другие, открывшие самые дальние страны и царства, оставили свое намерение после первой, второй или

третьей неудачной поездки, то впоследствии они никогда не достигли бы результата своих трудов.

Когда Александр Великий, заняв после Греции Малую и Большую Азию, попал в большие трудности у границ Индии, он сказал однажды: "Если бы мы не рискнули на то, что другим казалось невозможным, то до сих пор сидели бы в пределах Киликии,[3] а между тем теперь мы заняли все эти обширные страны". Ничего нельзя найти и довести до совершенства с одного раза, ничего нельзя сразу найти и кончить.

Но не будем особенно уклоняться от цели. Если мы хотим уяснить повседневные достижения от полезного плавания, которое было закончено с большими издержками, затруднениями и мучениями, то сделаем подсчет, сколько длинных и мучительных трудностей и продолжительной и непрерывной работы надо было предпринять, чтобы довести до конца плавание и Восточную и Западную Индию, в Америку, Бразилию и во многие другие области, через Магелланов пролив и Южное море, неоднократно пересекая экватор, и кроме того объехать другие неведомые страны и острова. Обратим внимание на Белое море, по которому теперь столь часто совершаются плавания в северную часть Московии, и вспомним, сколько неприятностей и опасностей надо было перенести при открытии этого пути.

Что сделало это плавание теперь таким общедоступным и легким? Разве это не то же самое длинное плавание, что было и раньше? Конечно, то же самое, но тот путь, который теперь совершается в прямом направлении, раньше надо было обследовать, плавая по морю извилистыми путями из одной области в другую. Это и сделало путь из трудного легким.

Это немногое мне хотелось предпослать для краткого вразумления читателя, так как я решил описать три

плавания на север, предпринятые в течение трех лет подряд в водах, омывающих Норвегию и Московию, в направлении к царствам Китайскому и Синскому. В двух последних плаваниях я принимал личное участие. Они не имели того исхода, на который мы надеялись. Моя задача состоит, во-первых, в том, чтобы показать тщательный и усердный труд, затраченный на отыскание прямого пути, которого мы не могли найти вопреки желаниям и ожиданиям; может быть мы и нашли бы его путем извилистых плаваний, если бы могли удержаться на прямой дороге, но нам помешали в этом лед, недостаток времени и сильные бури. Во-вторых, я имею в виду заткнуть рот тем, кто говорит про нашу попытку, что она бесполезна и бесплодна, тогда как она может все же принести пользу в будущем.

Меньше всего надо смеяться над человеком, пытающимся осуществить то, что кажется невозможным; наоборот, осмеяния заслуживает тот, кто по лености не хочет ничего предпринять.

Мы узнали, что величайшим препятствием для нашего плавания служило обилие льда, которое мы нашли около Новой Земли в широтах 73®, 74®, 75®, 76®; оно, однако, было не так велико в открытом море, между той и другой землей.[4] Отсюда очевидно, что наибольший холод нам принесло не соседство Северного полюса, а лед, носящийся в Татарском море.[5] Так как соседство полюса не дало нам наибольшего холода, то вероятно мы нашли бы какой-нибудь проход на север, если бы можно было продолжать взятый курс; но этого курса мы не могли держаться от Новой Земли, так как попали там во льды; мы не в силах были узнать, каков климат около Новой Земли, раньше чем этого не разведали, а когда мы уже сделали эту попытку, то нам нельзя было изменить взятого курса. Тем не менее неизвестно, что с нами могло бы случиться, если бы мы направили курс на

северо-восток, так как никто еще не решался на такое плавание. Справедливо впрочем, что в стране, лежащей на широте 80® (мы полагаем, что это Гренландия),[6] растут зелень и травы, которыми питаются травоядные животные, как олени и им подобные, а на Новой Земле, наоборот, нет ни зелени, ни травы и нельзя найти никаких животных кроме плотоядных, как медведи и песцы,[7] хотя Новая Земля лежит на 4, 5 или 6 градусов южнее, чем названная выше страна. Кроме того известно, что к югу и северу от экватора солнце с той и с другой стороны, между обоими тропиками, на высоте 23 1/2® развивает такую же теплоту, как и под экватором. Что же удивительного, если сила холода по обе стороны Северного полюса, на одинаковое количество градусов, оказывается не меньшей, чем на самом полюсе? Я не выставлю этого, как непреложную истину, так как с той и другой стороны Северного полюса не было произведено наблюдений над холодом, подобно наблюдениям над жаром к югу и северу от экватора. Я хочу только подчеркнуть, что нельзя выводить заключения, будто холод помешает нашему плаванию, так как мы не выдержали намеченного прямого курса на северо-восток, ибо, как сказано, помехой нам явилось не море, не соседство полюса, но лед, оказавшийся около земли. Ведь сразу же, как только мы покинули сушу и вышли в море, мы тотчас почувствовали теплоту, хотя и стали ближе к полюсу. От этой внезапной перемены погиб наш штурман, Виллем сын Баренца,[8] который, несмотря на сильнейшую и невыносимую стужу, перенесенную им, не терял мужества, но готов был со многими из нас биться о заклад, что закончит начатый путь, как только направит курс от северного мыса[9] на северо-восток.

Но оставим это и приступим к описанию вышеупомянутых трех плаваний. Они были

предприняты по почину и под влиянием могущественных Генеральных Штатов наших союзных областей и светлейшего Морица, принца Оранского, как начальника моря[10] и славного города Амстердама, и доведены до тех мест, которые будут указаны ниже. Из этого описания читатель может на пользу себе почерпнуть, чего ему следует держаться или чего избегать.

Итак, в 1594 году были снаряжены четыре корабля, два в Амстердаме, один в Зеландии, один в Энхузе,[11] для открытия удобного морского пути в царства Китайское и Синское, проходящего к северу от Норвегии, Московии и Татарии. Во главе двух амстердамских кораблей стоял Виллем Баренц, выдающийся, известный и весьма опытный капитан. Он отплыл из Амстердама в направлении к Текселю[12] в самый день пятидесятницы.[13]

5 июня[14] они отплыли из Гекселя и благополучно добрались до Кильдина[15] в Московии 23 того же месяца. Но так как этот морской путь достаточно известен, то мы воздержимся от его описания.

29 июня, в четыре часа пополудни, они покинули Кильдин и вначале взяли курс на NO,[16] которым плыли 13 и 14 миль;[17] ветер был NNW, погода пасмурная.

Потом, 30 июня, они повернули на ONO и прошли этим курсом 7 миль, пока солнце находилось на OSO. Ветер был N. Два главных паруса были развернуты без бизаней. Бросив там лот, они не могли достать дна, вытравив сто саженей.

В тот же день они проплыли до полудни пять миль в направлении на OtN, ветер был N. Главные паруса были без бизаней. Бросив там лот, они на глубине ста саженей не нашли дна. Плавание продолжалось в тот же день с полудня до вечера на O и OtN, до тех пор, пока солнце оказались на NW, на 13 миль; бросив лот, они нашли

глубину равной 120 саженям; дно было глинистое и илистое.

ИЮЛЬ 1594

1 июля проплыли 4 мили на O и OtN. Бросив лот рано утром, они нашли дно на глубине шестидесяти саженей; оно состояло из илистых песков.

В следующий затем час был опять брошен лот; дно оказалось на глубине 52 саженей и представляло собою белый песок, перемешанный с черным, отчасти илистый. При дальнейшем плавании через три мили в направлении на NO дно оказалось на глубине 40 саженей и было покрыто пепельным песком, перемешанным с черным.

Затем, пройдя две мили к O, они нашли глубину в 38 саженей, грунт из красного песка, перемешанного с черным. Ветер дул с NNO.

Дальше они прошли три мили к OtS и SO, до полудня, когда широта места, определенная по высоте солнца, была 70 3/4®. Брошенный лот показал глубину и 39 саженей; дно состояло из мелкого песка пепельного цвета, отмеченного черными точками, и из обломков раковин.

Проплыв на SO одну две мили, они повернули затем на север; ветер был ONO. С трех часов пополудни они прошли 6 миль в направлении на NO; ветер был SO, погода холодная, брошенный лот показал глубину в 60 саженей; дно состояло из мелкого и илистого пепельного песка и больших пустых раковин.

В тот же вечер они проплыли в течение первой вахты[18] пяти миль в направлении на ONO и NOtO. Затем на протяжении пяти миль они держали тот же курс до утра

2 июля. Дно оказалось на глубине приблизительно 65 саженей и состояло из илистой черной грязи.

Затем они плыли от зари до полудня, держа постоянно курс на ONO в продолжение 3 и 4 миль. Дул бурный юго-восточный ветер, так что пришлось снять фор-стаксель и с одним парусом плыть три или четыре мили, при туманной погоде, до вечера, держа путь на O и OtS. Затем ветер перешел на SW. Около пяти часов пополудни был брошен лот на глубину 120 саженей, но он не достал дна.

К вечеру прояснилось, и при ветре с ONO плыли почти три часа на протяжении пяти миль. Затем налег туман, так что итти дальше не посмели и легли в дрейф. Лот дал глубину в 125 саженей, дно оказалось покрытым черным илом. Это было в воскресенье утром, 3 июля, когда солнце было на NO.

Оттуда они прошли 8 миль на ONO, пока солнце не оказалось на юго-востоке; лот показал глубину в 140 саженей, грунт состоял из черного ила. Была измерена высота солнца, и широта места оказалась 73®6'. Еще раз бросили лот на глубину 130 саженей; на дне был черный ил.

Затем плавание продолжалось дальше на ONO на протяжении шести или семи миль, пока солнце не перешло на NW.

В воскресенье, которое пришлось на 3 июля, день был очень ясный, ветер с SW. Виллем Баренц определил истинный меридиан следующим образом.

Он измерил высоту солнца астрономическим крестом,[19] когда оно было на юго-востоке, и определил высоту его в 28 1/2®. Когда солнце находилось на WtS,[20] оно имело снова ту же высоту 28 1/2® над горизонтом. Разница между обоими положениями солнца составляла пять делений с половиной,[21] что при делении пополам дает 2

3/4 деления.[22] Таким образом компас изменился на 2 3/4 деления. Широта места была 73®6'.

Потом плавание продолжалось на четыре мили в направлении на OtN до утра 4 июля; тогда брошен был лот, глубина оказалась в 125 саженей, грунт был илистый. Ночь была туманная; на заре дул восточный ветер. Затем они проплыли 4 мили на SOtS, пока солнце не перешло на восток. Брошенный лот дал глубину в 108 саженей и грунт из черной грязи. Отсюда они повернули на север и прошли 6 миль на NNO и NOtN, пока солнце не оказалось на SSW. Тогда, в шести или семи милях от них, в направлении на SOtO показалась Новая Земля. Грунт на глубине 103 саженей состоял здесь из черного ила.

Потом они повернули на юг и плыли курсом StW шесть миль, пока солнце не перешло на WNW. Глубина моря была 68 саженей, грунт жидкая грязь, как раньше; ветер дул с SO.

После того, повернув на восток, они на протяжении шести миль плыли на OtS. Тут, 4 июля под вечер,[23] Виллем Баренц при помощи своего астрономического креста определил высоту солнца, когда она была наименьшей, т. е. когда солнце находилось между NNO и NOtS, и нашел ее равной 6 1/3® над горизонтом. Склонение солнца было 22®55'. Если отсюда отнять указанную высоту, то остается 16®35'. Отнимая эту величину от 90®,[24] 73®25'. Этм наблюдения были проделаны приблизительно в 5 или 6 милях от Новой Земли.

Снова повернув на восток и проплыв пять миль на OtS и OSO, они достигли вытянутого в море низкого мыса, который назвали Лангенес (длинный нос).[25] У самого мыса, в восточном направлении, был большой залив.[26] Войдя в него, они на шлюпке достигли суши, но не заметили никаких следов людей.

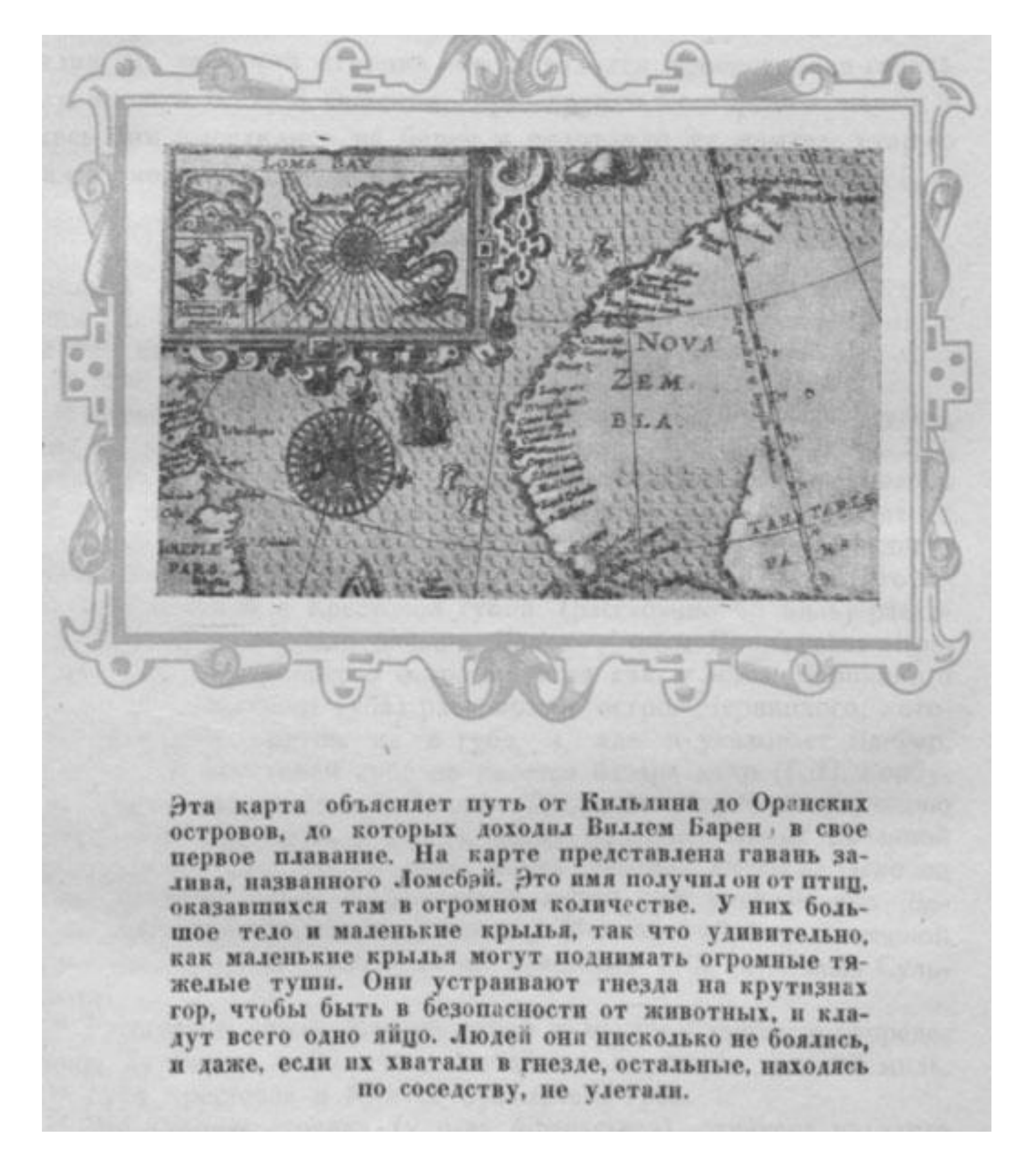
В трех или четырех милях к ONO от мыса Лангенес[27] был низменный угол суши или мыс, а в одной миле на восток от этого мыса находился большой залив;[28] на восточном берегу этого залива стоял утес, несколько выдающийся из воды,[29] на западной же стороне залива находился заостренный[30] холм, который можно было хорошо различить. Перед входом в залив глубина составляла 20 саженей, грунт состоял из маленьких черных камешков, величиною с горошину. От Лангенес до низкого мыса, названного Капо Баксо (Capo Baxo),[31] четыре мили в направлении на ONO.

От Капо Баксо до западного мыса[32] залива, названного Ломсбэй (Lombsbay),[33] пять миль,[34] в направлении к NOtN, на этом протяжении имеются две бухты.[35] Ломсбэй -- обширный залив, на западной стороне его находится превосходная гавань глубиною в 6, 7, 8 саженей, при грунте из черного песка;[36] здесь они высадились на берег и водрузили на память старую мачту, которую там нашли. Этот залив они назвали Ломсбэй, по имени породы ярких птиц ломс, найденных там в большом количестве.[37]

Восточный мыс[38] залива Ломсбэй низкий и неприметный, по соседству с ним имеется небольшой остров,[39] находящийся в море; кроме того в восточной части этого низменного мыса есть широкая и вместительная бухта. Залив Ломсбэй лежит под 74 1/3® сев. широты.[40]

От Ломсбэй до мыса на острове, которому они дали название острова Адмиралтейства,[41] они плыли шести или семь миль в направлении на NOtN. Остров Адмиралтейства с восточной стороны невзрачен, очень ровный и на большом расстоянии недоступен.[42] Кроме того глубины около него очень неравномерны: с одной стороны корабля глубина оказалась 10 саженей и сразу же с другой только 6, а затем неожиданно они получили

10, 11, 12 саженей;[43] прибой производил большой шум на отvелях.



Эта карта объясняет путь от Кильдина до Оранских островов, до которых доходил Виллем Барен, в свое первое плавание. На карте представлена гавань залива, названного Ломсбэй. Это имя получил он от птиц, оказавшихся там в огромном количестве. У них большое тело и маленькие крылья, так что удивительно, как маленькие крылья могут поднимать огромные тяжелые туши. Они устраивают гнезда на крутизнах гор, чтобы быть в безопасности от животных, и кладут всего одно яйцо. Людей они нисколько не боялись, и даже, если их хватали в гнезде, остальные, находясь по соседству, не улетали.

От восточной стороны острова Адмиралтейства они плыли пять или шесть миль в направлении на ONO к Черному мысу.[44] Не доходя одной мили до Черного мыса, дно нашли грязное, как в Памфии,[45] при глубине в 70 саженей. Прямо на восток от Черного мыса в бухте[46] имеются две заостренные вершины,[47] которые можно хорошо различить.

6 июля, когда солнце было на севере, они добрались до Черного мыса при ясной и светлой погоде; этот мыс лежит под 75®20' сев. широты.

Изображение острова Виллема, Крестового острова и Беренфорта, где медведь показал изумительную силу и смелость; именно, хотя и пораженный пулей, он чуть не погубил лодку с бывшими в ней моряками, но удивительный случай удержал его и освободил моряков, которые потом закололи медведя и сняли шкуру.

От Черного мыса до острова Виллета[48] они проплыли семь или восемь миль в направлении на ONO. Приблизительно в 1/2 мили расстояния между мысом и островом они нашли небольшой остров.[49]

7 июля они отплыли от острова Виллема, и Виллем Баренц определил своим большим квадрантом[50] высоту солнца над горизонтом. Он нашел, что при положении солнца на SW зенитное расстояние[51] его было равно 53®5', а склонение солнца 22®49'. Если сложить это с

53®5', то сумма будет 75®54'. Это и была истинная широта этого острова.[52] На этом острове они нашли большое количество плавника, а также многочисленных моржей, названных моряками Walruschen, чудовищ, живущих в море; с большими клыками, употребляемыми вместо слоновой кости. Там имеется также хорошая стоянка для кораблей глубиной в 12 или 13 саженей, защищенная от всех ветров, кроме юго-западных и западных; тут они нашли остов русского корабля.

8 июля ветер был ONO и погода туманная. 9 июля они поплыли в бухту, названную Медвежьей,[53] недалеко от острова Вплтема, где встретили белого медведя. Увидев его, моряки тотчас сели в лодку и прострелили медведя пулей. Тем не менее медведь показал удивительную силу, небывалую ни у льва ни у другого дикого зверя: простреленный пулей, он все же встал и, прыгнув в воду, поплыл; моряки, усиленно гребя веслами, преследовали его, накинули ему на шею петлю и стали тащить назад к кораблю. Они никогда не видали такого медведя и рассчитывали притащить его на корабль живым, чтобы показать в Голландии; но медведь оказался настолько силен, что они сочли счастьем спастись от него и удовольствовались его шкурой. Он издавал такой громкий рев и проявил такую огромною силу, что это с трудом поддастся рассказу. Дав медведю немножко отдохнуть и отпустив веревку, которой он был привязан, они принялись медленно тащить его, желая утомить. При этом Виллем Баренц время от времени ударял его палкой. Но медведь, подплыв к лодке, положил на нее лапу. Тогда Виллем сказал; "Он хочет немного отдохнуть". Но медведь имел в виду другое. Он вдруг так навалился на лодку, что наполовину влез в нее. Это привело в ужас моряков; они перешли в переднюю часть лодки и почти отчаивались в своем спасении. Избавил их от опасности изумительный случай: петля или

веревка, наброшенная на шею медведя, застряла на лопасти руля, так что зверь не мог двигаться дальше и был задержан. Когда он запутался таким образом, один из моряков, собравшись с духом, вернулся с передней части лодки и толкнул медведя половиной шеста, так что зверь скатился в воду. Тогда они стали грести обратно к кораблю и тащили за собою медведя, пока он совершенно не лишился сил. Тут его закололи и сняли с него шкуру, которую отвезли в Амстердам.

10 июля они на парусах покинули Медвежью бухту и в тот же день утром добрались до Крестового острова.[54]

От Крестового острова они поплыли к мысу Нассау,[55] держа курс на O и OtN, приблизительно на протяжении 8 миль.[56] Этот мыс -- низкий плоский, и его надо избегать, так, как там при глубине в 7 саженей имеются мели и рифы, вдали от берега. Мыс расположен приблизительно в широте 76 1/2®.

От западного конца острова Виллема до острова Крестового три мили; курс надо держать на NO.[57]

От мыса Нассау они прошли под парусами пять миль на OtS и OSO. Им показалось, что они видят землю, расположенную на NOtO. Чтобы открыть эту землю, рассчитывая, что к северу от Новой Земли расположена еще другая земля, они прошли в направлении на NO пять миль. Но с запада поднялся такой сильный ветер, что они должны были опустить главный парус, а затем, так как ветер все усиливался, пришлось убрать и все паруса; море было настолько бурно, что в течение шестнадцати часов они дрейфовали без парусов, пройдя восемь или девять миль в направлении на ONO.

11 июля их шлюпка была залита большой волной и потонула, а сами они продрейфовали без парусов пять миль к OtS.

Когда солнце было почти на юго-востоке, ветер внезапно переменился на северо-западный, и буря стала

несколько стихать, но было очень туманно. Тогда, подняв паруса, они прошли четыре мили, пока солнце к ночи не оказалось на NtO. Глубина была 60 саженей, дно грязное, и они заметили несколько льдин.

12 июля они повернули на запад и, держа курс к NW, проплыли в тумане одну милю; ветер был северо-западный. Затем они прошли на WSW три или четыре мили в надежде найти потерянную шлюпку, причем часто меняли курс. После того они опять повернули по ветру и проплыли четыре мили на SO, пока солнце не перешло на SW. Тогда они оказались очень близко к берегу Новой Земли, который простирался от OtN до WtS. Затем, снова повернув, они на протяжении трех миль шли на NtW.

Далее они прошли курсом NWtW три мили, пока солнце не оказалось на северо-западе. Отсюда они повернули на восток и на протяжении трех или четырех миль держали курс на NOtO.

13 июля ночью они наткнулись на большое количество льда. С марса казалось, будто все море покрыто сплошным ледяным полом. Поэтому, повернув от льда на запад, они прошли около четырех миль, держа курс на WSW, пока солнце не оказалось на OtN. Сушу Новой Земли они видели на SSO.

Потом они снова повернули на север и сделали две мили, пока солнце не перешло на OSO. Здесь они опять встретили громадные массы льда. Затем, поставив паруса, они на протяжении трех миль держали курс на SWtS.

14 июля они снова повернули на север и прошли на двух парусах, сняв добавочные,[58] пять или шесть миль на NtO и NNO до широты 77 1/3®, где снова наткнулись на лед, занимавший такое широкое пространство, какое может охватить глаз. Бросили лот на глубину ста саженей, но дна не нашли; дул сильный ветер с WNW.

Повернув затем на юг, они под парусами плыли семь или восемь миль на SSW, пока снова не приблизились к земле, которую можно было различить по четырем или пяти очень высоким горам.

Тогда, снова повернув на север, они до вечера прошли в этом направлении шесть миль, но опять наткнулись на лед.

Отсюда они вновь повернули на юг и прошли шесть миль, держа курс на StW, и опять вошли в лед.

15 июля, снова повернув на юг, они сделали шесть миль по курсу StW и утром были около Новой Земли; солнце находилось тогда на северо-востоке.

Затем, повернув на север, они прошли на парусах в направлении на NtO семь миль и снова встретили лед.

16 июля, когда солнце было на западе, они опять повернули на юг и проплыли восемь или девять миль, держа курс на SSW и SWtS.

17 июля, повернув на север, они прошли на парусах четыре мили на NtO, затем на протяжении четырех миль держали курс на WtS и на протяжении еще четырех миль на NNW. Тогда ветер переменился и стал дуть с NNO, принося сильную стужу.

Тут, повернув на восток, они до полудня прошли на парусах три мили и затем еще три мили на OtS.

Повернув отсюда на север, они прошли под парусами в направлении на NtO пять миль, пока не настало утро 18 июля. Дальше они сделали четыре мили в направлении на NtW и наткнулись на большое количество льдин, так что отсюда им пришлось повернуть на юг. Около кромки льда они бросили лот, но, вытравив 150 саженей, не нашли дна.

Затем, проплыв приблизительно два часа в направлении на SO и OSO, при туманной погоде, они добрались до сплошного льда,[69] которого не могли окинуть взглядом. Ветра не было, но холод пробирал

сильно. Вдоль кромки льда они проплыли почти два часа, пока не попали в такой густой туман, что кругом ничего не было видно. После этого они прошли две мили на SW.

В тот о день Виллем Баренц измерил своей астролябией высоту солнца и определил широту в 77 1/4®; проплыв шесть миль на юг, они заметили в этом направлении сушу.

Затем до утра 19 июля они прошли шесть или семь миль на WSW; ветер был северо-западный, погода туманная. Потом на протяжении семи миль они держали курс на SW и SWtW. Широта места по солнцу была 77® без пяти минут. Затем проплыв еще две мили в направлении на SW, они оказались вблизи берега Новой Земли, около мыса Нассау.

Отсюда они опять повернули на север и шли в этом направлении восемь миль, при северо-западном ветре и тумане. До утра 20 июля они прошли еще три--четыре мили на NOtN, но около времени, когда солнце находилось на востоке, они повернули на запад. До ночи они сделали под парусами пять--шесть миль в юго-западном направлении, при туманной погоде. Затем до утра 21 июля на протяжении семи миль они плыли на SWtW.

Далее, повернув опять на север, они при туманной погоде плыли с раннего утра до самой ночи, сперва девять миль в направлении на NWtW и затем еще три мили на NWtW. Повернув на юг, они шли под парусами до утра 22 июля на SSW, сделав при туманной погоде три мили, а затем до ночи, снова в тумане, проплыли девять миль в направлении на StW.

Тогда, взяв курс опять на север, они прошли три мили на NWtN и две мили на NtW. Тут, утром 23 июля, ветер переменился на северо-западный, и брошенный лот показал глубину в 48 саженей, грунт был илистый.

Затем на протяжении двух миль они шли на NNO и NtO и еще две мили на NO; глубина была 16 саженей. Повернув после этого на запад, они прошли под парусами в направлении на NtW шесть миль. Грунт был илистый, глубина 46 саженей.[60] Затем, повернув на восток, они сделали три мили на OtN, девять или десять миль на O и на OtS, еще пять или шесть миль в этом же направлении, пять--шесть миль на OtX до ночи 24 июля, а затем еще четыре мили в направлении на ONO; ветер дул с ONO.

Тут, взяв опять курс на север, они до утра 25 июля шли на N и NtW на протяжении четырех миль; грунт был илистый, глубина 130 саженей. Направляясь дальше на север, они нашли глубину в 100 саженей и заметили на северо-востоке лед. Продвинувшись еще на две мили на NtW, они повернули на юг, в направлении льда, и сделали одну милю в юго-восточном направлении. После этого они прошли шесть миль на север и встретили такое множество льда, что были совершенно окружены им; с марса ничего кроме льда не было видно. Они хотели пройти через лед, но не могли его одолеть, и поэтому к вечеру опять изменили курс на южный. Вдоль кромки льда они прошли на StW пять миль и еще три мили на SSO.

25 июля к ночи, когда солнце, находившееся между N и NNO, было ближе всего к закату, они измерили его высоту над горизонтом, причем получилось 6 3/4®;[61] склонение солнца было 19®50'. Если от этой величины отнять 6 3/4®, то остается 13®5', а если это число вычесть из 90®, то получится 77® без 5'.[62]

26-то утром они взяли курс на SSO и прошли в этом направлении шесть миль, пока солнце не оказалось на SW. После этого они сделали шесть миль в юго-восточном направлении и оказались приблизительно в расстоянии одной мили от берега Новой Земли. Тогда,

повернув от берега, они на протяжении пяти миль шли NtW при восточном ветре. К ночи курс снова был изменен на южный, и, пройдя семь миль на SSO, они опять оказались близко к берегу.

Тогда, вновь повернув на север, они прошли две--три мили на NNO, оттуда легли на юг и, пройдя две или три мили на SSO, снова подошли к Новой Земле у мыса Утешения.[63]

После того, повернув от берега и пройдя около полумили на NO, они попали на мели глубиною в 4 сажени, между утесами и сушей; далее глубина была 10 саженей, а грунт состоял из маленьких черных камешков. Они плыли некоторое время на парусах на NVV, пока не нашли глубины в 13 сажени, с крепким и твердым дном.[64]

Отсюда они 27 июля пошли под парусами на NO, при ветре с OSO, и, проплыв четыре мили, повернули на юг, где нашли глубину в 70 саженей и глинистый грунт. Плывя дальше на S и StO и сделав четыре мили, они пришли к большому заливу. В полутора милях отсюда была песчаная отмель в 18 саженей глубиной при глинисто-песчаном грунте. Между этой отмелью и землей глубина моря составляла 60 и 50 саженей, берег тянулся с востока на запад по компасу.

К ночи, взяв курс на север, они прошли три мили в направлении на NNO; днем был туман, а к ночи стало ясно, так что Виллем Баренц, измеряя своим градштоком высоту солнца, определил ее в 5®40'. Склонение было 19®25'. Вычитая отсюда высоту в 5®40', получаем 13®45'. Отнимая это число от 90®, получаем широту в 76®31.[65]

Утром 28 июля они прошли под парусами три мили на NNO, затем повернули на юг и, пройдя шесть миль на SSO, узнали, что находятся от земли еще в расстоянии трех или четырех миль.

28 июля в полдень высота солнца над горизонтом, измеренная астролябией, оказалась 57®6'.[66] Склонение его было 19®18'. Оба числа при сложении дают широту 76®24'. Это было приблизительно в четырех милях от Новой Земли, которая оказалась вся покрыта снегом. Небо было ясное, ветер восточный.

Когда солнце находилось приблизительно на юго-западе, они повернули на север и проплыли одну милю в направлении на NNO, затем прошли одну милю на SO и, вторично повернув на север, еще четыре мили на NO и NOtO.

К вечеру того же дня широта мест была определена по солнцу в 76®24'. Продвинувшись еще на три мили на NO и четыре мили на NOtO, они 29 июля снова вошли в лед.

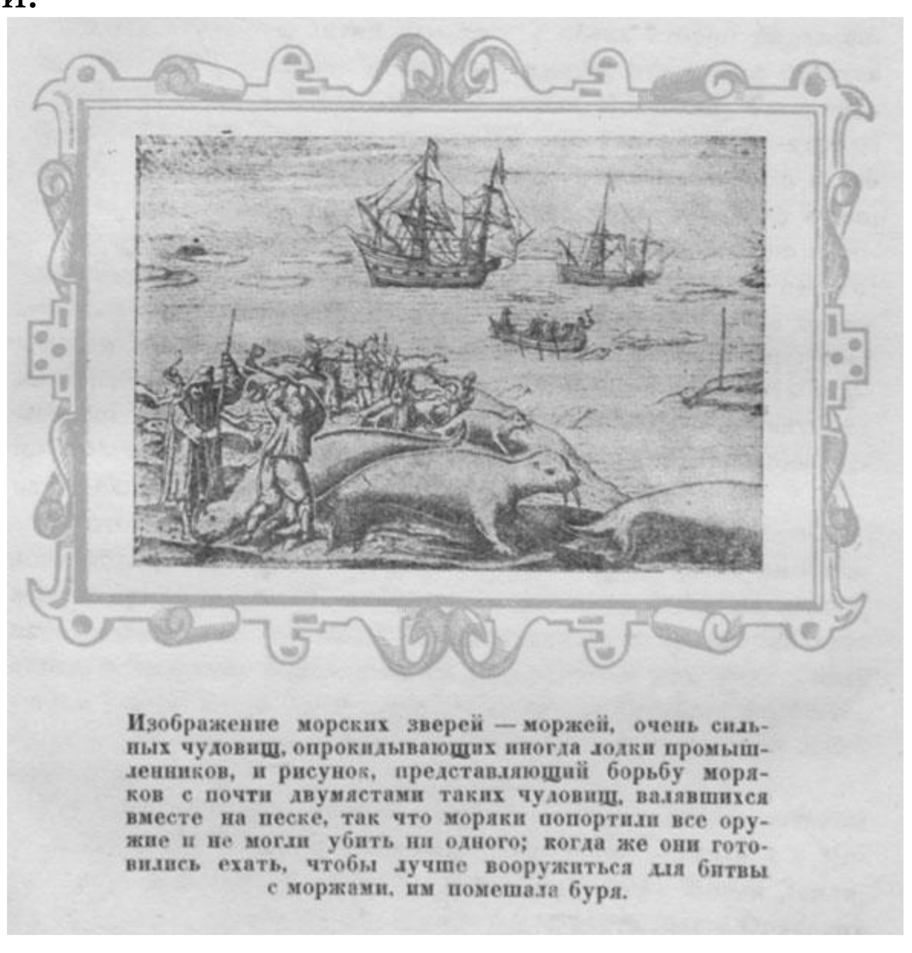
В этот день, 29 июля, высота солнца над горизонтом, измеренная градштоком, астролябией и квадрантом, была определена в 32®, склонение составляло 19®. Вычитая последнее число из высоты, получаем 13®, а если отнять 13® от 90®, остается 77®. В то время, когда было сделано это определение широты, крайний северный мыс Новой Земли, названный Ледяным, находился от них, как раз к востоку.[67]

Там нашли они несколько камешков,[68] блестевших как золото и названных поэтому золотыми; там также найден был красивый залив с песчаным дном.

В этот самый день они взяли курс на юг и прошли две мили на StO между берегом и льдом. Затем они прошли от Ледяного мыса на восток[69] шесть миль до островов Оранских, лавируя между берегом и льдом; погода была тихая и мягкая, так что 31 числа они достигли Оранских островов.[70]

Пристав к одному из этих островов, они нашли там около двухсот морских чудовищ, катавшихся на песке на солнце, которых сами они называют Walruschen, а Олай Магнус[71] -- моржами. Эти морские чудовища гораздо

больше быков, живут в море, кожу имеют наподобие тюленей, с коротким волосом, пасть их подобна львиной; они держатся по большей части на льду, имеют четыре лапы и лишены ушей; убить их можно с трудом, только ударом по вискам; производят они одного или двух детенышей. Если промышленники случайно застанут их на ледяных глыбах с детенышами, то моржи бросают их в воду, потом спрыгивают в воду сами, подхватывают детенышей лапами,[72] и, то погружаясь, то выплывая, ускользают. А если они хотят сопротивляться, то, бросив детенышей, с огромною силою плывут к лодке, как это раз испытали наши, находясь в немалой опасности. Именно морж чуть не вонзил зубы в корму лодки, стремясь притянуть ее к себе, но наши подняли крик и он в испуге удалился, подхватив опять своих детенышей лапами.



Изображение морских зверей — моржей, очень сильных чудовищ, опрокидывающих иногда лодки промышленников, и рисунок, представляющий борьбу моряков с почти двумястами таких чудовищ, валявшихся вместе на песке, так что моряки попортили все оружие и не могли убить ни одного; когда же они готовились ехать, чтобы лучше вооружиться для битвы с моржами, им помешала буря.

Моржи снабжены двумя клыками, с обеих сторон выдающимися из пасти, длиною не менее сажени; эти клыки ценятся наравне со слоновой костью, особенно в Московии, Татарии и соседних странах, где они известны; они так же белы, тверды и гладки, как слоновая кость. Моряки думали, что это стадо моржей, возившихся на песке, не может защищаться на суше, и потому напали на них, чтобы овладеть их клыками, но поломали свои тесаки, топоры и копья, не сумев убить ни одного; только у одного они выбили клык, который и унесли. Не добившись в этой борьбе никакого успеха, они решили вернуться на корабль и привезти оттуда пушки и с ними атаковать моржей, но поднялся очень сильный ветер, который стал ломать лед на большие глыбы, так что от этого намерения пришлось отказаться.

В это самое время они нашли спавшим огромного белого медведя, которого поразили пулей. Тем не менее он побежал и прыгнул в воду, по матросы, разогнав лодку на веслах, преследовали его, закололи и, протащив по льду, крепко привязали к половине копья, с силой воткнутого в лед, имея в виду увезти зверя, когда вернутся с пушками для борьбы с моржами, но, так как ветер все крепчал, а лед стал ломаться, то из этого ничего не вышло.

Как было сказано, Виллем Баренц 5 июня 1591 г. отплыл от Текселя и 23-го того же месяца добрался до Кильдина в Московии и, взяв оттуда курс к северному берегу Новой Земли, достиг, как были изложено, успеха и 1 августа был у Оранских островов.

Он не мог не заметить, что, несмотря на весь приложенный труд, нелегко будет закончить начатое плавание, так как моряки стали тяготиться продолжительным замедлением и не желали идти дальше. Поэтому в конце концов он счел за лучшее плыть обратно и вернуться к другим кораблям, взяв курс

к Вайгачу и Нассаусскому проливу,[73] чтобы узнать, какой проход нашли они там.[74]

АВГУСТ 1594

Поэтому 1 августа они отпыли от Оранских островов и на протяжении первых шести миль шли на W и WtS вплоть до мыса Ледяного.

От мыса Ледяного до мыса Утешения они шли на парусах, держа курс на W, несколько уклоняясь к югу, на протяжении 30 миль.[76] Между этими мысами берег очень высок, но мыс Утешения -- низкий; на западной стороне его имеются четыре или пять черных холмов, напоминающих хижины крестьян.[77]

Повернув от мыса Утешения на север, они шли 3 августа на протяжении восьми миль на NWtN и NNW, а в полдень повернули и, пройдя курсами StW и SSW семь миль, достигли нижнего выступа мыса Нассау.

К ночи они снова повернули на север и прошли на парусах две мили на NtO, но когда ветер изменился на северный, то в силу этого они повернули на запад и на протяжении мили плыли на NNW. С переменой же ветра на восточный они пошли на WtN и с утра 4 августа до полудня сделали в этом направлении пять или шесть миль и затем еще до самой ночи пять миль на SW и еще две мили в том же самом направлении, пока не добрались до низкого места, на восточной стороне которого была белая примета.

5 августа они прошли на WSW 12 миль, на SW 14 миль и на W три мили, до 6 августа.

6 августа они сделали две -- три мили на WSW, четыре -- пять миль на SW и SWtS, три мили на SWtW и еще три мили в том же направлении, а затем три мили на WSW и SWtS до 7 августа.

7 августа они прошли до полудня в направлении на WSW три мили и на W также три мили. Затем они повернули на юг и до ночи продвинулись на SO и SOtO три мили; далее сделали еще две мили в направлении на SW и три мили на юг до утра 8 августа. Ветер WSW.

8 августа они прошли на SOtS десять миль и придерживались этого курса до ночи на протяжении пяти миль, после чего добрались до низкой земли,[77] простирающейся от SWtS до NOlN. По этому же поправлению они прошли еще пять миль, и здесь, в двух милях от земли, глубина оказалась равной 36 саженям, а грунт был черный песок. Приблизившись к берегу, они в расстоянии полумили от него определили глубину в 12 саженей; дно было каменистое.

Отсюда земля тянется на юг на три мили, до другого низкого мыса, вблизи которого находится черный утес. Отсюда же берег идет на SSO еще на три мили то другого мыса,[78] вблизи которою есть небольшой остров[79] и отмель глубиною в 8, 9, 10 саженей. Этот остров они назвали Черным, так как поверхность земли там была черная. Затем настал очень густой туман, так что они легли в дрейф и прошли по ветру три мили на NW; а когда прояснило, снова повернули к земле и, когда солнце было на юге, опять подошли к Черному острову, при курсе OSO.

Тут Виллем Баренц определил по высоте солнца широту, оказавшуюся 71 1/3®.[80]

Здесь же нашли они большой залив. Виллем предполагал, что это тот самый, где раньше был Оливер Брунель[81] и который назывался Костинсарх.[82]

От острова Черного плыли они на протяжении трех миль в направлении на S и StO к другому мысу,[83] который по найденному на нем кресту назвали Крестовым мысом.[84] Там также оказался залив, очень

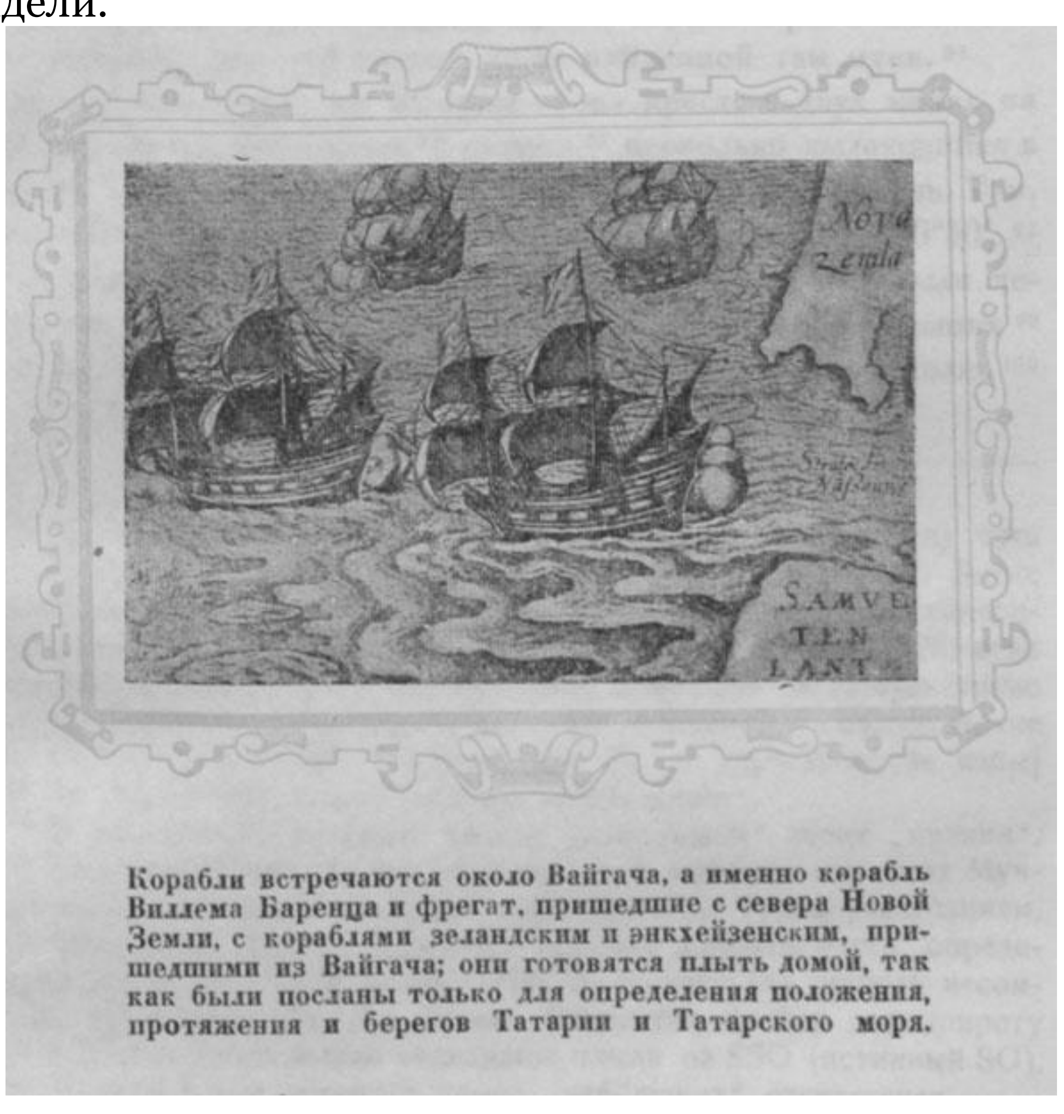
мелкий, с глубиною в 5, 6, 7 саженей; дно было твердое и крепкое.[85]

От Крестового мыса они плыли четыре мили вдоль берега[86] на SSO и добрались до другого мало приметного мыса,[87] сзади которого простирается большая излучина, вытянутая на восток.[88] Этому мысу они дали название Пятого или св. Лаврентия.

От Пятого мыса шли на парусах три мили на SSO до мыса Шанц,[89] где вблизи земли находился длинный черный утес, на котором стоял крест. Потом они опять наткнулись на лед и, чтобы избежать его, взяли курс в море. Их намерением было плыть вдоль берега Новой Земли в направлении к Вайгачу, но, встретив лед, они повернули на запад. От ночи 9 августа до утра 10-то они плыли на парусах на протяжении одиннадцати миль на WtN, потом еще на четыре мили на WNW и NWtW при северном ветре. В полдень они изменили курс на восточный и до ночи прошли на парусах к O и OtS десять миль; затем они сделали в направлении на O и OtN еще четыре мили. Тут увидели они землю и оказались как раз у входа в большой залив, где при помощи шлюпки высадились на берег в превосходной гавани, глубиною в 5 саженей при песчаном грунте.[90] Этот залив имеет с северной стороны три черных мыса, около третьего проходит фарватер, но близко к мысу не следует подходить, так как он каменистый; между вторым и третьим мысами есть также превосходный залив, защищенный от ветров с NW, N и NO. Дно там черное, песчаное. Этому заливу дано было имя св. Лаврентия; здесь они измерили высоту солнца и определили широту места в 70 3/4®.

От залива св. Лаврентия они прошли две мили на SSO до мыса Шанц[91] и нашли здесь, вблизи берега, низкий черный утес с поставленным на нем крестом. Добравшись на лодке до берега, они наткнулись на

следы людей, которые, очевидно заметив моряков, успели убежать. Именно там оказалось шесть полных мешков ржаной муки, спрятанных в земле, и куча камней у креста, а в расстоянии ружейного выстрела стоял еще другой крест с тремя деревянными домами, выстроенными по северному обычаю. В этих домах они нашли много бочарных досок и поэтому сделали предположение, что тут ведется ловля лососевых рыб;[92] они обнаружили также пять или шесть гробов, полных костями умерших, незарытых в землю, а заваленных камнями. Там лежала также сломанная русская ладья,[93] длина киля которой была 44 фута. Однако людей они не видели.



Корабли встречаются около Вайгача, а именно корабль Виллема Баренца и фрегат, пришедшие с севера Новой Земли, с кораблями зеландским и энкхейзенским, пришедшими из Вайгача; они готовятся плыть домой, так как были посланы только для определения положения, протяжения и берегов Татарии и Татарского моря.

Этой превосходной и защищенной от всех ветров гавани они дали название Мучной гавани из-за найденной там муки.[94]

От черного утеса, на котором стоял крест, в двух милях на SSO, находился небольшой[95] остров,[96] несколько выдающийся в море, от которого они прошли на SSO девять или десять миль. Там, когда солнце было на SSW, его высота 12 августа была 70®50'.[97]

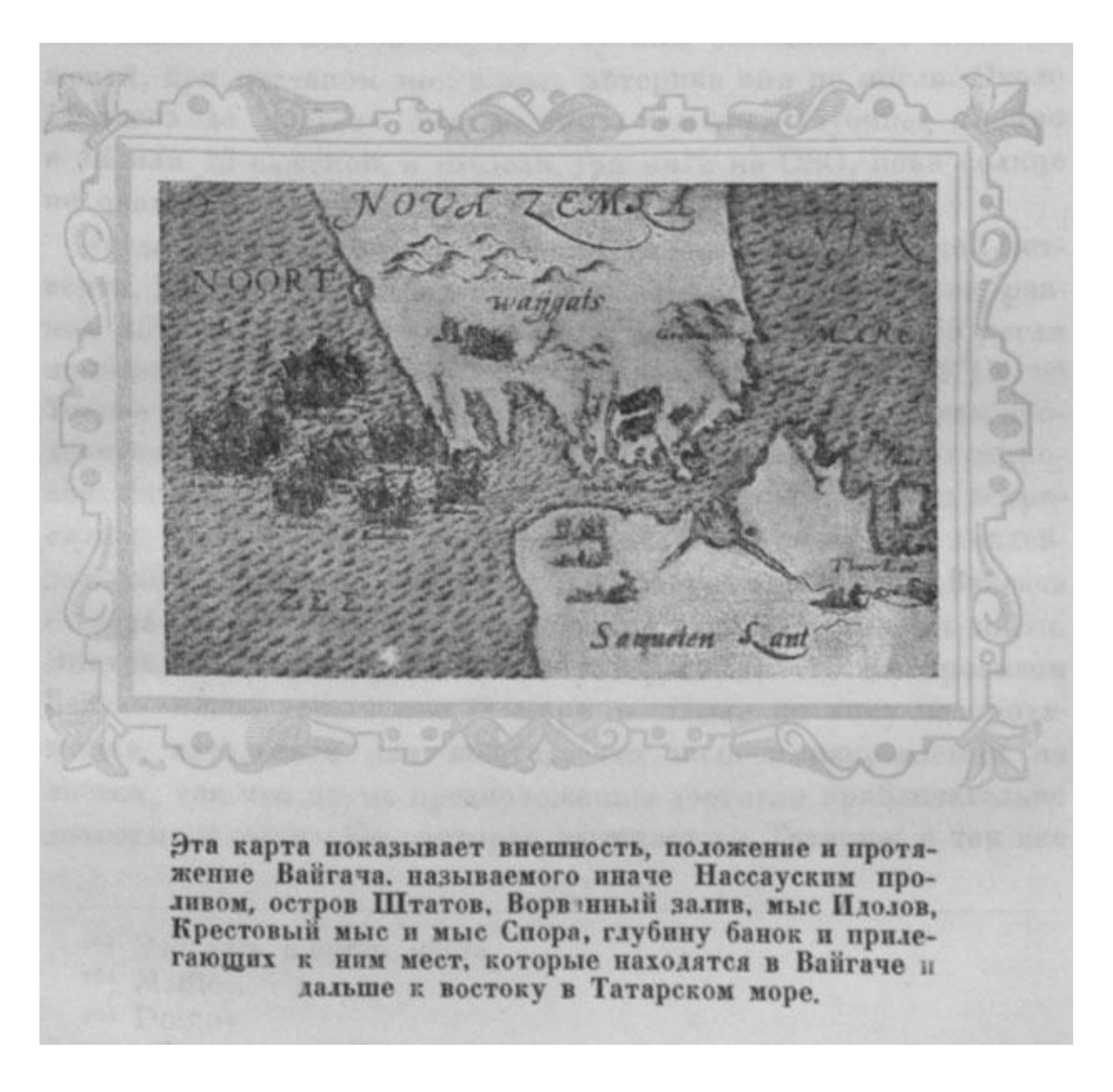
От этого островка, держась около берега, они проплыли четыре мили на SOtS и добрались до двух других небольших[98] островов,[99] из которых дальний отстоял от земли на милю.[100] Он был назван островом св. Клары.

Затем они снова наткнулись на лед и повернули в море, приспособляясь к ветру. До ночи они прошли под парусами в направлении на WSW четыре мили, при северо-западном ветре. К ночи налег сильный туман, глубина была 80 саженей.

Затем они опять пошли на SWtW и WSW на протяжении трех миль; там глубина оказалась равной 70 саженям. Держа курс на SWtW, они до утра 13 августа прошли четыре мили; за два часа перед этим глубина была 56 саженей, а утром 45 саженей, грунт -- ил.

Далее до полудня они на протяжении шести миль шли на SW и имели глубину в 24 сажени при черном песчаном грунте; час спустя грунт состоял из темновато-красного песка, глубина была 22 сажени.
Продвинувшись еще на шесть миль на SW, они нашли на дне красный песок, при глубине в 15 саженей: затем, держа на протяжении двух миль тот же курс, они опять имели дно с красным песком, при глубине в 15 саженей. Дальше они заметили землю[101] и сохраняли тот же курс до ночи, пока не подошли к земле на полмили; грунт был здесь песчаный, глубина 7 саженей. Земля была малоприметная -- низкая насыпь, тянувшаяся с востока

на запад. Затем, повернув от земли, они на протяжении четырех миль держали курс на N и NtO. Отсюда они вновь повернули к земле и шли под парусами до 14 августа, на протяжении пяти или шести миль и направлении на SW, недалеко от земли, в которой они предполагали остров Колгуев. (Colgoien); дальше они прошли вдоль земли в направлении на O четыре мили и на O и OtS три мили. Тут налег такой густой туман, что земли нельзя было видеть, а глубина воды составляла всего только 7 и 8 саженей. Поэтому, убрав марсовый парус,[101] они легли по ветру, пока туман не рассеялся; солнце было в это время на SSW. Земля однако не была видна, глубину моря они определили в 100 саженей, грунт был песчаный. Затаем они прошли семь миль на O и две мили на OSO и SOtO и до утра 15 августа еще девять миль на oSO. Держа тот же самый курс, они прошли до полудня еще четыре мили; они попали на мелководье, где глубины составляли 9 а 10 саженей, при песчаном дне; видеть материка они не могли. Около 11 часов до полудня они достигли большей глубины, именно в 12 или 13 саженей, и сделали три мили на OSO, пока солнце не оказалось на юго-западе.



Эта карта показывает внешность, положение и протяжение Вайгача, называемого иначе Нассауским проливом, остров Штатов, Ворванный залив, мыс Идолов, Крестовый мыс и мыс Спора, глубину банок и прилегающих к ним мест, которые находятся в Вайгаче и дальше к востоку в Татарском море.

Когда солнце в тот же день находилось в юго-западной четверти, Виллем Баренц измерил его высоту, оказавшуюся равной 35®; склонение его было 14 1/4®; до 90® не хватало 55®; если прибавить к этой величине склонение, получается 69®15'.[103] Такова была высота полюса; ветер с северо-запада. Тогда, продвинувшись еще на две мили на восток, они добрались до островов Матвеева[104] и Долгого.[105] Тут в утреннюю пору они встретились с другими союзными кораблями,[106] зеландским и энкхейзенским, которые в тот же самый день прибыли из Вайгача (Weygats),[107] и каждый рассказал, до каких пор удалось дойти. Энкхейзенцы прошли Вайгач и утверждали, что за проливом Вайгач

нашли обширное[108] море и плыли по нему на протяжении пятидесяти или шестидесяти миль в направлении на восток, так что по их предположению достигли приблизительно долготы[109] реки Оби, которая вытекает из Татарии; а так как материк Татарии в свою очередь простирается на северо-восток, то они заключили, что были недалеко от мыса Табин,[110] крайней оконечности Татарии, откуда поворачивают, чтобы достичь царства Китайского, сперва на SO, а потом на S. Они считали, что открыли уже достаточно и что пора возвращаться, тем более, что им было поручено только отыскать удобный путь и к зиме вернуться домой; поэтому они и повернули к проливу Вайгач, причем попали к острову величиной около пяти миль и расположенному к юго-востоку от Вайгача, у берегов Татарии. Этот остров назвали они островом Штатов;[111] на нем нашли они много камней горного хрусталя, представляющего повидимому род алмаза.

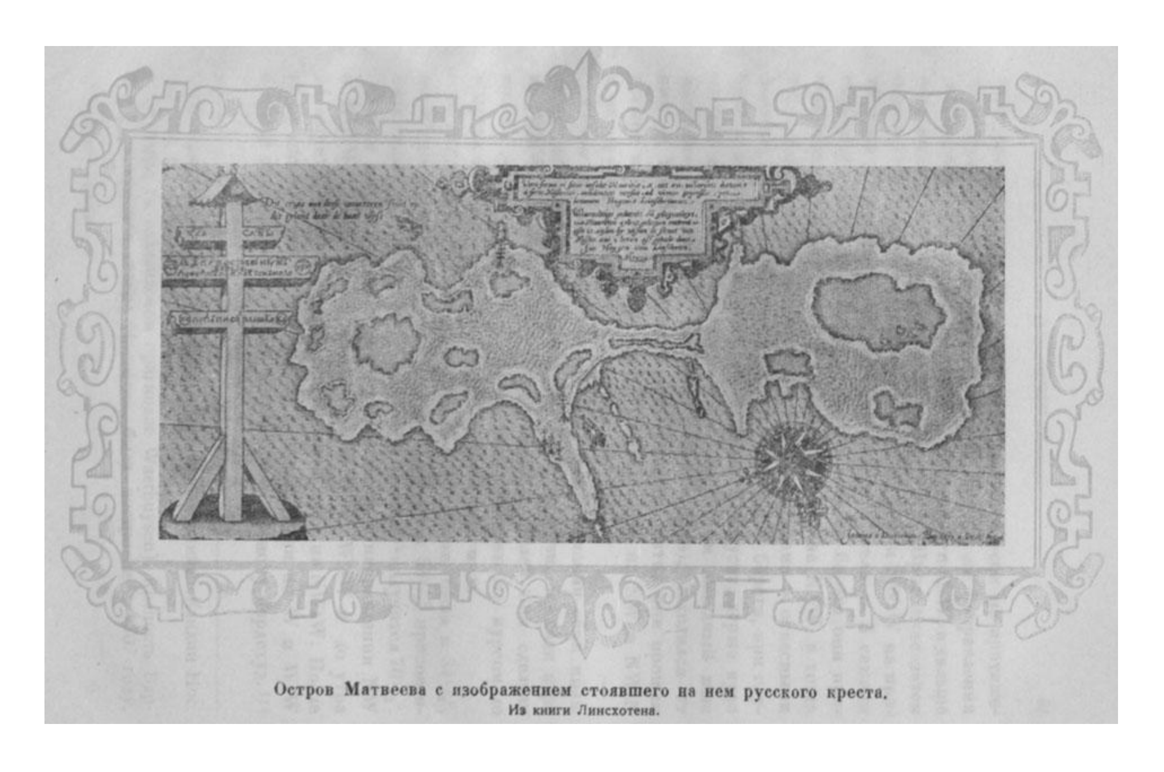
Так вот, после упомянутой выше встречи они в знак радости дали пушечный залп. Они полагали, что Виллем Баренц, обойдя вокруг Новой Земли, вернулся через пролив Вайгач.

Обменявшись далее взаимными наблюдениями и радостными приветствиями, они приготовились к возвращению.

16 августа они находились у островов Матвеева и Долгого и оставались здесь до 18-то, так как ветер дул с северо-запада.

18 августа они поставили паруса и прошли двенадцать миль на NNW и шесть миль на WtS, пока при сеперо-западном ветре не достигли песчаной мели, где глубина едва достигала 5 саженей. Повернув к ночи на север, они сделали семь -- восемь миль в направлении на ONO, при северном ветре. После этого они повернули и до утра 19 августа прошли две мили на запад, затем две мили на

SW и две мили на SO. Отсюда, снова повернув на запад, они до ночи имели штиль, когда же поднялся восточный ветер, то вначале, на протяжении шести или семи миль, держали курс на NW и NWtW, имея глубину в 12 саженей; затем до утра 20-то они шли тем же курсом на протяжении семи миль при ветре с востока; в этом же направлении они сделали еще семь миль, потом, четыре мили на NW, а дальше они легли в дрейф, так как наступил штиль. Продолжая затем плавание под парусами в направлении на NW и NWtW на протяжении семи миль, они ночью пришли к мели в 3 сажени глубины, находившейся вблизи материка. Вдоль берега они прошли сперва одну милю на N, затем три мили на NNW, и тогда перед ними предстала земля с песчаными горами и отвесными мысами. Они продолжали свое плавание вдоль берега, при глубине в 9 или 10 саженей, до полудня 21 августа, держа курс на NW на протяжении пяти миль. При этом западный мыс материка, называемый Кандинэс[112] (Candinaes), находился от них на WNW, в расстоянии четырех миль. Затем они прошли четыре мили, еще четыре на NWtN, три мили на NW и NWlN и четыре мили на NW, то утра 22 августа.



Остров Матвеева с изображением стоявшего на нем русского креста.
Из книги Линсхотена.

Утром 22 августа плыли на NW на протяжении семи миль; затем на протяжении пятнадцати миль, до ночи, держали курс на WNW и NWtW; ветер был северный. Далее они сделали восемь миль на WNW и, продолжая итти тем же курсом до полудня 23 августа, прошли еще одиннадцать миль.

В этот день высота солнца над горизонтом была в 31 1/3®, до 90® не хватало следовательно 58 2/3®; если к 59 2/3® присоединить склонение солнца 11 2/3®, то высота полюса[113] получится 70 1/3®.

Затем до ночи они прошли восемь миль в поправлении NW и NWtW, далее -- пять миль на NWtW и WNW и до утра 21 августа, на протяжении шести миль, шли на NWtW. После этого они сделали еще три мили в направлении на W и WtW и тогда подошли вплотную к острову, называемому Вардехуз.[114]

Путь от Вардехуза домой достаточно известен, и потому я не счел нужным описывать его; упомяну только, что отсюда корабли плыли на родину совместно до Текселя, откуда зеландский корабль двинулся дальше

10 сентября; как раз в день ярмарки Виллем Баренц прибыл в Амстердам, а энкхейзенский корабль -- в Энкхейзен, откуда они были отправлены. Команда Виллема Баренца доставила в город Амстердам моржа, морское чудовище удивительной формы, которое они поймали на льдине и убили.

Конец первого плавания

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ВТОРОГО ПЛАВАНИЯ, КОТОРОЕ БЫЛО ПРЕДПРИНЯТО В 1595 ГОДУ ВОКРУГ СЕВЕРНЫХ ЧАСТЕЙ НОРВЕГИИ, МОСКОВИИ И ТАТАРИИ В НАПРАВЛЕНИИ К ЦАРСТВАМ КИТАЙСКОМУ И СИНСКОМУ

Когда четыре вышеупомянутые корабля возвратились в сентябре месяце 1594 года, то возникла большая надежда на возможность завершения плавания через пролив Вайгач, особенно на основании рассказа тех, кто находился на зеландском и энкхейзенском кораблях: комиссаром там был Иоанн Гуго Линсхотен,[115] который излагал все предприятие в очень благоприятном освещении. В результате могущественные Генеральные Штаты союзных провинций и светлейший принц Оранский решили снарядить в начале весны несколько кораблей, имея в виду не только, по примеру прошлого плавания, разведать и открыть морской путь,[116] но и вывезти туда товары, погрузку которых на корабли предоставить купцам, сообразно с их выгодами. Были также назначены комиссары для свободной розничной продажи этих товаров в тех местах, куда они попадут, без всяких налогов и пошлин. Знаменитый космограф Петр

Планций[117] был одним из тех, кто главным образом продвигал это плавание; в письменной форме он точно указал те пути, которыми надо было следовать, и нарисовал очертания стран Татарии, Китая Синая. Однако окончательное суждение по этому вопросу вынести еще нельзя: хотя предприняты были три путешествия, но они не доведены до желанного конца, так как начерченных Планцием путей не удалось в точности соблюсти, вследствие некоторых препятствий, неустранимых в связи с недостатком времени.

Некоторые чернодумы[118] хотят теперь уверить", будто это дело невозможное, и утверждают, на основании некоторых древних авторов, что по обе стороны северного полюса, больше чем на 305[119] миль, море не судоходно. Но это явно неосновательно. По Белому морю и морям более северным уже ходят суда, и там ведется рыбная ловля, вопреки мнению и предположению древних писателей. Больше того -- где только ни совершается теперь плавание, а ведь многого древние вовсе не знали. Но, как я сказал в начале описания первого плавания, было бы не удивительно, если бы с обеих сторон северного полюса, на протяжении 23®, был такой же холод, как и под самым полюсом, однако это еще точно не доказано. Кто мог бы поверить, что на Пиренеях и Альпах, которые тянутся в Испанию, Италию, Германию и Галлию (Францию), бывает такой сильный холод, что снег там никогда не тает, хотя они гораздо ближе к солнцу, чем наши Нидерланды, расположенные у Северного моря? Откуда такая стужа на горах? Разумеется от долин, в которых снег лежит так глубоко, что солнце не может проникнуть до дна, и от высоких гор, препятствующих солнечным лучам проникнуть в долины.[120] То же самое, по моему мнению, происходит и со льдом, который находится в Татарском море, называемом также Ледовитым, около Новой

Земли. Там лед, выносимый из рек Татарии и Китая, не может растаять, как в силу его множества, так и потому, что солнце в этих местах стоит не очень высоко и не может дать достаточного жара, чтобы растопить лед.[121] Вот причина, почему лед остается здесь точно так же, как снег на упомянутых выше горах Испании; вместе с тем и сам лед вызывает здесь больший холод, чем в открытом море, в области, лежащей ближе к полюсу. Эти соображения приводим мы только для сведения, не придавая им полной достоверности, так как вопрос этот не исследован. Обратимся теперь к рассказу о втором путешествии на север.

В 1595 году Генеральные Штаты наших союзных провинций и принц Мориц, в качестве адмирала, снарядили семь кораблей, два в Амстердаме, два в Зеландии. два в Энкхейзене и один в Роттердаме, для плавания через пролив Вайгач, или Нассауский, к царствам Китайскому и Синскому. Шесть из этих кораблей были нагружены всякого рода товарами и деньгами, и к ним приставлены были комиссары для устройства торговли. Седьмому, который был фрегатом, дало было такое поручение: когда остальные корабли обогнут мыс Табин (который является крайним мысом Татарии) или зайдут так далеко, что можно будет взять курс на юг, и все ледовые препятствия будут побеждены, то он (фрегат) должен вернуться и сообщить об этом. Так как я ехал на корабле Виллема Баренца, где он был главным штурманом,[122] а Яков Гемскерк первым комиссаром,[123] то я опишу плавание, которое мы проделали, и курсы, которыми шли, таким же точно образом, как описал первое плавание.

Итак, прежде всего в Амстердаме нам устроен был смотр, и мы принесли необходимую присягу, после чего 18 июня отплыли в Тексель, чтобы начать наше

плавание совместно с другими кораблями, которые должны были там собраться в определенный день.

ИЮЛЬ 1595

2 июля, около восхода солнца, мы вышли из Текселя, держа курс на NWtN приблизительно на протяжении шести миль.

Затем до утра 3 июля мы шли на парусах на NNW на протяжении восемнадцати миль, после чего находились, как мы считали, в широте 55®. Далее при NW и NNW ветрах и тихой погоде плавание под парусами продолжалось m утра 4 июля, причем мы сделали приблизительно четыре мили на W и WtS. Затем при NNW ветре, отходившем еще более на север, мы прошли до утра 5 июля около пятнадцати миль в направлении на W и WtN и дальше еще восемь миль, пока солнце не оказалось на западе.

Тогда, переменив курс, мы до утра 6 июля шли на NO, сделав предположительно десять миль; того же курса держались мы приблизительно на протяжении двадцати четырех миль до 7 июля, когда солнце было на юге, и далее до полуночи, приблизительно на протяжении восьми миль.

Затем, повернув, мы до утра 9 июля прошли на WSW приблизительно четырнадцать миль и дальше, изменив на NO, до вечера еще приблизительно десять миль.

Потом мы плыли на NtO[124] и до вечера 10 июля сослали приблизительно восемнадцать миль. Затем мы легли на SW и шли до 11 июля, пока солнце не оказалось на юго-востоке, сделан приблизительно восемь миль.

Потом до полудня[125] 12 июля мы шли курсами N и NtO шестнадцать миль, дальше же на NtW десять миль.

13 июля мы опять повернули и шли на SW и WSW почти до трех часов перед вечером, сделав приблизительно шестнадцать миль.[126] Дальше курс был опять изменен, и мы до 14 июля прошли на север около десяти миль, пока солнце не оказалось на SSO.

До утра 15-то мы сделали около восемнадцати миль на NtO и NNO, а затем до вечера приблизительно двенадцать миль на NtO.

Тут мы увидели Норвегию и на протяжении восемнадцати миль шли курсом NtO до вечера 16-го, пока солнце не перешло на северо-запад. Затем 17 июля мы прошли курсами NO и NOiN около двадцати четырех миль, пока солнце не оказалось на западе.

Затем мы плыли опять на NtO[127] до 18 числа, пока солнце не перешло на северо-запад, приблизительно на протяжении двадцати миль. Отсюда мы сделали в направлении на NWtN до 19-то числа, пока солнце не оказалось на западе, приблизительно восемнадцать миль.

Дальше курс был изменен на NOtN и NO. Мы придерживались его до 20 июля, до шести клепсидр,[128] в первую вахту, здесь мы стали поджидать наш фрегат, который не мог следовать за нами из-за сильного ветра. По окончании вахты мы заметили, что наши товарищи замедлили ход,[129] чтобы подождать нас. После того как мы приблизились к ним, мы продолжали итти тем же курсом, сделав до вечера приблизительно тридцать миль.

Затем до вечера 21 июля мы прошли на SOtO приблизительно двадцать шесть миль, когда началась наша вахта, и дальше держали тот же курс до 22-то числа, пока солнце не перешло на SSO, сделав приблизительно десять миль. Около полудня, когда солнце было на SSW, мы заметили прямо перед носом заснувшего огромного кита; разбуженный шумом

шедшего на парусах корабля и криком моряков, он уплыл, иначе наш корабль должен был бы пройти через середину его тела. Тем же курсом мы прошли еще восемь миль пока солнце не перешло на NNW.

23 июля мы пришли на SOtS приблизительно пятнадцать миль, пока солнце не оказалось на SSW, и тогда, в расстоянии приблизительно четырех миль от нас, заметили землю. Когда солнце было приблизительно на SSW, мы повернули от земли и прошли двадцать четыре мили, пока солнце не перешло на северо-запад.

Затем до полудня 25 июля мы на протяжении десяти миль шли на N, далее до полуночи восемь миль на NNW. Тогда курс был опять изменен, и мы плыли в направлении на OSO и SOtS до полудня 26 июля; высота солнца была 71 1/4®.[130]

Когда солнце перешло на SSW, курс был изменен на NOtN, и мы шли так до 27 июля; в полдень высота солнца была определена в 72 1/3®.[131]

Затем мы до 28 июля, пока солнце не оказалось на востоке, прошли приблизительно шестнадцать миль на NO. Далее, пока солнце не перешло на NW, мы сделали около восьми миль в направлении на StO и затем до полуночи 29 числа приблизительно восемнадцать миль на SOtS.

Дальше курс был изменен, и до 30 июля, когда солнце было на севере, мы прошли на OtN приблизительно восемь миль; отсюда повернули мы на SSO и большею частью при затишьи продвинулись в этом направлении на шесть миль до 31 июля, когда солнце было на северо-западе.

АВГУСТ 1595

Отсюда до полуночи 1 августа мы прошли восемь миль на О: при тихой и ясной погоде, когда солнце было на севере, мы на юго-востоке увидели остров Тромсе;[132] мы находились в расстоянии 10 миль от береги. Мы шли до тех пор, пока солнце не оказались на О, при легком ветре с ONO, а потом прошли 9 1/2 миль на SO, пока солнце не перешло на северо-запад.

Затем в расстоянии полумили от земли мы повернули и легли на OtN; до 3 августа, когда солнце было на SW, мы прошли этим курсом приблизительно три мили, а потом вдоль берега приблизительно пять миль.

После этого мы опять изменили курс из-за косы,[133] вытянувшейся приблизительно на 1 1/2 мили от материка, на которую сел корабль[134] вице-адмирала Избранда,[135] но так как ветер был подходящий, ему удалось сняться. Он шел несколько впереди нас, и мы, услышав крики и увидев его корабль в опасности, тотчас изменили курс. При ветре с NOtO и SO, но большею частью с SO и S, мы прошли пять -- шесть миль вдоль берега до 1 августа, когда солнце было на юге.

Тогда измерение высоты солнца показало 71 1/4®; а затем до полуночи стоял штиль. Когда подул южный ветер, мы взяли курс на OtN и шли так до 5 августа. Когда солнце было на юго-востоке, Нордкап находился от нас в двух милях на восток, а когда солнце было на северо-западе, к югу от нас в четырех милях стояли скалы, называемые обычно "Мать с дочерьми";[136] за это время мы сделали около четырнадцати мил".

Затем мы плыли на NO до 6 августа, пока солнце но оказалось на северо-западе, и тогда мы столкнулись с кораблем вице-адмирала Избранда, причем оба корабли получили повреждения. Мы прошли приблизительно десять миль.

Когда солнце было на северо-западе, мы спустили паруса, а затем снопа подняли их при ветре с О и ONO[137]

или на StO до 7 августа, пока солнце по перешло на SO, тогда мы повстречались с одним энкхейренским кораблем, шедшим из Белого моря: к этому времени мы предположительно сделали восемь миль.

Когда солнце стало на юго-западе, Нордкап находился от нас на SWtS в полутора милях, а скалы, называемые "Мать с дочерьми", приблизительно в трех милях к SW. Затем при ветре с OtN мы до 8 августа, когда солнце было на юго-западе, прошли четырнадцать миль на NtO.

Далее, изменив курс на StO, мы шли до 9 августа, когда солнце было на юге, и тогда мы увидели к юго-востоку от нас высокий мыс материка, а к юго-западу, примерно в четырех милях от нас, другой очень высокий мыс. Курсом StO мы прошли около четырнадцати миль. Затем мы повернули на NOtN и до 10 августа, когда солнце было на востоке, прошли приблизительно восемь миль. Далее мы снова повернули на юг и шли до тех пор, пока солнце не оказалось на северо-западе; при этом мы сделали предположительно десять миль.

Затем, когда Нордкап отсюда от нас приблизительно на девять миль к WtS, а Нордкин[138] приблизительно на три мили к StW, мы изменили курс и до 11 августа, когда солнце было на юге, прошли на NNO в густом тумане десять миль.

Отсюда курс был взят на SOtS, при ветре ONO мы до 12 августа, когда солнце было на юго-западе, прошли в этом направлении приблизительно восемь миль. Затем, когда Нордкин находился приблизительно в восьми милях к SWtS, мы при штиле легли в дрейф и лежали иск до 13 авгита, когда солнце было на SSW. За это время мы сделали около четырех миль.

После этого, в течение около четырех склянок,[139] мы шли на SOtO. Затем корабль, называвшийся "Железная свинья",[140] со своими матросами и купцами взял курс на юг, мы же продолжали итти тем же курсом до 14 августа,

пока солнце не оказалось на юге, и сделали восемнадцать миль; этого же курса мы держались до 15 августа. Когда солнце было на востоке, мы бросили лот и определили глубину в 70 саженей. После этого мы продолжали плавание до тех пор, пока солнце не перешло на юг, и сделали тридцать восемь миль.

Когда солнце показывало полдень, широта была определена в 70®47'. Ночью бросили лот, глубина оказалась 40 саженей, это была банка. Когда солнце было на северо-западе, опять был брошен лот, покаравший 60 саженей. Мы шли на OSO до 16 числа, когда солнце было на северо-востоке. Тут был опущен лот, но, вытравив 80 саженей, мы не нашли дна. Затем курс был взят на O и OtS; в это время мы часто бросали лот, дававший глубину в 60--70 саженей -- то больше, то меньше. Таким образом мы прошли около тридцати шести миль, пока солнце не оказалось на юге.

Затем мы легли на O и шли до 17 августа, когда солнце было на востоке. Брошенный лот показал глубину в 60 саженей и глинистый грунт. Тут, когда солнце было на SWtS, высота его[141] была определена в 69®54'. Вдоль берега Новой Земли мы заметили массу льда. Брошенный лот показал глубину в 75 саженей, дно оказалось твердым и крепким:[142] мы прошли приблизительно двадцать четыре мили.

После этого из-за льда мы на протяжении восемнадцати миль шли разными курсами, то в направлении на SOtO, то на SSO, до 18 августа, когда солнце было на востоке. Тогда брошенный лот показал глубину в 30 саженей, дно оказалось твердое;[143] спустя два часа лот показал 25 саженей, грунт из красного песка, отмеченного маленькими частыми пятнышками:[144] через три склянки[145] -- 20 саженей, грунт красный песок, отмеченный черными точками.[146] Тут предстали перед нами два острова,[147] которые

энкхейзенцы назвали в честь принца Морица Оранского и его брата; эти острова, представлявшие собой низкую землю, лежали от нас к юго-востоку приблизительно в трех милях. Мы прошли восемь миль, пока солнце не оказалось на юге.

Затем мы пошли на O и, часто бросая лот, находили глубины в 20, 19, 18 и 17 саженей, дно было по большей части твердое, испещренное черными пятнами.[148] Когда солнце было на займе, мы увидели перед собой, приблизительно в пяти милях в направлении к ONO, пролив Вайгач[149]. После этого мы сделали приблизительно восемь миль.

Затем от семидесятой параллели плавание продолжалось до Вайгача, но большей части через битый лед. Прибыв туда, мы бросили лот и долгое время находили глубину в 13 и 14 саженей при твердом дне, усеянном черными пятнами.[150] Немного спустя брошенный лот показал глубину в 10 саженей; ветер был северный, и нам было трудно продвигаться по причине большого количества льд. Около полуночи, при глубине в 10 саженей, нам пришлось повернуть на север из-за некоторых кос,[151] находившихся прямо перед нами в полутора милях у южною береге Вайгача;[152] изменив курс, мы в течение четырех склянок[153] шли на WMW. Затем курс опять был взят на O и OtS, и мы вошли в пролив Вайгач; брошенный лот неоднократно показывал глубину в 7 саженей, немного больше или меньше. 19 августа, когда солнца было на юго-востоке, мы пришли к якорной стоянке в проливе Вайгач; ветер был северный. Узкий проход между мысом Идолов[154] и страной Самоедов (Samiuten)[155] был заполнен льдом, так что через него едва можно было пройти, и поэтому мы пошли к якорной стоянке, которую назвали Ворванным заливом,[156] потому что там нашли склад ворвани. Этот залив защищен от движущихся льдов, а также почти от

всех ветров, и мы могли углубиться в него сколько хотели, при глубине в 5, 4, 3 сажени, грунт твердый и крепкий.[157] У восточного берега глубже.

20 августа была измерена астрономическим крестом высота солнца над горизонтом[158] и определена в 69®21'. Солнце в это время было на SWtS, на наибольшей своей высоте, и не начало еще склоняться.

Карта Югорского Шара по Линсхотену
Север — внизу, восток — слева.

21 августа 54 человека из наших отравились на берег пролива Вайгач для исследования местности. Продвинувшись приблизительно на две мили вглубь страны, мы нашли различные повозки, нагруженные шкурами, салом и подобными товарами, а также следы людей и оленей, откуда можно было заключить, что в

соседних местностях должны обитать люди или приходить сюда ради торговли. Это предположение еще более подтвердилось обилием шкур, которые мы нашли в огромном количестве на мысе, названном нами мысом Статуй или Идолов. Об этом мы узнали подробнее десять дней спустя от самоедов русских, когда повели с ними беседу, как будет видно ниже.

Когда мы затем продвинулись дальше вглубь страны, то приложили все усилия к тому, чтобы найти какие-нибудь строения и людей, у которых можно было бы узнать про условия плавания в окружающих водах. Впоследствии самоеды нам сообщили, что и на Вайгаче[159] и на Новой Земле живут люди, но мы все же не нашли ни людей, ни строений, ни чего-либо другого. Желая однако получить более полные сведения, мы с некоторыми из наших продвинулись к юго-востоку в сторону моря. Отправившись туда, мы нашли тропинку в болоте глубиною до половины ноги; на этой именно глубине мы имели под ногами крепкое и твердое дно, а где глубина была меньше, там вода заходила немного выше башмаков. Когда мы таким образом достигли берега, мы преисполнились радости: нам показалось, что мы видим возможный проход для наших кораблей, ибо заметили там лишь немного льда. Вернувшись вечером на корабль, мы сообщили нашим это радостное известие. Тем временем шкиперы[160] также выслали лодку, чтобы исследовать, открыто ли Татарское море,[161] но эта лодка по причине льдов не могла проникнуть в море; добравшись до Крестового мыса[162] и оставив там лодку, они сухим путем прошли до мыса Спора.[163] Отсюда они увидели, что лед в Татарском море примыкает вплотную к русскому берегу и к устью Вайгача.

23 августа мы увидели судно из Печоры, называемое у них ладьей, скрепленное лыком.[164] Оно шло на север, чтобы привезти оттуда клыки моржей, звериное сало и

гусей для погрузки этого на корабли, которые должны были прибыть из России через Вайгач. Так сообщили нам те, кто вел с нами беседу. По их словам, эти корабли должны были притти, чтобы плыть в Татарское море, мимо реки Оби, до места в Татарии, называемого Уголитой,[165] и остаться там на всю зиму: это делают обычно каждый год. Они рассказали также, что в течение 9 или 10 недель пролив затянется льдом, а когда он начнет замерзать, то тотчас весь затвердеет, и тогда можно по льду пройти до Татарии через море, которое они называют Мермаре.[166]

24 августа ранним утром мы подошли к их кораблю, чтобы подробнее разузнать о море, лежащем к востоку от Вайгача, и, как было сказано, наша просьба получила полное удовлетворение.

25 августа мы снова направились к кораблю русских и повели с ними дружескую беседу; то же дружеское отношение встретили мы с их стороны. Прежде всего они подарили нам восемь прежирных гусей, которых у них на корабле было множество. Мы сделали опыт, не пожелает ли кто-либо из русских отправиться на наш корабль. Семь из них поехали к нам с большою радостью. Вступив на корабль, они очень дивились его величине и замечательному убранству. После того как они осмотрели нос и корму, мы преложили им мясо, масло и сыр, но они отказались, сказав, что им надо поститься в этот день; однако, увидев соленую селедку, все ели ее, пожирая даже хвост и голову. Когда они поели, мы подарили им сосудец, полный селедок, за что они были очень признательны, не зная, чем отблагодарить за подарок. Посадив их в нашу лодку, мы отвезли их обратно в Ворванный залив.

В полдень при ветре с WNW мы снялись с якоря. Вайгач до Крестового мыса имеет направление на восток, затем на северо-восток и несколько более на

восток до мыса Спора, далее на NNO и NO, затем на N с легким отклонением к западу.

Мы плыли на NO с небольшим отклонением к востоку на протяжении двух миль, за мысом Спора; но из-за обилия льда пришлось вернуться и взять курс к вышеупомянутой нашей корабельной стоянке. При возвращении мы нашли у Крестового мыса удобное место, чтобы бросить якорь на ту ночь.

26 августа утром, снявшись с якоря, мы отплыли, убрав фор-стаксель,[167] к нашей прежней якорной стоянке, чтобы выждать более удобной погоды.[168]

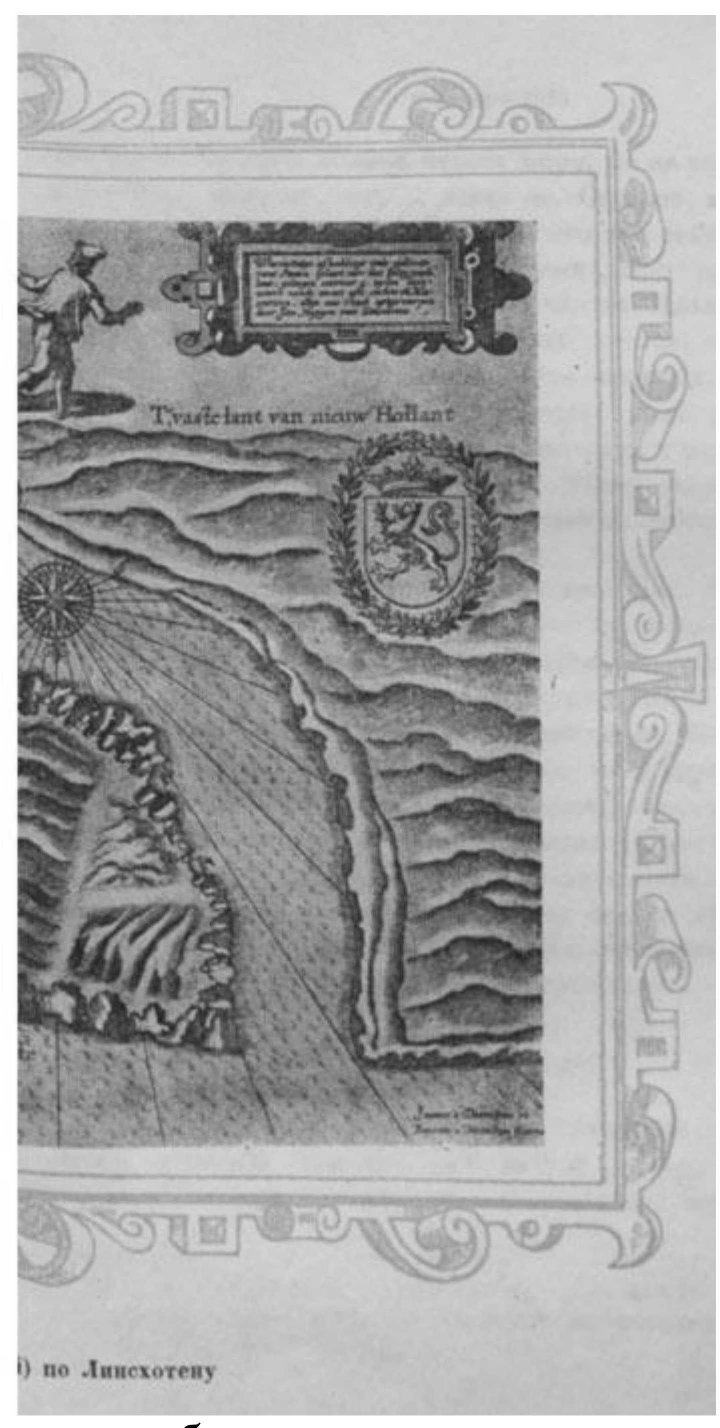
28, 29, 30 и до 31 августа большею частью дул юго-западный ветер, и наш капитан Виллем Баренц направил корабль к южной стороне пролива Вайгач, где была сделана высадка на матерый берег. Приблизительно на расстоянии мили вглубь страны мы нашли довольно диких людей, называемых самоедами[169] (однако не очень диких, так как 20 из них вели беседы с 9 нашими). Наши не рассчитывали найти кого-либо, так как раньше на берегах Вайгача мы никого не видали; тут мы нашли две группы людей по 5 человек в каждой. Погода была туманная, и мы подошли к ним очень близко раньше, чем их заметили. Тогда наш проводник[170] вышел несколько вперед, чтобы обратиться к ним; заметив это, они также выслали одного из своих навстречу. Он, подойдя к нашему, достал из колчана стрелу, угрожая поразить его. Наш, будучи безоружным, испугался и закричал по-русски: "не стреляй, -- друзья". Услышав это, тот бросил на землю лук и стрелы, показывая этим знаком, что охотно желает вести разговор с нашим переводчиком. Заметим это, наш снова закричал: "Мы -- друзья". На это другой ответил: "Да будет, стало быть, твой приход приятен", и они взаимно приветствовали друг друга по русскому обычаю, наклоняя каждый голову до земли. Пользуясь случаем,

наш спросил его о положении страны и о море к востоку от пролива Вайгач. На это тот дельно ответил так: если обогнуть мыс, лежащий приблизительно на расстоянии пяти дней пути (причем он протянул руку к северо-востоку),[171] то там находится (он протянул руку к юго-востоку) огромное море; затем он прибавил, что это море ему хорошо известно, так как его царь посылал его туда однажды с отрядом подчиненных ему людей.

С виду их платья не похожи[172] на те, в какие наши живописцы одевают диких людей, но эти отнюдь не дикие, а одарены добрым разумом. Они одеваются с головы до ног в шкуры оленей, кроме первенствующих лиц, которые, хотя и одеваются точно так же (и мужчины и женщины), но голову покрывают сукном, окрашенным в какой-либо цвет и подбитым мехом; остальные носят шапки, сделанные из оленьих шкур, волосам наружу, и, туго стягивая голову, отращивают длинные волосы, заплетенные и отпущенные за спину поверх одежды. Они по большей части малорослы, с широким и плоским лицом, небольшими глазами, короткими и раскоряченными ногами; они проворно бегают и прыгают. Иностранцам доверяют мало, ибо, хотя мы им выказывали всяческую дружбу, они все же верили нам мало. В этом мы поймали их, когда 1 сентября вторично явились на материк и один из нас попросил у них лук, чтобы рассмотреть его; в этом ему было отказано и сообщено знаками, что они давать лук не желают. Тот, кого называли князем, имел расставленные караулы для наблюдения, что делалось и что покупалось или продавалось. Наконец один из нас, подойдя поближе для заключения с ним дружбы, вежливо приветствовал его по их обычаю и вместе с тем подал ему морской хлеб или бисквит. Тот принял хлеб с большим почтением и тотчас съел, но во время еды все же, как и раньше и потом, старательно наблюдал за всем,

что делалось. Их повозки были всегда наготове, запряженные одним или двумя оленями; они мчат так быстро одного или двух седоков, что ни одна из наших лошадей не может с ними сравняться. Один из наших разрядил два раза ружье в направлении к морю. Это так напугало их, что они побежали вприпрыжку, как сумасшедшие; однако сами собой успокоились и ободрились, когда заметили, что в выстрелах не было злого умысла. Через переводчика мы дали им понять, что пользуемся этим оружием вместо луков: это вызвало сильное и у изумление из-за страшного грохота и гула, издаваемого ружьем. Чтобы показать им далее, какую силу имеет удар этого ружья, один из нас поместил на холмике на довольно дальнем от себя расстоянии плоский камень, шириною в пол-ладони. Они, заметив, что мы что-то подготовляем, несколько отошли и расположились в круг -- человек 50 или 60. Тогда имевший ружье выстрелил в камень и, попав в него, разбил на куски. Этому они удивились еще больше, чем раньше. После этого, высказав с обеих сторон большое почтение друг к другу, мы удалились; войдя в лодку,[173] мы опять все поклонились, обнажив головы с большим почтением, и велели проиграть сигнал на трубе. Они в свою очередь, выказав всякое почтение по принятому у них обыкновению, отошли одновременно к своим повозкам.

Остров Штатов (Мясной



...) по Линсхотену

Когда они таким образом расстались с нами и ушли несколько вперед, один из нас верхом вернулся на берег, чтобы унести грубою статую, которую наши взяли с берега и положили в лодку. Самоед, войдя в лодку, увидел статую и дал понять знаками, что мы поступили нехорошо, взяв эту статую. Заметя это, мы сами вернули

ее. Он, получив обратно статую, поставил ее на холм вблизи берега моря, но не унес ее тогда же, а прислал повозку, чтобы взять ее. Судя по всему тому, что мы могли наблюдать, мы полагаем, что эти статуи или деревянные идолы признаются у них богами. Ибо против Вайгача, в том месте, которое мы назвали мысом Идолов, мы нашли несколько сот подобных деревянных идолов, довольно грубо сделанных, именно в верхней части круглых, а в середине имеющих некоторый выступ в качестве носа, два углубления, отдаленных друг от друга, в качестве глаз, и под носом другое углубление вместо рта. Мы нашли также перед тми много пепла и костей оленей, из чего можно заключить, что они там совершали свои жертвы.

После того как мы расстались с самоедами, около того времени, когда солнце было на юге, наш капитан Виллем Баренц снова обратился к адмиралу с предложением поднять паруса, чтобы продолжать плавание, однако, не с такой длинной речью, как это он сделал в предшествующий день. Когда адмирал и его заместитель выслушали его речи, то адмирал в ответ, как бы посмеиваясь, сказал: "Виллем Баренц, что, по-твоему, надо делать?" На это Виллем Баренц ответил: "Мне представляется, что мы должны поставить паруса и продолжать наше плавание, чтобы завершить его". Тогда адмирал сказал: "Виллем Баренц, думай о том, что говоришь".[174] Это произошло около того времени, когда солнце было на северо-западе.

СЕНТЯБРЬ 1595

2 сентября, ненадолго до восхода солнца, мы снялись с якоря, чтобы отплыть, так как дул SSW ветер, выгодный для нашего плавания, но невыгодный для того, чтобы

оставаться на месте, так как у берега было мелко. Когда адмирал и его заместитель увидели это, они тоже начали поднимать якоря и ставить паруса.

Солнце было на OtS, когда мы ставили наш фор-стаксель.[175] Мы прошли на парусах до Крестового мыса; там был брошен якорь, чтобы подождать адмиральский фрегат, который потратил много труда и времени, чтобы выбраться изо льда. После того мм снялись с якоря.

К ночи он догнал нас, а утром, приблизительно за два часа до восхода солнца, мы отплыли и с восходом солнца подошли приблизительно на расстояние мили к восточной части мыса Спора, а затем на протяжении шести миль держали курс на север, пока солнце не оказалось на юге. Тут вследствие тумана, массы льда и непостоянства ветра нам пришлось изменить курс; однако мы и дальше не могли придерживаться твердого курса, а неоднократно были принуждены менять его, то из-за льда, то из-за неустойчивости ветра; так как при том еще стоял туман, то наш курс был совершенно неопределенный; мы предполагали, что идем на юг в направлении к стране самоедов. Затем мы плыли на SW, пока Малая Медведица, которую моряки называют Стражами,[176] не оказалась на северо-западе, и добрались до восточней стороны острова Штатов,[177] где стояли в расстоянии мушкетного выстрела от берега при глубине к 13 саженей.

4 сентября утром снявшись из-за льда с якоря, мы шли между островом Штатов и материком и стали затем на якорь близко у острова при глубине в 4 или 5 саженей, закрепил канат к берегу; там мы были в безопасности от движущегося льда. Иногда мы выходили на берег, чтобы стрелять зайцев, которые водятся там в огромном количестве.

6 сентября в утреннюю пору некоторые из матросов отправились на материк за камешками, похожими на

алмаз,[178] которых много на острове Штатов. Во время этих поисков к двоим из них, собиравшим вместе, незаметно подошел тощий белый медведь и схватил одного из них за затылок. Тот, не зная в чем дело, начал кричать: "Кто меня хватает за затылок?" Товарищ его, искавший камешки в пещере, поднял голову, чтобы посмотреть в чем дело, увидел страшного медведя и закричал: "Друг, это медведь!" и одновременно с этим восклицанием быстро убежал.

Медведь тотчас раздробил зубами голову другому и высосал кровь. Остальные бывшие на берегу моряки, человек 20, тотчас сбежались сюда, чтобы освободить товарища или по крайней мере отнять его труп у медведя. Когда они, приготовив ружья и пики, подходили к зверю, пожиравшему труп, свирепый и неустрашимый медведь напал на них и, выхватив одного, растерзал несчастного так, что остальные, увидев это, разбежались.

Мы с корабля и фрегата заметили, что наши бегут к морю; тотчас сели мы в лодки и изо всех сил стали грести к берегу, чтобы спасти наших. Прибыв туда, мы увидели горестное зрелище: наших товарищей, жестоко растерзанных медведем. Тут, ободряя друг друга, мы стали сговариваться, чтобы, объединившись вместе, напасть на медведя с ружьями, тесаками и пиками, и чтобы никто не уходил. Ни не все были одинакового мнения. Некоторые говорили, что наши товарищи уже умерли и что мы можем захватить медведя, не подвергая себя явной опасности; если бы мы еще могли спасти товарищей от смерти, тогда следовало бы спешить, теперь же незачем так торопиться; медведя надо захватить, но нужно быть осмотрительными, так как предстоит иметь дело со свирепым и прожорливым зверем. Тогда трое из моряков вышли несколько вперед, а медведь все же продолжал терзать труп, презирая нашу

толпу, хотя нас было человек тридцать. Трое вышедших вперед были: Корнелий Якобсон, шкипер с корабля Виллема Баренца, Лиллем Гизий,[179] штурман фрегата, и Иоганн фан Нуффелен, писец Виллема Баренца. Они трижды разрядили свои ружья, но не имели никакого успела. Тогда упомянутый писец, выйдя несколько вперед, чтобы иметь медведя на расстоянии выстрела, пробил пулей голову зверя около глаз, однако медведь продолжал держать труп за затылок, поднял голову и начал несколько шататься. Тут писец и один шотландец ударили его тесаками так, что те сломались, а медведь все еще не хотел выпустить добычу. Наконец подбежал Виллем Гизий и изо всех сил ударил медведя по носу своим ружьем; тогда наконец медведь с громким ревом рухнул на землю, а Виллем Гизий, вскочив на его тушу, перерезал ему горло.

Похоронив 7 сентября тела товарищей на острове Штатов, мы сняли с медведя шкуру, которую и доставили потом в Амстердам.

9 сентября мы отплыли от острова Штатов, держась около берега, но встретили такую массу льда, шедшего притом с огромной силой, что не могли пробиться; поэтому к ночи мы опять должны были вернуться к острову Штатов; ветер был западный. Роттердамский фрегат адмирала наскочил на камни, но снялся, не получив повреждений.

10 сентября мы снова снялись от острова Штатов и пошли в направлении к Вайгачу, выслав вперед две лодки для разведки льдов. К вечеру все корабли вошли в Вайгач, где бросили якорь у мыса Спора.

Изображение достойного сожаления нападения, произведенного на двух наших свирепым, жестоким и прожорливым медведем, растерзавшим их, и того, как мы дважды бились с ним всеми силами и очень долго трудились прежде чем сумели убить его; как он, пока был жив, уже раненый, пораженный пулями и ударами, не хотел выпускать добычи.

11 сентября утром мы опять вышли в Татарское море, но вторично наткнулись на огромное количество льда, так что опять пришлось вернуться в Вайгач и бросить якорь у Крестового мыса. Около полуночи мы увидели русский корабль,[180] шедший на парусах от мыса Идолов в направлении к стране самоедов.

13 сентября, около того времени, когда солнце было на юге, поднялся сильный шторм с WSW, с пургой, при

туманной и сырой погоде; шторм усилился до того, что нас стало дрейфовать.

14 сентября шторм начал слабеть и ветер перешел на северо-запад; из Татарского моря шло сильное течение; небо оставалось ясным до вечера, а вечером подул северо-восточный ветер. В тот же день наши отправились на другую сторону Вайгача, к матерому берегу, для исследования глубины пролива. Они вошли как раз в бухту позади острова, где нашли деревянный домик и большой водопад. В тот же день утром мы выбрали якорный канат, ибо думали, что опять будем продолжать наше плавание; адмирал был, однако, другого мнения, и мы остались здесь до 15 сентября. В этот день утром лед снова вошел в восточное устье Вайгача, так что мы были принуждены внезапно сняться с якоря и в тот же день со всем флотом плыть от западного входа в Вайгач домой. В этот же день мы миновали острова Матвеев и Долгий и затем всю ночь шли на NWtW, на протяжении двенадцати миль, до утра субботы: ночью ветер перешел на северо-восток и повалил снег.

16 сентября от зари до ночи мы сделали восемнадцать миль в направлении на WNW, при глубине 42 сажени. Шел густой снег, и дул сильный северо-восточный ветер. В течение первой вахты глубина была 40 саженей. Утром мы не видали ни одного корабля из всего нашего флота.

Потом плавание продышалось всю ночь до утра 17 сентября, при двух главных парусах, без добавочных, в направлении NWtW и WNW на протяжении десяти миль. В тот же день во вторую вахту мы имели глубину в 50 саженей, а утром 30 саженей, при песчаном грунте, испещренном черными пятнами.[181]

В воскресенье утром ветер изменился на N и NW и стал очень сильным. Тут к нам подошел адмиральский фрегат, который затем шел с нами от зари до вечера, при

одном только парусе, в направлении на SSW и SWtS, на протяжении шести миль. Тогда мы заметили на юго-востоке Канин Нос; глубина была 27 саженей, грунт красный песок, испещренный черными точками.[182]

В воскресенье вечером был снова поставлен фор-стаксель[183] и мы повернули на север; всю ночь до утра понедельника мы шли на NO и NOtO, сделав семь или восемь миль.

1S сентября утром мы потеряли из виду следовавший за нами фрегат; мы искали его до полудня, но не могли найти и дрейфовали в восточном направлении на протяжении трех миль; с полудня же мы шли непрерывно до ночи, держа курс на NtO и сделав четыре мили.

Затем от вечера понедельника до угря вторника мы прошли семь миль на NOtN и от зари до полудня тем же курсом четыре мили, а от полудня до ночи, на протяжении пяти или шести миль, держали на NtO, при глубине в 55 саженей.

В тот же вечер мы повернули на юг и шли так до зари.

20 сентября мы прошли семь или восемь миль на StW и SSW; глубина была 80 саженей, грунт черный ил.

Затем от зари до полудня мы на протяжении пяти миль держали на SWtW при двух марселях:[184] от полудня же до вечера мы прошли пять миль на WtS.

21 сентября, с вечерней поры до утра четверга, мы шли в течении одной вахты[185] на W, потом до света, на протяжении семи миль, держали тот же курс, при глубине в 64 сажени и илистом грунте.

От рассвета до полудня мы сделали в SW-м направлении пять миль, прри глубине в 65 саженей и илистом грунте. В полдень мы повернули на север и шли три часа в направлении на NO сделав две мили. Затем мы опять повернули на запад и до половины второй

вахты[186] прошли под двумя главными парусами,[187] без прибавочных, шесть миль на SSW и SWtS.

Затем во время второй вахты курс был опять взят на N и так мы шли до утра пятницы. 22 сентября мы прошли на NtO и NNO четыре мили и далее, от зари до полдня, четыре мили на NO.

Затем был сделан поворот на запад, и мы прошли три мили на NWtW и NW; после этого за первую вахту мы прошли пять миль на NWtW, за вторую вахту четыре мили на WtN; затем до зари субботы, 23 сентября, мы сделали четыре мили на WSW и SWtW. От рассвета субботы до вечера мы при двух главных парусах,[188] без добавочных, прошли семь или восемь миль на SW и SWtW; ветер был NNW.

К ночи, сделав поворот на север, мы под двумя главными парусами, без добавочных, шли до утра воскресенья, 24 сентября, почти прямо на восток, на протяжении восьми миль, при крепком ветре с NNW, а с рассвета до полудня мы сделали три мили на OtS: ветер был северный.

Затем, повернув на запад, мы до вечера прошли три мили на WSW, дальше же всю ночь до утра понедельника, 25 сентября, держали на WtS и прошли шесть миль; ветер дул северный.

На рассвете ветер перешел на NO, и мы до ночи сделали десять миль на W и WtN. Брошенный лот показал глубину в 63 сажени и песчаный грунт.

С вечера до рассвета вторника, 26 сентября, мы прошли десять миль на W. Тут мы оказались очень близко от земли, а именно приблизительно в трех милях к востоку от острова Кильдина. Повернув утром от берега, мы шли в течение почти трех часов. После того мы опять повернули к земле, считая, что идем на Кильдин, но были отнесены в сторону; поэтому с полудня мы опять

стали удаляться от земли и до вечера прошли пять миль на ONO.

С вечера до двух часов перед рассветом среды 27 сентября, мы сделали шесть миль в восточном направлении. Дальше, повернув на запад, мы на протяжении восьми миль шли на WtN и около ночи опять очутились вблизи Кильдина. Тогда, повернув от берега, мы в продолжение двух вахт[189] держали курс на NOtO и ONO, пройдя шесть миль.

Затем около рассвета пятницы, 28 сентября, мы повернули и при изменчивом ветре шли до вечера то в одну сторону, то в другую, предполагая, что Кильдин отстоит от нас в четырех милях к западу. Когда подул ONO-й ветер, мы легли на NNW и NWtN и до рассвета субботы прошли двенадцать или тринадцать миль.

29 сентября утром мы прошли на NWtW четыре мили. Весь этот день стояла ясная погода, было тихо, и солнце ярко светило. Вечером мы шли на WSW, находясь приблизительно в расстоянии шести миль от берега, и затем до воскресенья, 30 сентября, прошли восемь миль на NNW. Дальше, повернув к берегу, мы в тот же день пришли в Вардехуз и оставались там до 10 октября.

10 октября мы вышли из Вардехуза и 18 ноября прибыли и Маас. И счел ненужным приводить здесь курсы или мили на пути от Вардехуза до Голландии, так как плавания по этому пути повседневны.

Конец второго плавания

РАССКАЗ О ТРЕТЬЕМ ПЛАВАНИИ, КОТОРОЕ БЫЛО ПРЕДПРИНЯТО В 1596 ГОДУ НА СЕВЕР В НАПРАВЛЕНИИ К ЦАРСТВАМ КИТАЙСКОМУ И СИНСКОМУ

Когда семь упомянутых кораблей вернулись, как сказано, из северного плавания не с тем результатом, которого ожидали, то могущественные Штаты, взвесив надлежаще все обстоятельства, стали обсуждать, надо ли в третий раз снарядить на государственный счет корабли, чтобы довести начатое предприятие по возможности до желанного конца. После многих совещании Штаты пришли к следующему мнению. Коли кто-либо, будь то города или купцы, пожелает еще раз предпринять это плавание на свои счет, то это будет разрешено; в случае, если по окончании плавания выяснится, что новый морской путь открыт, то им будем дано от государства богатое вознаграждение, причем была даже указана определенная сумма. На этих условиях досточтимый амстердамский сенат в начале года в третий раз снарядил два корабли и нанял моряков. С ними были заключено два условия, именно: сколько они получат, если вернутся, не осуществив предприятия, и, наоборот, сколько им будет дано, если им удаемся пройти; при этом было обещано, что если они удачно закончат плавание, то им будет дана незаурядная награда. Этим имелось в виду поощрить мужество моряков, которых по возможности выбирали из холостых, чтобы любовь к женам и детям не помешала их работе или не отпугнула их от плавания.

МАЙ 1596

Так вот на этих условиях в начале мая два корабля были готовы к отплытию. На одном капитаном[190] был Яков Гемскерк,[191] сын Генриха, которому была поручена также забота о товарах или торговых сношениях, а главным штурманом на этом корабле был Виллем

Баренц. На другом в качестве капитана и попечителя о товарах, нагруженных купцами на корабль, был Ян Рейн, сын Корнелия.[192]

5 мая 1596 г. был произведен смотр морякам на обоих кораблях, 10-то они отплыли из Амстердама, а 13-го прибыли в пролив Фли.

16 числа мы вышли из Фли, но так как прилив прекратился, а ветер был северо-восточный, мы принуждены были вернуться назад; корабль Яна Корнелиссона сел было на мель, но потом снялся, после чего мы снова стали на якорь у восточной стороны острова Флиланд.

18 мая мы опять вышли из Фли и при северо-восточном ветре стали держать на NNW. 22 мая мы увидели острова Гитланд[193] и Фейериль,[194] ветер дул с северо-востока.

24 мая, дождавшись благоприятного ветра, мы пошли на северо-восток. 29 числа мы встретили противный северо-восточный ветер.

30 мая снова подул благоприятный ветер, и мы шли на северо-восток. С помощью градштока мы измерили высоту солнца и определили ее в 47®42';[195] так как склонение составляло 21®42', то высота полюса равнялась 69®24'.

ИЮНЬ 1596

1 июня ветра вовсе не было, 2-го мы имели противный ветер, а 4-го благоприятный, дувший с WNW, так что мы могли держать на NO.

Когда солнце было на SSO, мы заметили удивительное явление на небе, а именно: по обе стороны солнца видно было еще по солнцу, и эти три солнца пересекались двумя радугами; затем видны были еще две радуги: одна широко окружала солнце, а другая рассекала его по

середине, причем нижняя часть большей радуги, окружавшей солнце, возвышалась над горизонтом на 28®.[196] В полдень, когда солнце имело наибольшую высоту, астролябией высота его над горизонтом определена в 48®43, а склонение было 22®47'; прибавляя 22®47' к 48®43', получаем, что высота полюса была равна 71®. (Корабль Яна Корнелиссона держался впереди нас и не подходил к нам, но мы, идя курсом NO, пошли к нему навстречу, повернув на один румб, так как полагали, что чересчур отклоняемся на запад, как в последствии и обнаружилось. Когда под вечер мы стали сближаться, то сказали ему, что надо держать больше на восток, так как мы чрезмерно уклоняемся на запад. Но штурман корабля ответил, что не желает заходить в пролив Вайгач. Их курс был NOtN, и мы находились приблизительно в 60 милях от земли; в то время, когда был виден Нордкап, нам надлежало бы итти на NO. Поэтому теперь нам следовало бы скорее итти на ONO, чем на NNO, так как мы слишком отклонились к западу и надо было выправить курс. Вот почему, упрекая их, мы советовали держаться больше на восток, по крайней мере несколько миль, пока опять не придем на правильный курс, наверстав то, что было потеряно из-за противных ветров, особенно северо-восточного. Что бы однако мы им ни говорили и ни советовали, они не желали держать другого курса, как NNO, так как, но их словам, если мы направимся на восток, то попадем в Вайгач. Много слов и даже очень резких было сказано нами; так как мы не могли убедить их, то повернули на один румб и пошли на NOtN. 5 июня появился перед нами первый лед, чему мы изумились. Сначала мы думали, что это белые лебеди, ибо кто-то из наших, гуляя по палубе, вдруг стал кричать, что тут плавают белые лебеди. Услышав это, находившиеся под палубой тотчас выскочили и увидели, что это отдельные

льдины, оторвавшиеся от больших масс льда; они походили несколько на лебедей; это было к вечеру. В полночь мы прошли через лед, и солнце в это время стояло над горизонтом почти на 1®.

С июня около 4 часов пополудни мы опят наткнулись на лед, при том в таком количестве, что не в силах были пробиться, и в течение восьми склянок[197] должны были склониться к SWtW. Затем мы продолжили старый курс на NNO, идя вдоль кромки льда.

Очертание или фигура изумительного явления, виденного на небе 4 июня 1596 г.: солнце с обеих сторон имело другое солнце, и две радуги пересекали эти три солнца, затем из двух радуг одна широко окружала солнце, а другая пересекала этот большой круг; нижняя часть этого большого круга поднималась над горизонтом на 27°.

7 июня мы измерили высоту солнца над горизонтом; она оказалась 51®22';[198] склонение голица было 22®38';

прибавляя это к найденной высоте, получаем 74® -- высоту полюса.[199] Тут мы встретили такой густой лед, что это вряд ли можно выразить словами;[200] мы пошли вдоль края льдов, как будто между двумя землями; вода была так же зелена, как трава.[201] Мы полагали, что находимся недалеко от Гренландии, и чем дальше мы продвигались, тем гуще становился лед.

8 июня мы добрались до такого нагромождения льда, что не могли пробиться из-за чрезмерной его сплоченности, повернули на SWtW и шли так в течение двух склянок:[202] затем в течение трех склянок мы двигались на SSW и в течение еще трех склянок на S, чтобы пристать к острову, который мы видели, и в особенностм для того, чтобы избежать льда.

9 июня мы нашли остров,[204] расположенный на 74®30', величиной, по нашему предположению, в 5 миль.

10 июня мы спустили лодку и в количестве восьми человек поехали на остров. Когда мы проходили мимо корабля Яна Корнелнесона, то в нашу лодку село еще восемь человек, в том числе штурман корабля. Тут наш штурман, Виллем Баренц, спросил его, не слишком ли отнесло нас на запад, но тот упорно не хотел в этом сознаться. По этому поводу они долго спорили, потому что Виллем Баренц хотел доказать то, что было на самом деле.

11 июня, высадившись на землю, мы нашли много яиц чаек. Здесь наша жизнь подверглась сильной опасности. Взобравшись на покрытую снегом гору, мы при спуске, казалось, неизбежно должны были полететь стремглав или свалиться в пропасть: до такой степени отвесна была эта гора. Сев однако на собственные зады, мы мало-помалу скатились по скользкой поверхности вниз, но так, что и со стороны смотреть на это было страшно: у подошвы горы было много острых утесов, н мы чуть

было но налетели на них и не разбились. Но все же мы спустились без всякого вреда. Между тем Виллем Баренц, смотревший на наш спуск из лодки, был в большем страхе, чем мы.[204] После этого мы на веслах причалили к кораблю Яна Корнелиссона и там съели яйца.

12 июня утром мы увидели белого медведя, преследовали его на лодке и, накинув ему петлю на шею, думали, что можем его поймать; однако, подплыв к нему, заметили в нем такую силу, что не рискнули напасть на него. Тогда мы вернулись на корабль, чтобы напасть на него в большем количестве и с оружием. Затем мы опять преследовали его с ружьями, римскими секирами, называемыми в общежитии алебардами, и с обыкновенными топорами; на помощь нам подошли со своей лодкой люди Яна Корнелиссона.

Итак, надлежаще снабженные и людьми и оружием, мы на двух весельных лодках подошли к медведю, но бились с ним почти в течение четырех склянок,[205] так как едва задевали его нашим оружием. Наконец мы нанесли ему большим топором такую сильную рану в спину, что топор остался в ней. Тем не менее медведь выплыл с топором. Неустанно преследуя его, мы, наконец, топором разбили ему голову, после чего он подох. Затем мм втащили тушу на корабль Яна Корнелиссона и сняли с нее шкуру, которая была длиной в 12 футов. Мы попробовали также его мясо, но оно было вредно для нас.[206] Этот остров мы назвали Медвежьим островом.[207]

Изображение изумительного боя, происходившего со свирепым и неустрашимым медведем, с которым долго боролись две лодки, полные людьми, причем оружие большей частью поломалось раньше, чем люди могли одолеть его; острову, у которого это случилось, поэтому дано было название Медвежьего.

13 июня мы покинули остров и пошли на север, несколько отклоняясь на восток; дул попутный ветер с W и SW, так что, когда солнце было на севере, мы отошли от острова предположительно на 16 миль в направлении на север.

14 июня, около того времени, когда солнце находилось на севере, был брошен лог на глубину 113 саженей, но он не достал дна. Дальше мы шли на N и NtO до 15-го, пока солнце не оказалось на юго-востоке, при моросящем тумане. К вечеру, когда немного разъяснило, мы увидели, что в море плывет что-то большое; вначале мы сочли это за корабль, но, подойдя ближе, заметили, что

это мертвый кит, который страшно вонял; на нем сидело много чаек. Мы сделали за это время еще двадцать миль.

16 июня, подвигаясь таким образом на NtO, при туманной погоде, мы заслышали лед раньше, чем его увидели. Когда же погода прояснилась, мы его заметили и свернули от льда, успев сделать предположительно тридцать миль.

17 и 18 июня мы опять видели огромное количество льда и шли вдоль края его до тех пор, пока не достигли выступа, которого не могли обогнуть, так как дул противный нам юго-восточный ветер, а ледяной выступ находился прямо к югу от нас. Некоторое время мы лавировали, стремясь его обогнуть, но наши усилия были тщетны.

19 июня мы снова заметили землю. Тогда, измерив высоту солнца над горизонтом, мы определили ее в 56®45',[208] а склонение было равно 23®20'; прибавляя его к найденной высоте солнца, получаем высоту полюса в 80®11'.[209]

Эта земля[210] была очень обширна; мы плыли вдоль нее на запад до 79 1/2®, где нашли удобную стоянку для кораблей; однако подойти ближе к земле было невозможно, так как северовосточный ветер дул прямо от земли, залив же, вытянутый с севера ни юг, выходил в море.[211]

21 июня мы стали на якорь[212] перед землей; затем мы вместе с людьми Яна Корнелиссона отправились к западному берегу земли за балластом. Когда мы с балластом возвращались к кораблям, то опять увидели белого медведя, подплывавшего к нашему кораблю. Оставив работу, мы сели в шлюпку, равно как и люди Яна Корнелиссона, и, разогнав шлюпку на веслах, стали преследовать медведя. Отрезав ему путь, мы гнали его от земли. Когда он поплыл в направлении к открытому морю, мы продолжали преследовать его, а так как наша

шлюпка подвигалась очень медленно, то мы для большего удобства спустили также лодку.[212] Медведь уплыл в море почти на милю; тем не менее мы с большей частью моряков и тремя лодками преследовали его и приложили много труда, рубя и колотя его, так что в значительной части поломали себе орудие. Раз он успел вонзить когти в нашу лодку, так что остались даже следы; это было в носовой части, а если бы ему удалось положить лапу на борт лодки, то зверь наверное опрокинул бы ее, до такой степени крепки у него когти. После того как мы долго томили его между тремя лодками, мы наконец одолели его и закололи. Притащив его на корабль, мы сняли с него шкуру, которая имела в длину 13 футов.

Затем мы гребли в своей лодке приблизительно милю в направлении к земле и нашли удобную гавань с твердым грунтом,[213] тогда как с восточной стороны дно было песчаное. Брошенный лот показал глубину в 16 саженей, затем 10 и 12. Продолжая грести дальше, мы нашли на восточной стороне два острова, выдававшиеся в море в направлении к востоку. В западной части находился также большой залив, который почти соперничал с островом.[215] Затем мы подошли на веслах к острову, который лежал в середине, и нашли на нем много. гусиных яиц[216] и самих гусей, сидящих на яйцах. Обращенные в бегство, они кричали rot, rot, rot, откуда и имя их. Бросив камень, мы убили одну птицу, сварили ее и съели; там же взяли приблизительно 60 яиц, которые и отнесли на корабль.[217]

Эти гуси были настоящие горные казарки. Они ежегодно в большом количестве появляются в Голландии, около Вирингена,[218] где их ловят; но до сих пор было неизвестно, где они кладут яйца и воспитывают птенцов. С силу этого некоторые авторы не побоялись написать, что они родятся в Шотландии на

деревьях; если с ветвей их, свесившихся над водой, плоды[219] упадут в воду, то рождаются гусенята, которые тотчас начинают плавать, а если плоды упадут на землю, то они портятся и не доходят до созревания. Теперь очевидно, что это ложь. Да и не удивительно, что до сих пор было неизвестно, где эти птицы кладут яйца, так как никто, насколько мы знаем, никогда не добирался до 80® широты, и страна эта никогда не была известна, а еще менее упомянутые гуси, сидящие на яйцах.

Достойно замечания также и то, что хотя эта страна, которую мы считаем Гренландией, расположена под 80® широты и еще севернее, она изобилует зеленью и травой и вскармливает травоядных животных, каковы олени и другие там живущие. Между тем на Новой Земле, которая лежит на 76®, нельзя найти ни зелени, ни травы, равно как и травоядных животных,[220] и есть там только плотоядные, каковы медведи и лисицы, хотя Новая Земля на 4® дальше от полюса, чем Гренландия.

23 июня, снявшись с якоря, мы вышли в открытое море и взяли курс на NW, но плыть далеко не могли, так как нам пришлось повернуть из-за льда. Мы вернулись на то же место, откуда вышли, и бросили якорь на глубине 18 саженей.[221]

После этого, снявшись с якоря, мы пошли вдоль западной стороны земли, и тогда наши люди высадились на берег, что бы наблюдать изменение стрелки компаса.[222] Между тем большой белый медведь стал подплывать к кораблю и забрался бы на него, если бы мы не закричали. Мы выстрелили в него: удаляясь от корабля, он поплыл к берегу, на котором были наши. Заметив это, мы направили наш корабль к земле и стали громко кричать, так что наши подумали, что мы наткнулись на утес, и сильно обеспокоились; но и на медведя напал страх, и поэтому он поплыл прочь от

земли и оставил наших в покое, чему мы были не мало обрадованы, так как они были безоружны.

Что касается изменения компаса, для более точного измерения которого наши люди высадились на берег, то они определили склонение в 16®.[223]

В тот же день мы попали на другой остров, на котором также определили изменение компаса, но получили совсем другой результат, так что мы отсюда ничего не могли вывести. Взяв здесь несколько яиц, мы опять на веслах вернулись на корабль.

24 июня из-за юго-западного ветра мы не могли пройти этот остров и, вернувшись, нашли другую гавань, в четырех милях: от первой, на западной стороне большой гавани. Там мы стали на якоре на глубине 12 саженей. На веслах мы продвинулись довольно далеко внутрь и, выйдя на берег, нашли там два моржовых клыка, весивших вместе 6 фонтов. Тут же мы нашли много других меньшего размера клыков и снова вернулись на корабль.

25 июня, снявшись снова с якоря, мы плыли вдоль земли в направлении на S и SSW до 79®, при ветре с NNO. Тут мы нашли огромный залив или пролив[225] и шли по нему приблизительно на протяжении десяти миль в южном направлении; мы, однако, убедились, что пройти здесь нельзя.

Бросая по временам лот, мы находили глубину в 10 саженей, так что нам пришлось итти обратно лавируя, ибо ветер дул с севера, а держать нам надо было также на север.

Мы заметили, что подходим к земле. Издали мы не могли этого рассмотреть, так как местность была низкая, и поэтому плыли, пока могли, все приближаясь, пока наконец не заметили берега. Тогда, лавируя, мы выбрались оттуда 27 числа.

28 июня мы обогнули мыс,[226] находящийся с западной стороны, где было такое множество птиц, что они, летая, ударялись в наши паруса. Оттуда на протяжении приблизительно десяти миль мы шли на юг, а затем на запад, чтобы избежать льда.

29 июня мы плыли вдоль земли, до 76®50', в направлении на SO с некоторым отклонением на O, так как из-за льда должны были несколько отдалиться от земли.

30 июня мы ими на S с некоторым отклонением к O. Тут мы определили высоту солнца над горизонтом в 51®40',[227] а склонение его было 23®20'; прибавка их к найденной высоте указывает, что мы были под 75®.

ИЮЛЬ 1596

1 июля мы усмотрели Медвежий остров. Тут Ян Корнелиссон с ближайшими своими помощниками[228] пришел на борт нашего корабля, чтобы поговорить насчет перемены курса. Так как мы были иного мнения, чем он, то решили на том, чтобы он продолжал свой курс, а мы -- свой. Он, согласно своему желанию, должен был плыть к 80®, ибо полагал, что может легко найти проход по восточную сторону земли, расположенной под 80®.[229] Таким образом мы расстались друг с другом, они пошли на север, а мы, из-за льда, на юг;[230] ветер дул с OSO.

2 июля, когда мы находились под 74®, курс был взят на восток, ветер был NNW; мы повернули на другой галс, при ветре с ONO, и пошли на север. Под вечер, когда солнце было на NWtN, мы опять изменили курс и, при восточном ветре, пошли на SSO. Около того времени, когда солнце было на OSO, из-за льда пришлось снова

изменить курс, а когда солнце было на SSW, мы, опять повернув, пошли на NO.

3 июля мы были под 74®, ветер был SOtO, и мы плыли на NOtN. Затем подул южный ветер, и мы, сделав поворот, шли на OSO, пока солнце не оказалось на северо-западе. Тогда ветер начал крепчать.

4 июля мы шли на O и не видели льда, что нас удивляло, так как мы находились в такой высокой широте. Однако около того времени, когда солнце было на юге, нам пришлось повернуть из-за льда; мы взяли курс на W при северном ветре. Затем, когда солнце было на севере, мы при северо-восточном ветре пошли на OSO.

5 июля мы шли на NNO, пока солнце не перешло на юг. Затем мы сделали поворот и пошли на OSO при северо-восточном ветре. Тут измерили мы высоту солнца над горизонтом -- она была 50®27',[231] а склонение 22®53'; прибавляя последнюю величину к найденной высоте, получаем высоту полюса в 73®20'.

7 июля мы бросили лот, вытравив весь линь, но не нашли дна. При ветре с NOtO мы шли на OtS и оказались на 72®12'.

8 июля при благоприятном ветре с NtW мы шли на OtN и оказалась на 72®15'.

9 июля мы шли на OtN при западном ветре.

10 июля, около того времени, когда солнце было на SSW. мы бросили лот и определили глубину в 160 саженей. Ветер был NOtN, а мы шли на OtS, находись под 72®.

11 июля мы имели глубину в 70 саженей и не видели льда. Тогда у нас возникло предположение, что мы находимся между югом и севером, прямо против Канина Носа,[232] восточного входного мыса в Белое море, лежавшего к югу от нас.[233] Грунт у этого мыса песчаный, и от него в море отходит банка, простирающаяся на

северо-запад; поэтому мы не сомневались что находимся на отмели Белого моря, так как около всего того побережья никогда не находили песчаного дна, кроме этой отмели. Ветер дул с OtS, и мы плыли на S и StO, находясь под 72®. Когда затем подул ветер с NNO, мы легли на NO, чтобы обогнуть банку.[234]

Утром мы дрейфовали при штиле и установили, что находимся под 72®; получив затем около того времени, когда солнце было на юго-западе, OSO-й ветер, мы пошли на NO. Глубина была определена лотом в 150 саженей, грунт оказался глинистым. Таким образом мы уже миновали банку, которая была очень узка, ибо мы прошли ее в течение 11 склянок,[235] когда солнце было на NNO.

12 июля, при восточном ветре, мы шли на NtO. Ночью, около того времени, когда солнце было на NNO, мы переменили курс, так как ветер подул с NNO, и шли на OtS, пока не окончилась первая вахта.[236]

13 июля, при ветре с NNO, мы держали на O. Измерив высоту солнца над горизонтом, мы нашли 51®6',[237]а склонение было 21®54'; если последнюю величину прибавить к найденной высоте, то высота полюса определяется в 73®. Затем мы опять наткнулись на лед, но его было немного, и мы считали, что находимся около Земли Ниллоуби.[238]

11 июля, при NNW-ом ветре, мы шли на NO через лед. В середину льда мы бросили лот и определили глубину в 90 саженей; во вторую вахту глубина оказалась в 100 саженей. И мы зашли в лед так глубоко, что дальше не могли продвигаться, ибо не было видно ни одного места, где бы лед расходился. Нам пришлось выбираться изо льда, все время меняя курс; ветер был западный, и мы тогда находились под 74®10'.

15 июля мы дрейфовали во льду при штиле; брошенный лот показал глубину в 110 саженей. Когда затем подул восточный ветер, мы пошли на SW.

16 июля, выйдя изо льда, мы заметили огромного медведя, сидевшего на льду. Увидев нас, он прыгнул в воду. Мы стали его преследовать на нашем корабле, но он опять вышел на лед; все же мы раз выстрелили по нему. Затем мы пошли на OSO, вовсе не встречая льда, и полагали, что находимся недалеко от Новой Земли; раз видели медведя на льду. Брошенный лот показал глубину в 100 саженей.

17 июля мы взяли высоту солнца, оказавшуюся 37®55'; склонение его было 21®15'; если это отнять от высоты, то остается 10®40'; вычитая это из 90®, получаем высоту полюса в 74®40'.[239]

Когда солнце было на юге, мы, а я первый из всех, заметили берег Новой Зомли у Ломсбэй.[240] Тогда, изменив курс, мы пошли на NOtN и убрали все паруса кроме переднего фор-стакселя и контр-бизини.[241]

18 июля когда мы были под 75®, мы снова усмотрели землю и шли на NOtN при северо-западном ветре. Мы обогнули мыс острова, получившего название острова Адмиралтейства, затем держали на ONO при западном ветре, а земля простиралась до NOtN.

19 июля мы добрались до Крестового острова, названного так по находящимся на нем двум крестам, и не могли итти дальше из-за льда, который примыкал к берегу вплотную. В это время дул западный ветер, прямо на землю, находившуюся под 70®20'.[242]

Изображение того, как, затертые во льдах, мы были в большой опасности, от которой едва спасли корабль; кроме того как страшный медведь, лежавший за ледяной глыбой и разбуженный нашими криками, пошел на нас, и нам пришлось сражаться с ним, оставив работу, пока наконец мы не убили его, победив с большим трудом.

20 июля мы бросили якорь у острова, ибо из-за льда не могли итти дальше. Поэтому, спустив лодку, мы в количестве восьми человек стали грести к берегу и отправились к одному кресту, у которого несколько отдохнули, имея в виду пройти дальше к другому. Но на дороге мы заметили у второго креста двух медведей, а мы были совершенно безоружны. Медведи стали на задние лапы, чтобы лучше рассмотреть нас (так как у них обоняние острее, чем зрение), а когда они нас почуяли, то пошли на нас. Мы сильно испугались и отступили назад к своей лодке, время от времени поворачиваясь и наблюдя не преследуют ли они нас. Мы

собрались уже бежать, но капитан удержал нас криком: "Кто первый задумает бежать, того я заколю копьем, ведь лучше оставаться вместе и попробовать, не можем ли мы запугать их криком". Поэтому мы не торопясь вернулись к лодке и вошли в нее, сильно радуясь, что избежали этой опасности и что можно было рассказать другим как было дело.

21 июля мы измерили высоту солнца над горизонтом; получилось 35®13'; склонение было 21®; отняв его от найденной высоты, получаем 14®, а вычитая из 90®, находим высоту полюса 76®15.[234] Затем мы нашли, что стрелка компаса отклонилась на целых 26®.[244]

В этот же день двое из наших опять пошли к кресту, не встретив никакой помехи от медведей. Мы, боясь несчастья, последовали за нашими людьми с оружием и, когда мы добрались до второго креста, то нашли следы двух медведей, позволявшие судить, как далеко они нас преследовали. Мы заметили, что медведи отошли приблизительно на 100 шагов от того места, где мы накануне останавливались.

22 июля (это был понедельник) мы поставили там еще крест на котором начертали наши метки. У Крестового острова мы оставались до 4 августа; за это время мы вымыли и выбелили на берегу наше белье.

30 числа, когда солнце было на севере, к кораблю приблизился медведь на расстояние брошенного камня, мы выстрелили в него и ранили в ногу, так что он убежал, хромая.

31 июля, когда солнце было на ONO. мы в количестве семи убили медведи; тушу его, с которой мы сняли шкуру, бросили в море.

В полдень мы определили своим инструментом склонение магнитной иглы в 17®.[245]

АВГУСТ 1596

1 августа мы опять заметили белого медведя, который тотчас убежал.

1 августа, выбираясь изо льда, мы достигли другой стороны острова, где стали на якорь. Здесь мы с большими усилиями и затруднениями привели к кораблю лодку, полную камней.

5 августа мы пошли к направлении к Ледяному мысу,[246] ветер был восточным. Сперва мы держали на SSO, а потом на NNO, не находя льда около земли, вдоль берега которой мы лавировали.

6 августа мы обогнули мыс Нассау и пошли на O и OtS вдоль побережья.

7 августа ветер дул с WSW. Мы шли вдоль побережья в направлении на SO и SOtO и, встречая только немного льда, достигли мыса Утешения, чего мы уже давно желали. Под вечер подул восточный ветер и налег туман, вследствие чего мы были вынуждены пришвартовать корабль к льдине, которая сидела в воде почти на 36 саженей и выдавалась из воды приблизительно на 16 саженей; общая толщина льда была следовательно 52 сажени, и льдина сидела на дне, так как глубина около нее была 36 саженей.[247]

8 августа дул также восточный ветер, и туман продолжался.

9 августа, когда мы стояли закрепившись у этой огромной льдины, повалил очень густой снег при сильном тумане. Около того времени, когда солнце было на юге, мы гуляли по палубе, как делали обычно во время вахты, и тут капитан, прогуливаясь, услышал дыхание животного и, выглянув за борт, заметил большого медведя, лежавшего у корабля. Он закричал громким голосом: "Медведь! медведь!", все выбежали на

палубу и увидели, что медведь находится у нашей лодки, пытаясь передними лапами влезть в нее. Поднятый нами громкий крик устрашил его, и он отплыл далеко, но неожиданно вернулся и спрятался за большой льдиной, у которой мы стояли на якоре, а затем, взобравшись на нее, бесстрашно пошел на нас, желая влезть на корабль. Мы растянули парус над кабестаном[248] и спрятались сзади с четырьмя ружьями; раненый медведь убежал, а так как шел густой снег, то мы не могли заметить, куда он скрылся, но предполагали, что он сел за одним из торосов,[249] которых на льду было много.

10 августа, в субботу, лед пришел в сильное движение, и тут только мы уразумели, что та огромная льдина, к которой мы пришвартовались, сидит на дне, так как весь остальной лед шел мимо нас. Мы очень боялись, как бы нас не раздавило льдом, и потому приложили много труда и старания, чтобы выйти оттуда, ибо находились в большой опасности. Когда мы поставили паруса, корабль понесло на лед с такой силой, что вокруг нас все затрещало, и мы оказались возле другой большой льдины, у которой и закрепились при помощи якоря.[250] Но в тот же вечер, в первую вахту когда мы уже поужинали, эта льдина неожиданно стала ломаться с таким ужасным громом, что и сказать нельзя, и, дав огромную трещину, рассыпалась больше чем на четыреста частей. Мы были пришвартованы к льдине носом, и когда это случилось, мы отдали канат и таким образом выбрались. Эта льдина сидела в воде на 10 саженей, будучи на мели, а над водой она выдавалась на две сажени; когда она растрескалась, то издавала страшный шум как под водой, так в особенности над водой, и осколки ее разлетелись во все стороны. После того как мы спаслись от этой великой опасности, мы оказались у другой огромной глыбы льда, сидевшей в

воде на шесть саженей; к обеим сторонам ее мы прикрепились канатом. Затем мы увидели еще огромную льдину, находившуюся в море на некотором расстоянии от нас и возвышавшуюся наподобие пирамидальной башни; когда мы приблизились к ней, то с помощью лота определили, что она сидела на грунте на глубине 20 саженей, выдаваясь над водой почти на 12 саженей.

11 августа, и воскресенье, мы пригребли еще к одной льдине: бросив лот, мы определили, что она сидит на грунте на глубине 18 саженей, и выдается над водой на 10 саженей.

12 августа мы подошли близко к земле, чтобы избавиться от льда; так как ледяные глыбы сидели очень глубоко, то на близком расстоянии от берега, при глубине в 4 или 5 саженей, мы были в сравнительной безопасности от них; там с гор стекал большой ручей. Мы снова пришвартовали корабль к льдине, и этот мыс мы назвали Малым Ледяным мысом.[251]

13 августа утром с восточной оконечности земли близко к кораблю подошел медведь; один из наших выстрелил в него и перебил ему лапу; тем не менее медведь, подпрыгивая на трех ногах, взошел на гору. Мы все же настигли его, убили и принесли на корабль снятую шкуру. Затем подул свежий ветер, мы поставили паруса, но были вынуждены лавировать: вскоре ветер, дувший с S и SSO, стал крепчать.

15 августа мы приблизились к острову Оранскому, где у большой льдины были окружены льдом, так что подвергались опасности потерять корабль. Все же с большим трудом мы добрались до самого острова, но так как ветер дул с юго-востока, мы были принуждены перевести корабль в другое место. Занятые этим и громко крича, мы разбудили медведя, который лежал там и храпел; и он подошел к кораблю, так что мы принуждены быль бросить работу и защищаться от

медведя. Пронзенный пулей, медведь убежал на другую сторону острова, бросился в воду, а потом забрался на льдину, где и засел. Когда же он заметил, что мы его преследуем на лодке, он опять прыгнул в воду и поплыл к земле, но мы отрезали ему дорогу и ударили топором ни голове. Всякий раз. однако, как мы замахивались топором, чтобы ударить его, он сейчас же нырял, так что нам стоило большого труда убить его. Вытащив затем медведя на землю, мы сняли и него шкуру и принесли ее на корабль. Потом мы подвели корабль к огромной льдине и пришвартовались к ней.

16 августа[252] десять человек из нас поплыли на лодке к матерому берегу Новой Земли и, перетащив лодку через лед, взошли на высокую гору, чтобы рассмотреть положение земли. Мы нашли, что она поворачивает к SO и SSO, а затем к S; то, что земля уходит на юг, нам не понравилось. Однако, когда мы заметили на SO и OSO чистую воду, то опять сильно обрадовались, полагая, что задача нашего плавания[253] уже выполнена, и не знали только, как бы поскорей вернуться на корабль и сообщить это Виллему Баренцу.

18 августа мы приготовили все к отплытию, но наш труд был тщетен, ибо мы чуть не потеряли якоря[254] и двух новых толстых канатов; после многих напрасных усилий мы вынуждены были вернуться на то место, откуда пришли. Дело в том, что течение шло с огромной силой обратно, и лед быстро несло рядом с кораблем поверх канатов; поэтому мы думали, что потеряем все канаты, находившиеся за бортом, а это было почти 200 саженей; по все обошлось благополучно, так что мы в конце концов добрались туда, откуда вышли.

19 августа, при довольно тихой погоде и юго-западном ветре, лед продолжало носить; мы поставили паруса и при благоприятном ветре пришли к мысу Желания.[255] Надежда опять вернулась к нам. Обогнув мыс, мы

прошли в море на SO четыре мили, но, встретив много льда, повернули на NW, пока вновь не подошли к земле, которая простиралась от мыса Желания до мыса Головного,[256] в направлении на StW на протяжении шести миль. От Головного мыса до мыса Флиссингенского[267] земля простирается на SW на три мили. От Флиссингенского мыса она тянется сперва в море на OSO, а затем на протяжении трех миль на SWtS и SW до Островного мыса;[258] от Островного мыса до мыса Ледяной гавани[259] в направлении на WSW на четыре мили: от мыса же Ледяной гавани до залива Течений[260] и низкой земли в направлении с WtS на OtN на протяжении семи миль. Отсюда земля тянется с востока на запад.

21 августа мы долго плыли до Ледяной гавани и там переночевали. На следующий день, когда течение шло с большой скоростью на восток, мы вышли оттуда и направились к островному мысу; но так как погода была туманная и начался сильный ветер с SW и WSW, мы пришвартовались к льдине.

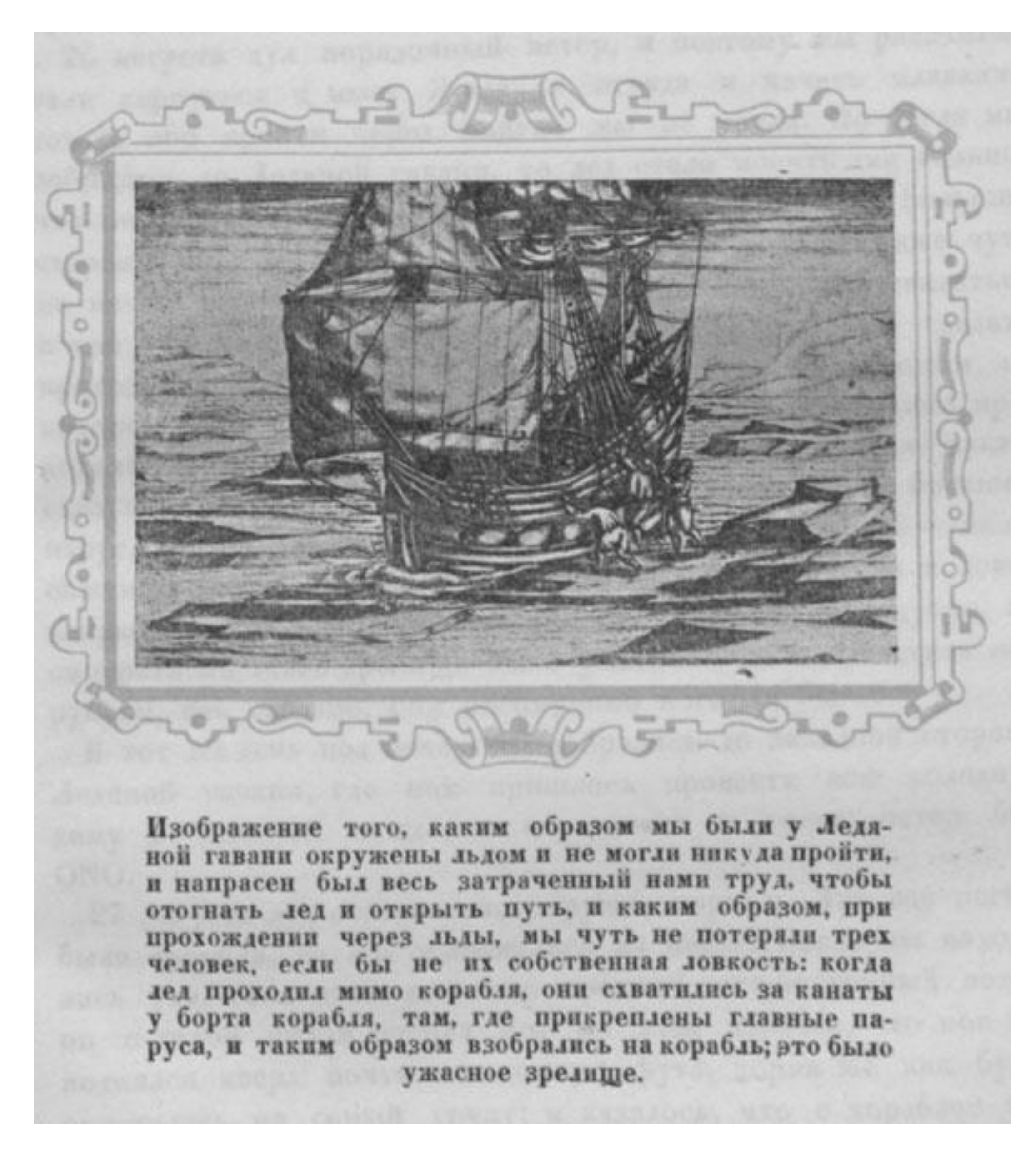
Взобравшись на лед, мы не могли достаточно надивиться на него: до такой степени странным[261] он нам показался. Поверхность его была покрыта землей, и на ней мы нашли до 40 яиц. Этот не был не похож на другой и имел голубой цвет, как чистое небо. Поэтому среди нас возникли различные мнения: одни утверждали, что это лед, другие -- что это земля, смерзшаяся от холода; ибо льдина очень выдавалась над водой и на глубине 18 саженей сидела на грунте, возвышаясь над водой на 10 саженей.[262] Мы тут застряли, так как буря с SWtW продолжалась.

23 августа мы оставили льдину и пошли в море в юго-восточном направлении, но тотчас вновь наткнулись на лед и повернули к Ледяной гавани.

На следующий день, при порывистом ветре с NNW и сильном движении льда, мы были в большой тревоге; ветер крепчал, а лед напирал все больше и больше, так что румпель и часть руля поднялись,[263] лодка, находившаяся между кораблем и льдом, была раздавлена в куски н нам не оставалось ждать другого, как гибели корабля.

25 августа погода начала улучшаться; мы потратили много труда, отталкивая лед, но все наши усилии были напрасны. Когда солнце было на юго-западе, лед начало выносить течением, и мы рассчитывали направиться к югу, чтобы, обойдя кругом Новой Земли, пройти на запад через пролив Вайгач. Мы не нашли прохода,[264] обогнули Новую Землю,[265] и пришли к заключению, что весь труд наш был напрасен и что мы не сможем пробиться, а потому решили вернуться домой. Однако, дойдя до залива Течений, мы должны были повернуть обратно из-за льда, который там стоял крепко; в эту самую ночь море стало замерзать, так что при слабом северном ветре мы едва продвигались.

26 августа дул порядочный ветер, и поэтому мы рассчитывали вернуться к мысу Желания, откуда и начать плавание домой, ибо пройти через Вайгач мы не могли. Но когда мы добрались до Ледяной гавани, то лед стало носить так сильно, что он запер нас со всех сторон. Несмотря на наши большие старания пробиться, весь труд был напрасен, и мы даже чуть не потеряли трех человек, если бы лед продолжал двигаться в том же направлении. Они стояли на льду, чтобы сделать проход для корабля, но в это время нас вместе со льдом, на котором были эти трое, понесло обратно; когда льдина проходила мимо корабля, они, обладавшие ловкостью в


Изображение того, каким образом мы были у Ледяной гавани окружены льдом и не могли никуда пройти, и напрасен был весь затраченный нами труд, чтобы отогнать лед и открыть путь, и каким образом, при прохождении через льды, мы чуть не потеряли трех человек, если бы не их собственная ловкость: когда лед проходил мимо корабля, они схватились за канаты у борта корабля, там, где прикреплены главные паруса, и таким образом взобрались на корабль; это было ужасное зрелище.

руках, схватили один -- канаты, которыми был прикреплен большой парус, другой -- канат, прикрепленный к мачте, третий -- канат, свешивавшийся с кормы, и таким образом счастливо и ловко вспрыгнули на корабль. Хотя все кончилось благополучно, но смотреть на такое зрелище было ужасно: ведь не ухватись они руками, как сказано, они несомненно погибли вы.

В тот же день под вечер мы добрались до западной стороны Ледяной гавани, где нам пришлось провести всю холодную зиму в большой нужде, в страданиях и тоске; ветер был ONO.

27 августа лед совершенно окружил корабль. Так как погода была сносная, то мы отправились на берег. Когда мы находились там, стал дуть довольно крепкий юго-восточный ветер; он с такой силой погнал лед на наш корабль, что нос его поднялся вверх почти на четыре фута, корма же как будто опустилась на самый грунт; и казалось, что с кораблем уже все кончено. Поэтому бывшие на корабле тотчас спустили лодку для спасения своей жизни и, распустив флаг по ветру, дали нам сигнал вернуться на корабль. Когда мы увидели, что флаг развевается по ветру, а корабль так поднялся, то с наивозможной скоростью поспешили к кораблю, полагая, что он уже разбит. Но когда мы пришли туда, то нашли все в более благоприятном положении, чем ожидали.

28 августа, когда лед стал несколько расходиться, корабль стал опять принимать обычное положение. Но прежде чем он выравнялся, Виллем Баренц и другой штурман сошли под буг-шприт посмотреть, в каком состоянии корабль и насколько он приподнят. Когда они были заняты этим, упершись коленями и локтями, корабль выперло с таким сильным треском, что они считали себя погибшими, не зная, куда укрыться.

29 августа, когда корабль пришел в надлежащее положение, мы наготовили много железных рычагов и иных орудий, чтобы ломать льдины, которые налезли одни на другую; но весь труд был напрасен, ибо лед не уходил в таком направление, чтобы это могло помочь нам.

30 августа ледяные глыбы опять стали нагромождаться одна на другую в направлении к кораблю. Дул сильный

ветер с StW н шел густой снег. Корабль был совершенно окружен и сжат льдом; все около него стало трещать, и казалось, что он разламывается на сто частей; это было ужасно и видеть и слышать; волосы становились дыбом при столь страшном зрелище. В этот опасный момент, когда льдины, до тех пор крепко сжимавшие корабль с обеих сторон, пробились под него, корабль вытолкнуло вверх, как будто железным орудьем.

31 августа лед опять двинулся с огромной силой, нос нашего корабля поднялся на четыре или пять футов, а корма застряла в трещине льда. Поэтому мы рассчитывали, что лед не заденет руля, но льдины двигались с такой силой, что и руль[266] и рычаг, державший его, сломались. Если бы корма была противопоставлена шедшему льду, то носовая часть была бы целиком поднята на лед и, возможно, корабль погиб бы, чего мы сильно боялись. Поэтому мы заранее спустили на лед лодки,[267] чтобы позаботиться о себе в момент опасности. Но приблизительно четыре часа спустя лед сам собою пошел обратно. Это обстоятельство привело нас в немалую радость, как будто мы избежали смерти, ибо корабль был снова на плаву. Потом, исправив руль и его перо, мы привесили их на крюк, чтобы в случае такого же сжатия они были свободны.

Изображение того, как после долгих и мучительных плутаний мы были затерты льдом. Он надвинулся на корабль с такой силой, что казалось, что сломается все, находящееся рядом и по соседству с кораблем. Когда же корабль неожиданно выпрямился, а Виллем Баренц и его помощник, лежа перед носом на льду, измеряли, до какой высоты корабль подняло, они подвергались немалой опасности, так как нос был страшно приподнят, а корма казалась опустившейся почти на дно. Тем временем, спустив лодку, моряки тащат ее к земле, нагрузив несколькими бочками с хлебом.

СЕНТЯБРЬ 1596

1 сентября, в воскресенье, лед начал снова напирать, так что почти весь корабль поднялся вверх на два фута, оставаясь однако целым. После полудня, когда лед еще двигался и глыбы лезли одна на другую, мы сделали приготовления, чтобы перетащить лодки через лед на берег; дул юго-восточный ветер.

2 сентября шел густой снег при северо-восточном ветре, корабль стало опять давить льдом, и он сильно трещал. В такой беде мы сочли благоразумным перетащить лодки на берег, вместе с тринадцатью бочками хлеба и двумя боченками вина, чтобы иметь чем питаться в случае крайности.

3 сентября ветер, дувший с NNO, был столь же сильный, но снег шел не так густо. Мы стали освобождаться от льда, который жал нас так сильно, что сдвинул основание кормы,[268] но доски, которыми был укреплен корабль, удержали этот брус. Под страшным напором льда сломалась также часть мачты с полым канатом,[269] которым они были привязаны ко льду; тем не менее канат был вновь закреплен, и корабль еще выдерживал. Это было удивительно, так как лед шел со страшной силой, и глыбы льда были не меньшей величины, чем соляные глыбы, которые можно наблюдать в Испании;[270] и это происходило всего на расстоянии выстрела от корабля, так что мы были в сильном страхе.

4 сентября разъяснило и солнце опять засияло, но погода оставалась холодной, а ветер был северо-восточный; мы оставались без движения.

5 сентября солнце светило ярко, погода была тихая. Лед опять стал осаждать нас, и мы были им так сильно сжаты, что корабль начал совершенно подниматься[271] и сильно страдать, но по милости судьбы оставался еще крепким.[272] Мы очень боялись, что корабль у нас погибнет -- такой страшной опасности он подвергался. В эту трудную минуту мы сочли благоразумным снести на землю наш старый фор-стаксель,[273] артиллерийский порох, свинец, ружья, мушкеты и другое оружие и соорудить около нашей лодки, которую мы стащили на землю, палатку. Мы взяли также хлеб, вино и плотничьи

инструменты, чтобы чинить нашу лодку, ибо она могла быть полезной в случае необходимости.

6 сентября погода была также очень сносная и тихая, солнце светило ярко, ветер дул западный, так что мы несколько ободрились, надеясь, что лед разойдется и мы выберемся.

7 сентября погода была очень сносная, но мы нигде не замечали открытой воды и оставались крепко зажатыми во льду, так что около корабля нельзя было зачерпнуть ни капли воды.

В тот же день пятеро из наших отправились на сушу, но вернулись только двое; остальные трое ушли приблизительно на две мили вглубь страны. Они нашли там реку с пресной водой, а около нее много дерева, принесенного туда.[274] Они заметили также следы оленей и лосей,[275] как они полагали, ибо следы были от раздвоенных копыт, одни больше других; на этом основании они и строили свое предположение.

8 сентября дул сильный ветер с ONO, который был для нас самым неприятным и мешал удалять лед; мы оказались еще крепче во льду, и это было нам очень тягостно.

9 сентября опять подул северо-восточный ветер с легким снегом. В силу этого наш корабль был совершенно сжат льдом; ветер с силою гнал лед на корабль, так что около нас образовалась стена льда в три или четыре фута высотой, и основной брус ахтерштевня ломался все больше и больше; кроме того и передняя часть корабля начала мало-по-малу терять крепость, но все же здесь большой опасности еще не было.

Ночью очень близко к кораблю подошли два медведя, но звук труб и ружейных выстрелов (мы не попали в них, так как было темно) напугал зверей, и они убежали.

10 сентября погода была немного более сносной, хотя дул тот же ветер, но не такой сильный.

11 сентября стояла тихая погода, и восьмеро из нас отправились на берег, хорошо вооруженные, чтобы проверить, правильно ли сообщение упомянутых трех товарищей насчет дерева, лежащего у реки. Дело в том, что после столь долгих и разнообразных блужданий, когда мы то входили в лед, то выбирались из него, постоянно меняя курс, мы видели теперь, что не можем выйти изо льда и крепко засели н нем, а между тем осень и зима были уже близко; поэтому настоятельная нужда заставила нас позаботиться о себе, чтобы провести здесь зиму. Мы пришили к заключению, что надо защититься от холода и диких зверей, построить дом и жить в нем с возможными удобствами, а в остальном довериться судьбе. Для выполнения этого плана мы и отправились осмотреть окрестности и поискать удобное место для постройки дома; впрочем строительного материала мы не имели, так как в той стране не росли деревья и не было ничего другого пригодного для постройки. Но так как в крайней нужде нельзя ничего оставлять неиспробованным, то некоторые из наших углубились в страну поискать удобного для дома места и вообще посмотреть, не подвернется ли им что-либо. Тут они неожиданно наткнулись на счастливую случайность: на морском берегу валялось несколько деревьев, как нам верно сообщали упомянутые три товарища. Эти деревья были занесены сюда из Татарии или из Московии, или из какой-либо другой страны и выброшены на берег, потому что там, где мы были, не растет никаких деревьев. Эта счастливая случайность, будто посланная нам судьбой, сильно нас обрадовала. Деревья были не только полезны нам для постройки, но и как топливо, которым мы пользовались в течение всей той зимы; иначе без сомнения нам всем суждено было бы погибнуть из-за сильнейшего холода.

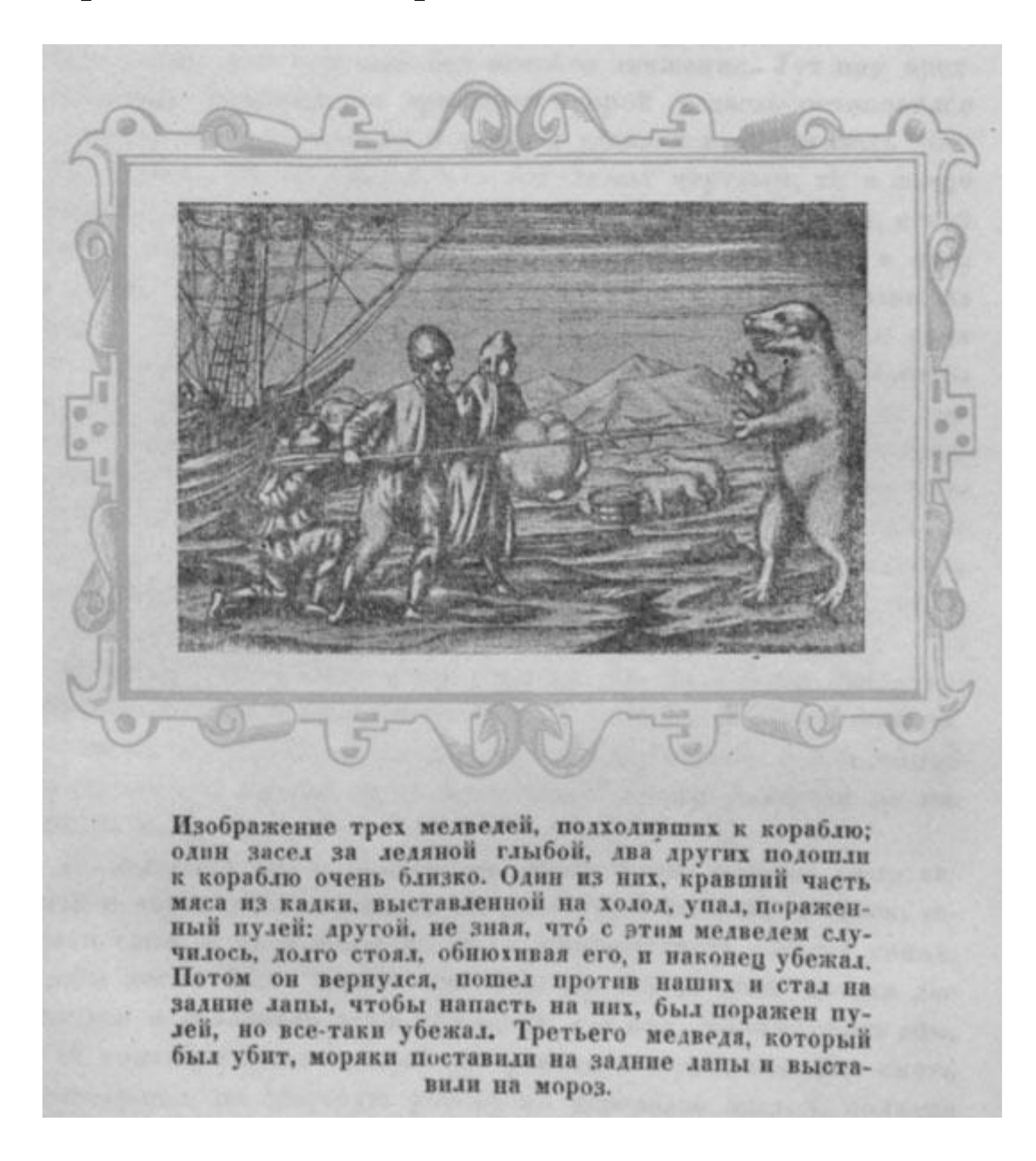
12 сентября в тихую погоду наши отправились в другую сторону поискать деревьев где-нибудь поближе, но нашли очень немного.

13 сентября погода была тихая, но стоял густой туман, и мы не могли ничего сделать, так как при тумане было очень опасно забираться далеко из-за диких зверей, которых мы могли не разглядеть.

14 сентябрь день был ясный, но очень холодный. Мы отправились на сушу и устроили склад дерева, чтобы его не занесло снегом и чтобы мы могли доставить его потом на то место, где рассчитывали построить дом.

15 сентября, на самой заре, когда один из нас стоял на вахте, было замечено, что приближаются три медведя; один из них прилег за ледяной глыбой, два другие направились к кораблю. Поэтому мы приготовились стрелять. Случайно на льду стояла лодка с мясом,[276] выставленная, чтобы мясо отмочилось (так как рядом с кораблем не было воды); и вот один медведь сунул голову в кадку, чтобы схватить часть мяса, но пуля пронзила ему голову, и он упал мертвым без всякого движения. Тут нам представилось удивительное зрелище: второй медведь остановился и, присев, стал безмолвно и как бы удивляясь обнюхивать убитого. Когда же он увидел, что тот лежит мертвым, то в конце концов ушел. Мы, схватив оружие -- алебарды и ружья, стали ждать, не вернется ли он. Наконец медведь направился к нам, и когда он поднимался на задние лапы для нападения, один из наших поразил его пулей в середину живота, так что он упал на передние лапы и затем с громким ревом убежал. Убитого медведя мы вскрыли и выпотрошили, а затем, поставив на четыре лапы, заморозили, рассчитывая отвезти его в Голландию, если удастся высвободить корабль. Поставив таким образом медведя на лапы, мы начали делать сани, чтобы возить лес на то место, где мы собирались строить

дом. В это время соленая морская вода замерзла почти на два пальца толщины; было очень холодно, и дул северо-восточный ветер.



Изображение трех медведей, подходивших к кораблю; один засел за ледяной глыбой, два других подошли к кораблю очень близко. Один из них, кравший часть мяса из кадки, выставленной на холод, упал, пораженный пулей: другой, не зная, что́ с этим медведем случилось, долго стоял, обнюхивая его, и наконец убежал. Потом он вернулся, пошел против наших и стал на задние лапы, чтобы напасть на них, был поражен пулей, но все-таки убежал. Третьего медведя, который был убит, моряки поставили на задние лапы и выставили на мороз.

16 сентября светило яркое солнце, но под вечер стало туманно; ветер был восточный. В этот день мы впервые поехали за лесом и перевезли на санях, на расстояние около одной мили, четыре бревна. В ту ночь вода[277] снова замерзла на два пальца толщины.

17 сентября мы в количестве тринадцати человек отправились с двумя санями возить лес; десятеро, по пять человек, тащили сани, а трое должны были приподнимать лес на санях, чтобы легче было везти его. Обычно мы за день делали две поездки и сваливали лес в том месте, где надо было строить дом.

18 сентября дул западный ветер и шел густой снег. Мы опять отправились на обычную работу по перевозке леса. С полудня было яркое солнце и тихая погода.

19 сентября погода стояла опять тихая и ярко светило солнце; мы привезли на двух санях лес за шесть тысяч шагов и проделали это за день дважды.

20 сентября мы также сделали две поездки; было туманно и тихо.

21 сентября было туманно, а после полудня стояла ясная погода; в море лед все еще двигался, хотя уже не так сильно, как раньше. Холод был страшный, так что мы должны были перенести наш камбуз в нижнюю часть корабля, в самую середину, ибо наверху все замерзало.

22 сентября мы привезли за день два воза леса для постройки дома. Было туманно и тихо, ветер дул с O и ONO. В этот день, когда мы вечером вернулись на борт корабля, скончался наш плотник; он был родом из Лурморенда[278].

24 сентября мы его похоронили в песке, под морским грост-пиком,[279] в расщелине горы около водопада, так как не могли раскопать землю из-за сильного мороза и холода. В этот день мы сделали на наших санях две поездки за лесом.

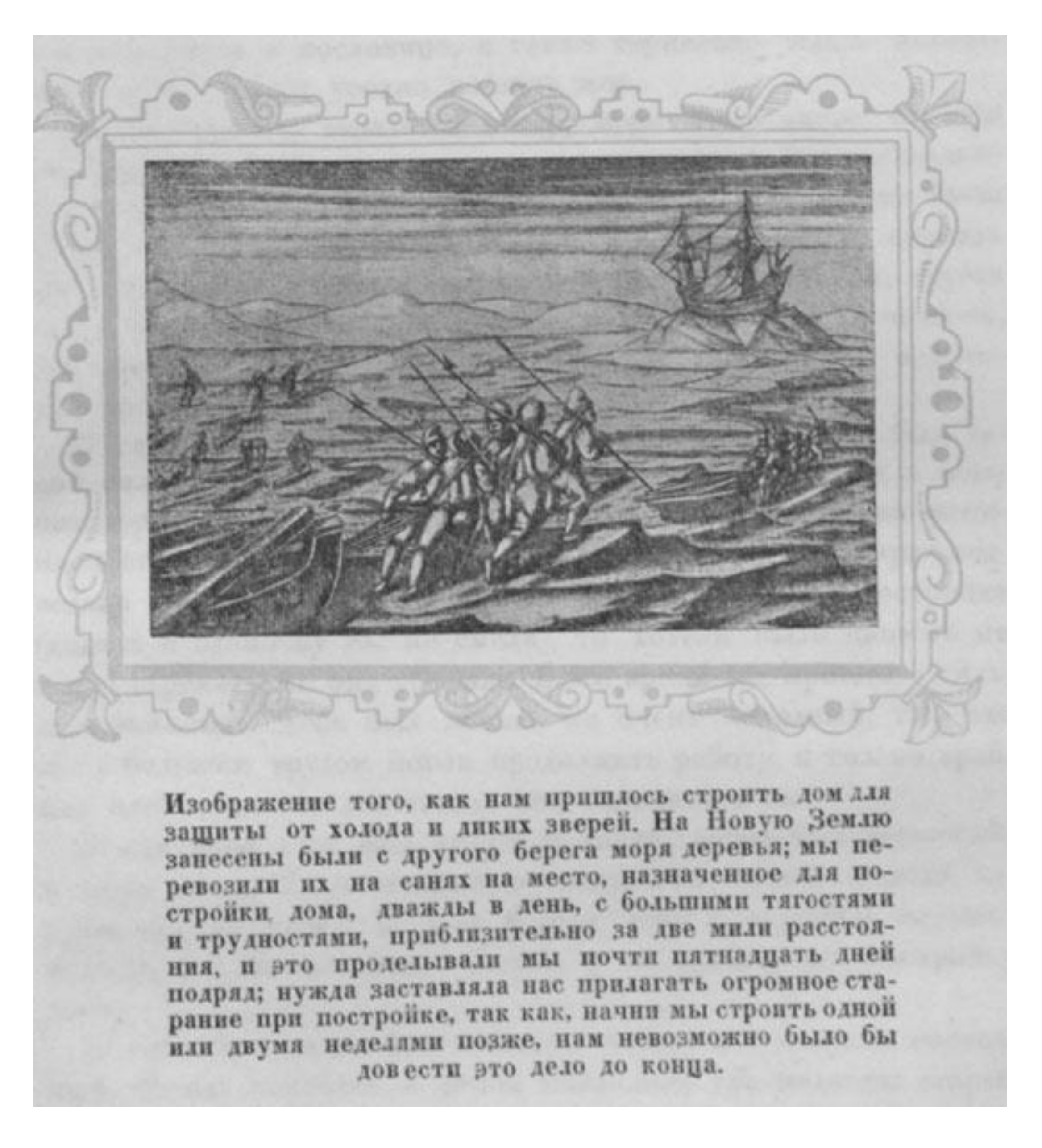
25 сентября погода была туманная, ветер дул с W, WSW и SW; море стало несколько открываться, и лед начало выносить, но это продолжалось недолго: продвинувшись на расстояние артиллерийскою выстрела, лед остановился и сел на грунт на глубине трех саженей; там же, где стоял наш корабль, лед не расходился, и корабль

оставался среди льда. Если бы мы были в открытом море, то мы ли бы поставить паруса, хотя время года было очень позднее.

В этот день мы поставили бревна для нашего дома, и постройка стала подниматься. Если бы однако наш корабль освободился изо льдов, мы оставили бы постройку и починили бы ахтерштевень, чтобы быть готовыми к отплытию, было бы это только возможно. Уж очень тяжело казалось нам проводить там зиму, которая, как мы хорошо знали, будет очень суровая, но никакой надежды у нас не было, и поневоле надо было храбриться, как говорится в пословице, а также терпеливо ждать исхода, какой судьбе будет угодно послать нам.

26 сентября дул западный ветер, море было чисто, но наш корабль тем не менее оставался скованным льдом. Это заставляло нас больше тосковать, чем радоваться, но раз так угодно было судьбе, то надо было повиноваться, и мы продолжали строить наш дом. Часть наших людей подвозила дрова для топки, другая часть была занята постройкой. Нас оставалось еще 16 человек, так как наш плотник умер, но и из этих шестнадцати некоторые по временам хворали.

27 сентября подул резкий северо-восточный ветер и был такой сильный холод, что когда плотники, как это у них в обычае, держали во рту гвоздь, он примерзал к губам, и они вынимали его изо рта с кровью. В этот же день пришла старая медведица с детенышем, и когда мы все вместе пошли к постройке (ходить в одиночку мы не смели), то хотели было напасть на нее и стрелять, но она убежала. В это время лед пришел в сильное движение.



Изображение того, как нам пришлось строить дом для защиты от холода и диких зверей. На Новую Землю занесены были с другого берега моря деревья; мы перевозили их на санях на место, назначенное для постройки дома, дважды в день, с большими тягостями и трудностями, приблизительно за две мили расстояния, и это проделывали мы почти пятнадцать дней подряд; нужда заставляла нас прилагать огромное старание при постройке, так как, начни мы строить одной или двумя неделями позже, нам невозможно было бы довести это дело до конца.

День был ясный, но очень холодный, так что мы с большим трудом могли продолжать работу, и только крайняя необходимость заставляла нас заниматься ею.

28 сентября день был ясный и тихий, ветер был западный, в море видно было открытую воду, тем не менее наш корабль прочно сидел во льду. В этот день к кораблю подошел медведь, но, завидев нас, убежал, а мы продолжали постройку дома.

29 сентября утром был западный ветер, а с полудня восточный. Между кораблем и домом появились три медведя: старый и два молодых. Мы однако продолжали таскать необходимые вещи к месту постройки, желая удалить медведей, но они все шли на нас. Мы старались прогнать их криком, но, увидев, что медведи все так же идут прямо на нас, мы и те, кто был занят постройкой дома, подняли сильный шум: тогда медведи стали убегать, о чем мы нисколько не жалели.

30 сентября ветер был с O и OSO, и всю ту ночь шел густой снег, так что наши не могли подвозить лес -- так много выпало снега. Мы разложили около постройки большой костер, с целью дать земле оттаять и уплотнить ее вокруг дома, чтобы таким образом холод меньше проникал в дом. Но наш труд был напрасен; земля была настолько крепка и так глубоко промерзла, что никак не оттаивала, или уж надо было потратить чересчур большое количество дров. Поэтому мы отказались от нашего намерения.

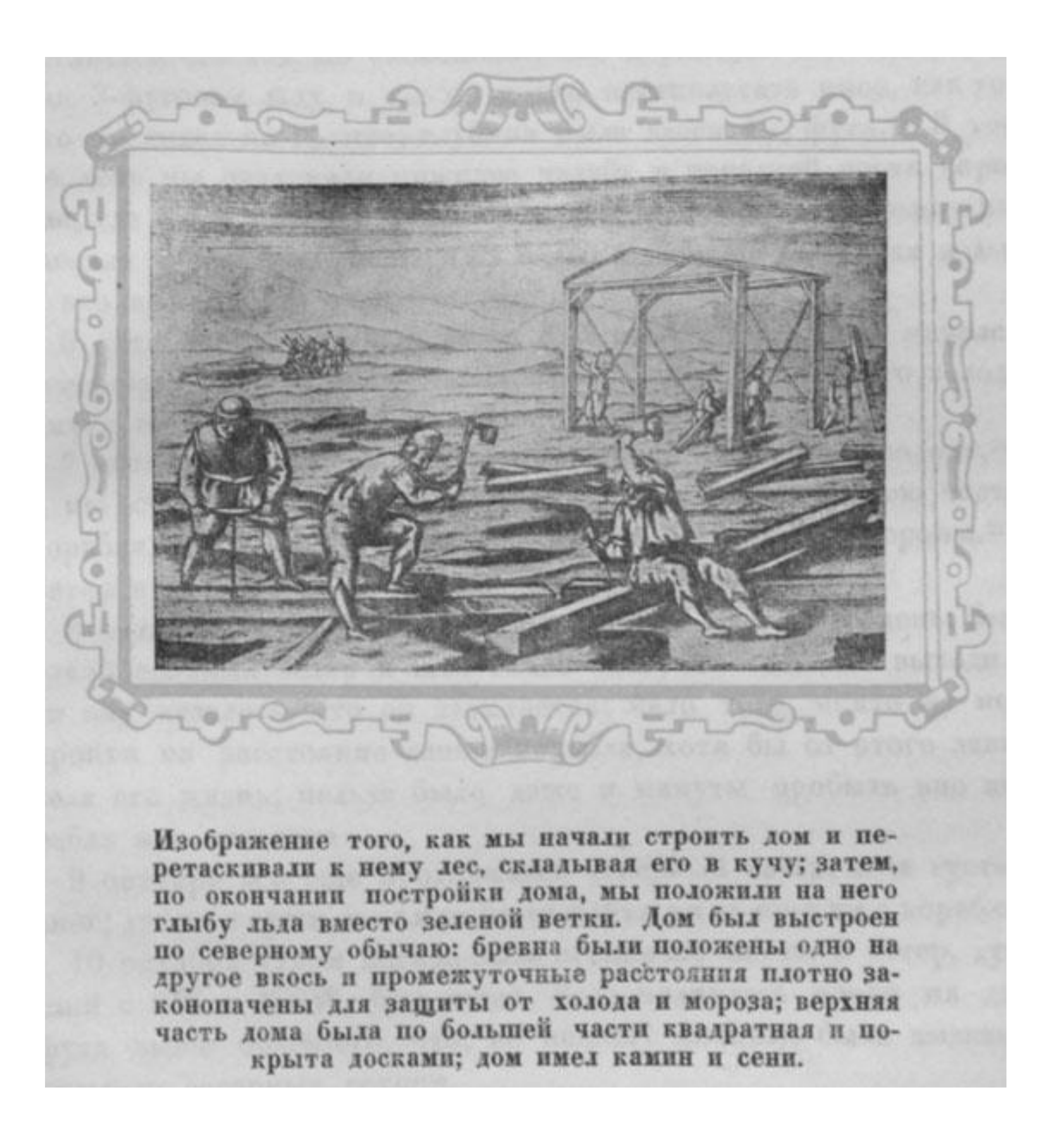
ОКТЯБРЬ 1596

1 октября дул очень сильный северо-восточный ветер, а после полудня поднялся шторм с севера и началась метель, так что итти против ветра было очень трудно и едва можно было дышать; снег так бил в лицо, что на расстояние двух или трех кораблей ничего но было видно.

2 октября до полудня день был солнечный, а с полудня небо стало опять пасмурным к пошел снег, но погода была тихая; сперва дул северный ветер, потом южный. Мы закончили постройку дома и поставили на нем майское дерево,[280] сделанное из снега.

3 октября погода было тихая и ясная, но страшно холодная, так что едва можно было терпеть. С полудня подул сильный западный ветер, принесший такую стужу, что, если бы она продолжалась, пришлось бы остановить работы.

1 октября дул западный ветер, а с полудня сильный северный, принесший густой снег, что опять помешало нашим работам. В это время мы сильнее закрепили наш якорь за лед, так как наш корабль находился всего на расстоянии выстрела от открытой воды, так много льда несло.



Изображение того, как мы начали строить дом и перетаскивали к нему лес, складывая его в кучу; затем, по окончании постройки дома, мы положили на него глыбу льда вместо зеленой ветки. Дом был выстроен по северному обычаю: бревна были положены одно на другое вкось и промежуточные расстояния плотно законопачены для защиты от холода и мороза; верхняя часть дома была по большей части квадратная и покрыта досками; дом имел камин и сени.

5 октября при сильном северо-западном ветре море на всем видимом пространстве почти очистилось от льда, но наш корабль оставался все так же скованным, как и раньше. Он стоял в 2-или 3-футовом льду, и мы не могли предполагать иное, как то, что он сидел на грунте; глубина была здесь 4 1/2 фута.[281] В тот же день мы разломали нижнюю палубу в передней части корабля, где была мачта, и этими досками покрыли дом; крышу мы сделали в середине несколько более высокую, для стока воды. В это время было очень холодно.

6 октября дул сильный ветер с W и SW, а к вечеру начался северо-западный с большим снегом, и из-за страшного холода никто не решался показать голову за дверь.

7 октября погода была довольно сносная, не очень холодная,[282] и мы старательно конопатили дом и разобрали заднюю часть корабля, чтобы лучше обшить постройку с наружной стороны.[283] Ветер в этот день обошел кругом всего компаса.

8 октября. В предшествующую ночь и весь этот день был такой сильный ветер и шел такой снег, что если кто выходил, то ему казалось, что он задыхается; мало того, никто не мог расстояние на расстояние длины корабля, хотя бы от этого зависела его жизнь; нельзя было даже и минуты пробыть вне корабля или вне дома.

9 октября все еще продолжался северный ветер, неся густой снег; дул он с суши, и нельзя было выйти ни из дому ни с корабля.

10 октября утром погода была несколько мягче, и ветер, дувший с SW и WSW, был тише. Вода подлилась почти на два фута выше обычного, что, по нашему мнению, было вызвано сильным северным ветром.

В тот же день погода стала еще лучше, так что мы рискнули сойти с корабля. И вот, когда один из наших вышел, ему навстречу вдруг попался медведь и чуть

было не столкнулся с ним раньше, чем тот его заметил. Наш тотчас побежал к кораблю, а медведь преследовал его до того самого места, где мы раньше убили медведя, которого мы тогда поставили на лапы и бросили на морозе; он был потом занесен глубоким снегом, но одна лапа все еще торчала из-под снега. Подойдя к этому месту, преследовавший медведь остановился. Этим замедлением воспользовался убегавший, влез на корабль и в страхе закричал громким голосом: "Медведь, медведь!" Вызванные его криком, мы вышли на палубу, чтобы стрелять в медведя, но зрение наше притупилось от постоянного дыма, который мы терпели, заключенные в корабле из-за крайне суровой погоды; ни за какие блага этот дым нельзя было бы вытерпеть, но нас принудили к этому сильный мороз и жесточайшая метель; иначе мы не могли сохранить себе жизнь и, если бы оставались на палубе, то несомненно умерли бы от стужи. Медведь не долго оставался там и неожиданно ушел. Ветер был северо-восточный.

В тот же день под вечер погода была хорошая; мы вышли с корабля и направились к дому, унося с собой большую часть хлеба.

11 октября погода была тихая и, вследствие южного ветра, довольно теплая. Мы снесли на берег вино и прочее продовольствие. Но пока мы были заняты выгрузкой вина, медведь, который прятался за глыбой и льда (может быть, он был разбужен нашим криком), подошел к кораблю. Мы, правда, видели, как он лежал, но приняли его за глыбу льда. Когда он стал приближаться к нам, мы выстрелили в него, но он убежал, а мы продолжали свою работу.

12 октября ветер был северный, временами несколько уклонявшийся к западу Половина наших отправилась и дом и там впервые провели ночь, испытав однако сильный холод, так как койки были еще не готовы, а

одеял у нас было мало. В особенности страдали мы от крайне надоедливого дыма, а развести огонь как следует мы не могли, ибо печь не была еще сложена.

13 октября опять поднялись сильные северные и северо-западные ветры. Трое из нас отправились на корабль и нагрузил сани пивом. Однако, когда мы хотели везти его к дому, неожиданно поднялся такой сильный и холодный ветер, что мы не могли оставаться на улице и должны были удалиться на корабль, оставив пиво на санях. На корабле мы испытали сильный холод из-за недостатка одеял.

14 октября, сойдя с корабля, мы нашли боченок пива (оно было данцигское), оставленный на открытом воздухе на санях. От сильного холода дно его лопнуло, а самое пиво, которое вытекло, замерзло и так крепко пристало ко дну боченка, как будто было прикреплено птичьим клеем. Мы притащили этот боченок пива к дому и поставили стоймя. Когда же мы хотели пить, то надо было раньше дать пиву оттаять, ибо незамерзшего пива оставалось в боченке чуть чуть, и в этой влаге была вся сила напитка, так что из-за крепости его нельзя было пить; а то, что замерзло, было так же невкусно, как вода, но мы все-таки пили его вместе с другим, незамерзшим, хотя напиток получился очень слабый и невкусный.

15 октября ветер дул с N, а также с O и OSO, погода была тихая. В этот день мы подготовили место для двери, удалив снег лопатами.

16 октября ветер был юго-восточный и южный, погода тихая. Накануне ночью медведь забрался на корабль, но с рассветом ушел, заметив людей. К этот день мы разобрали каюту капитана,[284] чтобы взять оттуда доски и наустройство сеней, чем мы и были заняты.

17 октября ветер дул с юга и юго-востока, погода была тихая, но очень холодная; мы употребили и этот день на постройку сеней.

18 октября дул сильной ветер с востока и юго-востока. Мы достали из лодки, вытащенной на берег, хлеб, а также вино; оно не очень замерзло, хотя и оставалось так шесть недель, неоднократно подвергаясь сильному холоду.

В этот день мы опять заметили медведя. Море совершенно замерзло, так что нигде нельзя было видеть открытой воды.

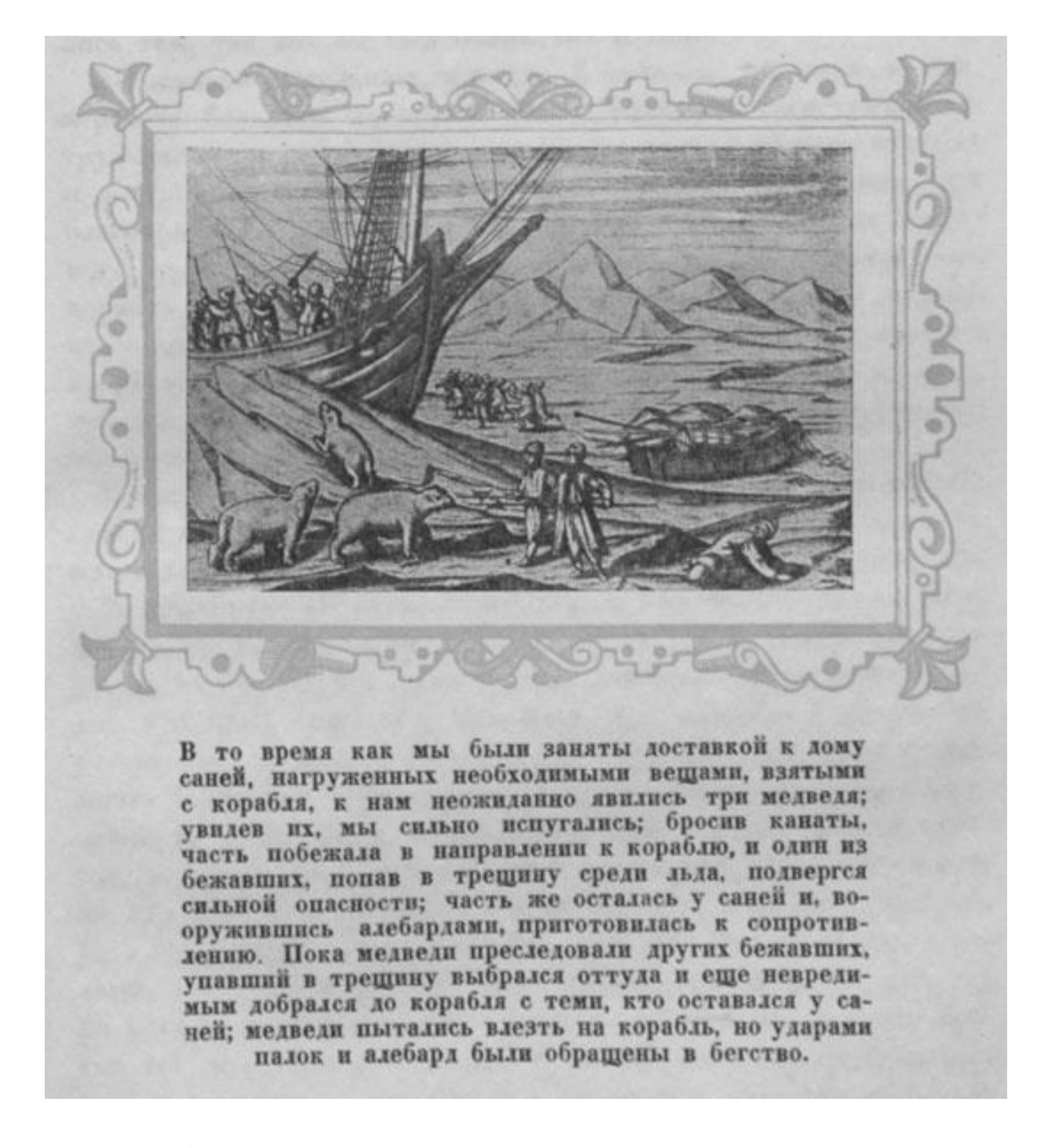
19 октября ветер дул с северо-востока. На корабле находились всего два человека,[285] и в это время появился медведь, который пытался прорваться на судно силою. Эти два человека били его поленьями дров, тем но менее зверь ожесточенно бросался на них. Напуганные этим, они пустились бежать, стараясь, как могли, спасти жизнь: двое соскочили внутрь корабля, а мальчик залез на ванты. А когда некоторые из наших пошли из дома к кораблю, медведь стал нападать и на них, но, получив две пули, убежал.

20 октября, при тихой и солнечной погоде, мы опять заметили в море открытую воду. В это время мы дошли на корабль взять остальное пиво; несколько боченков его мы нашли замерзшими. Мало того, даже железные обручи, набитые на бочонки с данцигским пивом, так же лопнули от мороза.

21 октября стояла тихая погода и солнце ярко светило. Мы снесли в дом большую часть нашею продовольствия.

22 октября, при сильном северо-восточном ведре, снег мело так густо, что нам нельзя было посидеть даже и перед дверьми.

23 октября была тихая погода, ветер дул с северо-востока. Мы отправились, на корабль посмотреть, не захотят ли наши, который еще оставались на корабле, перейти и дом; но они не рискнули пуститься в путь с больным и на этот день еще остались там, так как он был очень хил и слаб.



В то время как мы были заняты доставкой к дому саней, нагруженных необходимыми вещами, взятыми с корабля, к нам неожиданно явились три медведя; увидев их, мы сильно испугались; бросив канаты, часть побежала в направлении к кораблю, и один из бежавших, попав в трещину среди льда, подвергся сильной опасности; часть же осталась у саней и, вооружившись алебардами, приготовилась к сопротивлению. Пока медведи преследовали других бежавших, упавший в трещину выбрался оттуда и еще невредимым добрался до корабля с теми, кто оставался у саней; медведи пытались влезть на корабль, но ударами палок и алебард были обращены в бегство.

24 октября остальные, в числе 8 человек, перешли в дом, перевезя больного на санях. Мы с большими тягостями и затруднениями перетащили к дому также лодку с нашего корабля и повернули ее вверх дном, чтобы по прошествии зимы, при благоприятных обстоятельствах, воспользоваться его для обратного пути, если представится возможность. Затем видя, что корабль попрежнему находится прочно во льду и нам меньше всего можно ждать того, чтобы море вскрылось,

мы подняли якорь на корабль, дабы не потерять его засыпанным в снегу, так как он еще мог нам пригодиться летом; мы надеялись, что каким-нибудь способом вернемся летом на родину.

Продолжая работать с тем же старанием, в то время как солнце стало изменять нам, мы каждый день перевозили на санях в дом все необходимое для еды и питья. Ветер был северный.

25 октября[286] мы отправились убрать все снасти, необходимые для лодок. Когда мы были заняты этим делом, приспособив веревки, чтобы тащить груз к дому, капитан, обернувшись, увидел, что из-за корабля к нам идут три медведя. В испуге он тотчас стал громко кричать, чтобы устрашить их, а мы немедленно скинули с себя веревки и приготовились к отпору. Случайно на санях была пара алебард. Одну из них схватил капитан, а другую взял я, чтобы дать посильный отпор; остальные же изо всех сил побежали к кораблю. При этом бегстве один упал в трещину среди льда; это было для нас страшное зрелище, так как мы думали, что медведи стремительно кинутся на него и сожрут его. По к счастью медведи устремились против тех, кто убежал на корабль. Между тем, воспользовавшись удобным случаем, и мы, вместе с упавшим в трещину, побежали к кораблю и взошли на него. Медведи, увидев, что мы ускользнули, в ярости подошли к кораблю; а у нас не было другого оружия, кроме двух упомянутых алебард, и так как мы на них не очень полагались, то пытались отбиться от медведей, бросая в них палки и другие предметы, что производило на них такое же действие, как на собак бросание камнями. Между тем мы послали одного из наших в трюм высечь огонь, а другого за копьями, спрятанными под палубой; но огня, при помощи которого мы могли бы стрелять, не удавалось высечь. Однако в то время как медведи смело нападали на нас,

мы, ткнув алебардой, ранили одного из них в морду. Почувствовав рану, он медленно отошел от нас. Увидев это, ушли и другие, которые были помоложе; мы же поблагодарили судьбу за то, что таким образом избавились от них, отвезли без всякой помехи сани к дому и рассказали что с нами было.

26 октября ветер дул с N и NNW, погода была довольно сносная; мы видели открытую воду очень близко к берегу, но около корабля лед лежал попрежнему.

27 октября, при северо-восточном ветре, шел такой густой снег, что вне дома невозможно было работать, в тот день наши застрелили песца; сияв с него шкуру, мы в жареном виде съели его мясо и нашли, что оно по вкусу напоминает кролика. В тот же день мы привели в порядок наши стенные часы, так что они стали бить.

Мы заправили также лампу, чтобы она нам светила ночью; для этого мы взяли растопленное медвежье сало и налили его в лампу.

28 октября, при северо-восточном ветре, наши вышли за дровами, но поднялась такая сильная буря с пургой, что они принуждены были воротиться. Под вечер погода стала лучше, и трое из наших пошли вырвать зубы у медведя, которого оставили замороженным, но он оказался совершенно засыпанным снегом, притом внезапно опять поднялись такая снежная вьюга и буря, что они вынуждены были поспешно вернуться домой; добрались они туда с трудом, ибо снег падал так густо, что почти совершенно залеплял глаза. Вследствие этого они едва было не сбились с дороги и им чуть не пришлось, блуждая всю ночь, провести ее в страшной стуже.

29 октября дул северо-восточный ветер. Мы пошли искать на берегу гальку, смешанную с песком, чтобы засыпать парус, который мы растянули поверх дома, имея в виду сделать крышу более плотной и лучше

отеплить жилище, так как доски были не особенно хорошо пригнаны и не мешали стуже проникать к нам.

30 октября все еще дул северо-восточный ветер, и солнце совершало свой путь очень близко к земле, мало поднимаясь над горизонтом.

31 октября продолжался тот же ветер с метелью, так что мы не рисковали и голову высунуть из дома.

НОЯБРЬ 1596

1 ноября все еще дул северо-восточный ветер. Когда уже начинало темнеть, мы видели, что на востоке восходит луна. Солнце должно было быть еще над горизонтом, но в тот день мы его не видели из-за пасмурной погоды и сильного снегопада. Стужа была жестокая, так что в этот день мы ничего не могли делать вне дома.

2 ноября дул западный ветер с отклонением к югу, а вечером северный. При хорошей погоде мы видели, как солнце восходило на SSO и заходили на SSW. Полный диск его однако не показывался над землею, и оно представлялось как бы скользящим над горизонтом. В этот день мы убили ударом топора песца и, сняв с него шкуру, изжарили и съели. Раньше мы не видели ни одного песца: они появились только теперь, с удалением от нас солнца, и вместе с тем пропали медведи.

3 ноября дул северо-западный ветер, погода была тихая. Мы видели восход солнца на StO (даже несколько южнее) и заход на StW (тоже немного южнее); над горизонтом была видна только верхняя часть солнечного диска, хотя место, на котором мы стояли, когда измеряли высоту солнца, было на такой же высоте, как мачта нашего корабля;[287] и тогда солнце было в 11®41' Скорпиона,[288] а склонение его было 15®24' южное.

4 ноября погода была тихая, солнца уже не было видно, так как оно больше не поднималось над горизонтом.[289] Наш врач ухитрился устроить из винной бочки ванну, купанье в которой согревало тело, ванну принимали время от времени все мы по очереди. Мы знали, что это купанье сильно содействует укреплению тела и сохранению здоровья.

5 ноября был северный ветер несколько отклонявшийся к западу. Мы видели в море много воды, тем не менее наш корабль оставался прочно скованным льдом; и когда солнце нас покинуло, мы видели, что луна не заходит ни днем, ни ночью,[290] так как она была в своем наивысшем подъеме.

С ноября ветер дул с северо-запада, погода была тихая. Наши привезли сани с дровами, но, так как солнце нас покинуло, было очень темно.

7 ноября была тихая[291] погода, ветер дул с запада. Тьма была такая, что день можно было с трудом отличить от ночи, тем более, что в это время остановились наши часы, и поэтому мм думали, что день еще не наступил, когда на самом деле он уже настал. Наши люди в этот день покидали свои койки только для того, чтобы облегчить мочевой пузырь, а потому не знали, видят ли они дневной свет или сияние луны. В силу этого мнения разделились: одни утверждали, что это -- свет дневной, другие -- лунный. Но когда мы рассудили все как следует, то оказалось, что это был дневной свет, ибо время было около полудня.

8 ноября была тихая погода, ветер дул с юга и юго-запада. Наши люди опять привезли сани, нагруженные дровами, а потом мы поймали песца и видели в море открытую воду.[292] В этот день был разделен хлеб: каждый получил на неделю 4 фунта 10 унций.[293] Таким образом каждый боченок хлеба расходовался в восемь дней, тогда как раньше его едва хватало на 5 или 6 дней.

Делить же мясо и рыбу еще не было необходимости. Напитков не хватало, поэтому их пришлось собрать вместе и разделить между всеми.

9 ноября ветер дул северо-восточный, с некоторым отклонением к северу. Было очень темно, и свет едва мерцал.

10 ноября погода стояла тихая, ветер дул с северо-запада. Наши отправились на корабль посмотреть, в каком там положении дела, и нашли, что в корабле много воды, которая покрыла балласт; но так как вода замерзла, то ее нельзя было выкачать помпой.

11 ноября ветер был северо-западный, погода довольно тихая. В этот день мы сделали из канатных веревок приспособление для ловли песцов, сплетенное наподобие сети. Оно было устроено так, что от дома была протянута веревка, и, когда песец подходил под нее, он запутывался в ней. В этот день мы поймали одного.

12 ноября дул восточный ветер, погода была бурная.[294] В этот день мы начали распределять и вино. Каждый должен был получать в день по два стаканчика, а нашим обычным напитков была вода, добытая из принесенного в дом и растаявшего снега.

13 ноября была очень дурная погода и сильная пурга, ветер дул с востока.

14 ноября была ясная и светлая погода, так что были видны все звезды; ветер оставался восточный.

15 ноября было темно, небо заволоклось тучами; ветер дул северо-восточный.

16 ноября была тихая и умеренная погода; ветер восточный.

17 ноября было темно, небо пасмурное; ветер попрежнему восточный.

18 ноября погода была очень плохая при юго-восточном ветре. Капитан разрезал сверток очень

толстой шерстяной материи и роздал каждому, сколько ему было необходимо, для лучшей защиты от холода.

19 ноября ветер был восточным, погода скверная. Мы открыли сундук, в котором находилось полотно, к разделили его между людьми для изготовления рубашек; обстоятельства требовали принять все меры к защите тела от холода.

20 ноября стояли хорошая и тихая погода, ветер дул с востока. Мы вымыли наши рубашки; но был такой сильный холод, что выстиранное и скрученное белье сильно замерзало: приходилось держать его у большого огня, но и то оно оттаивало только с одной стороны, а с другой оставалось замерзшим, так что легче было разорвать его, чем развернуть. Чтобы белье оттаяло, не оставалось поэтому ничего другого, где опять бросить его в кипяток, такой сильный был холод.

21 ноября погода была сносная, ветер северо-восточный. Тогда было принято решение, чтобы каждый поочередно рубил дрова для облегчения этой работы повару, который и без того был достаточно занят приготовлением пиши два раза в день и оттаиванием снега для питья; но капитан и штурман[295] были освобождены от этой работы.

22 ноября дул юго-восточный ветер при ясной погоде. Так как у нас оставалось еще 17 кругов сыра,[296] то мы съели один за общим столом, а из остальных все получили на свою долю по одному для собственного употребления.

23 ноября погода была сносная, ветер юго-восточный. Так как песцы стали появляться в гораздо большем количестве, чем раньше, то мы и воспользовались этим удобным случаем. Именно, мы сделали из толстых досок ловушки, на которые накладывали камни, окружив эти ловушки глубоко вбитыми острыми кольями, чтобы

нельзя было прокопать проход снизу. Этим способом мы время от времени ловили песцов.[297]

24 ноября была резкая погода, ветер дул с северо-востока. Мы опять приступили к купанью, так как не все были здоровы. Четверо из нас взяли ванну и, когда они вышли, то цирульник[298] дал нам слабительного, которое было нам очень полезно. В этот день мы поймали четырех песцов.

25 ноября стоила ясная погода, а ветер дул западный. В устроенную нами ловушку мы поймали двух песцов.

26 ноября погода была суровая, при сильном юго-западном ветре; свирепствовали буря и страшная метель. Дом был почти погребен под снегом, так чти нельзя было выйти, и мочиться и испражниться приходилось в доме.

27 ноября день был ясный, ветер дул с юго-запада. Мы сделали несколько ловушек, ибо песцы были нам очень полезны для питания, еды же у нас было немного, и потому казалось, что их послала нам сама судьба.

28 ноября опять была суровая погода с сильной бурей с севера и страшной метелью, так что мы снова оказались наглухо заперты в доме и не могли выйти, ибо все двери были завалены снегом.

29 ноября день был ясный и небо светлое, ветер дул с севера. Мы откопали снег у дверей и проложили дорогу для выхода наружу. Сделав это, мы нашли нее наши ловушки и силки погребенными под снегом. Очистив ловушки, мы опять приспособили их для ловли песцов, причем одного поймали в тот же день; он был нам не только полезен для еды, но из шкуры его, как и из шкур вышеупомянутых песцов, мы сделали шапки, закрывавшие всю голову и предохранявшие нас от резкого мороза.

30 ноября дул западный ветер, погода были ясная. Когда Стражи[299] были на юго-западе, что по нашему

предположению было приблизительно в полдень, мы отправились вшестером, хорошо вооружившись к кораблю, чтобы посмотреть, как все обстоит; придя туда, мы поймали под палубой живого песца.

ДЕКАБРЬ 1500

1 декабря погода была скверная -- буря с юго-запада и много снега; вследствие того мы опять, были совершенно заперты в доме, а дым поднялся такой, что мы с трудом могли развести огонь, и по большей части оставались у себя на койках; но повар все же был вынужден развести огонь для варки пищи.

2 декабря скверная погода продолжалась и попрежнему держала нас дома. Из-за сильного дыма мы с трудом могли сидеть у огня; поэтому мы большей частью попрежнему оставались лежать на койках. Согревая у огня камни, мы передавали их другим, остававшимся в своих гнездах, для согревания ног; холод и дым были невыносимы.

3 декабря продолжалась та же скверная погода. Оставаясь на койках, мы могли слышать страшный треск льда на море, отстоявшем от нас приблизительно на полмили. Мы объясняли этот шум столкновением больших ледяных гор, которые, как мы видели летом, имели много саженей толщины. Так как в те два или три дня мы не могли, как раньше, разводить огня из-за очень едкого дыма, то в дом проник такой резкий холод, что потолок и стены покрылись льдом в два пальца толщиной: почти то же было и с койками, где мы лежали. В эти три дня, когда мы были заперты в доме, мы пустили в ход песочные часы на двенадцать часов: как только они опорожнялись, мы их перевертывали и следили за этим с большим старанием, чтобы не сбиться

в счете времени. Холод был настолько силен, что стенные часы также замерзли н не шли, хотя мы привешивали к ним тяжесть больше обычного.

4 декабря было ясно и дул северный ветер. Мы начали поочередно откидывать снег, который завалил дверь. Так как мы видели, что нам придется очень часто заниматься этим делом, то решили делать это поочередно, не исключая никого, кроме капитана и штурмана.

5 декабря погода была ясная и приятная, дул северный ветер. Потом мы очистили ловушки или ловли песцов.

6 декабри скверная погода, при восточном ветре, принесла нам тягости и такой сильный холод, что он был почти невыносим. Мы с жалостью смотрели друг на друга, опасаясь, что если мороз будет еще усиливаться, то мы погибнем от холода, так как хотя мы и развели сильный огонь, но все же не могли согреться; даже благородное испанское вино,[300] которое очень горячо, совершенно замерзало от холода, так, что приходилось его оттаивать на огне, начиная с полудня, чтобы каждый из нас поучил свою порцию; она выдавалась нам в небольшом размере, в виде квартария.[301] Этим количеством мы и должны были поддерживать себя столь долгое время; а затем питьем служила вода, не очень полезная при таком сильном холоде, да и то ее надо было не остужать снегом или льдом,[302] а вытаивать из снега.

7 декабря скверная погода продолжалась, свирепствовал северо-восточный шторм,[303] который принес сильнейший холод; мы не знали, что предпринять, чтобы защититься от него. Когда мы совещались, что делать, один из наших предложил пустить в ход каменный уголь, который мы перенесли с корабля в дом, и развести им огонь, так как этот уголь дает сильный и продолжительный жар. Поэтому

вечером мы развели при помощи упомянутых углей прекрасный огонь, давший много тепла, но не убереглись при этом от большой беды. Так как теплота нас сильно подкрепила, то мы стали совещаться, как бы подольше удержать ее. Мы решили закрыть все двери в камин, чтобы надолго сохранить тепло; после этого мы пошли спать, каждый на свою койку или логово, радуясь теплу. Мы долго разговаривали между собой, но в конце концов у нас появилось сильное головокружение. Прежде всего мы заметили это на одном из нас, а затем и все мы почувствовали большое недомогание. Поэтому те, кто был посильнее, вскочили с коек и прежде всего открыли камин, а потом дверь. Тот, кто отворял дверь, лишился чувств и в обмороке упал на снег.

Я, чья койка была ближе всего к двери, услышал это и, видя его лежавшим в обмороке, сейчас же принес уксус и натер ему лицо, от чего он пришел в себя. По открытии двери наше здоровье восстановил тот же самый холод: раньше он был для нас таким ярым врагом, я теперь послужил причиной спасения, ибо иначе мы без сомнения погибли бы в беспамятстве. Затем, когда мы пришли в себя, капитан дал каждому немного вина для укрепления сердца.

6 декабря продолжалась скверная погода. Хотя дул сильный и холодный северный ветер мы все же не дерзали жечь уголь, как накануне, потому что несчастье сделало нас более благоразумными, и мы не хотели, избегая одной неприятности, впасть в другую, еще худшую.

9 декабря день был приятный и ясный. Звезды ярко блистали. Поэтому мы опять совершенно очистили дверь, которая раньше была завалена снежными сугробами. Мы также насторожили ловушки для ловли песцов.

Изображение того, как по случаю сильного холода мы зажгли каменный уголь и закрыли камин и дверь, чтобы удержать тепло внутри дома. От этого мы чуть не заснули и от угара могли умереть, так что не были бы в состоянии потом рассказать об этом другим; но как только мы это заметили и пришли в себя, мы вышли из дома и очистили от снега песцовые ловушки.

10 декабря ветер был северо-западный; погода была опять при иная и ясная, звезды блистали ярко. Мы поймали двух песцов, приносивших нам большую пользу, так как пищевые запасы сильно уменьшались, а холод все возрастал; кроме того и песцовые шкуры были нам очень кстати.

11 декабря день был также ясный, но непомерно холодный, так что не испытавший этого с трудом мог бы поверить. Даже сапоги на наших ногах сделались от

мороза как рог, так что мы не могли больше носить сапог, а должны были прибегать к широким и просторным башмакам, верхняя часть которых состояла из овчины; при ходьбе же надо было надевать три или четыре пары носков для согревания ног.

12 декабря погода была светлая и ясная, но непомерно холодная, ветер дул с северо-запада; потолок, стены и наши койки были покрыты льдом почти в палец толщиной. Даже надетые на нас платья стали белыми от мороза и инея. Хотя некоторые советовали нам опять жечь уголь, чтобы согреться, оставив печь открытой, но мы все же не решались на это, наученные предшествовавшим примером, отпугнувшим нас от такого поступка.

13 декабря ветер был восточный, погода опять ясная. Мы поймали песца, потратив много труда на предварительную подготовку ловушек, ибо если мы несколько дольше оставались вне дома, то от холода на лице и на ушах делались пузыри.

14 декабря день был приятный, небо было усыпано ярко блестевшими звездами, ветер дул с северо-востока. Мы измерили высоту правого плеча созвездия Ориона,[304] когда оно было на SSW (несколько западнее). Высота звезды над горизонтом была 20®18'; ее склонение 6®18' северное. Если это склонение отнять от найденной высоты, остаются 11® вычитая это число из 90®, получаем высоту полоса в 76®.[305]

15 декабря погода была опять ясная: ветер дул с востока, в этот день мы поймали двух песцов и видели восход луны на OSO, когда возраст ее составлял 26 дней и она находилась под знаком Скорпиона.

16 декабря небо оставалось ясным, ветер был северо-восточный. В это время у нас и доме не оставалось больше дров, так как были сожжены последние их остатки. Но около дома лежала куча дров, хотя и

совершенно занесенная снегом. Нам пришлось отрывать эти дрова с большими труданостями и муками, отбрасывая снег лопатами, чтобы перенести в дом. Это мы делали поочередно и попарно, но быстро, так как нельзя было долго оставаться вне дома из-за невыносимого холода, хотя головы у нас были покрыты песцовыми шкурами и мы носили по две одежды.

17 декабря ветер был северо-восточный и небо оставалось ясным, но мороз был такой сильный, что мы говорили друг с другом, что если бы гантский[306] пивной боченок, полный воды, оставить за дверями на одну ночь, то он бы промерз сверху донизу.

18 декабря небо было ясное, продолжался северо-восточный ветер. Мы всемером отправились на корабль посмотреть, как там обстоит дело. Спустившись под палубу, мы заткнули все отверстия, рассчитывая найти песца, ни не видели ни одного. Придя же в трюм и разведя огонь, чтобы осмотреть состояние корабля и определить, не прибыло ли воды, мы нашли там песца, которого принесли домой и съели. Мы заметили, что за 18 дней, пока мы не были на корабле, вода поднялась на большой палец, хотя это была собственно не вода, а лед: как только она проникала, то сейчас же замерзала; даже бочки, в которых хранилась вода, привезенная из Голландии, промерзли до дна.

19 декабря ветер дул южный и небо было ясное: и мы были в радостном настроении, так как солнце прошло уже половину своего пути, чтобы опять явиться к нам. Этого мы очень желали, ибо было томительно жить без солнца, прекрасного творения природы, наполняющего радостью весь мир.

20 декабря до полудня погода была ясная, и мы поймали песца. Но под вечер поднялась жестокая юго-западная буря с сильной метелью, так что дом занесло снегом.

21 декабря был северо-восточный ветер, погода ясная. Мы откопали дверь и, выйдя наружу, насторожили капканы для песцов; когда нам попадался песец, это было большим удовольствием, ибо по вкусу он нам казался похожим на дичь.

21 декабря опять была тягостная для нас скверная погода, с сильной метелью м юго-западным ветром; дверь совсем занесло, и, чтобы выйти, надо были раскапывать снег; это приходилось делать почти каждый день.

23 декабря продолжалась скверная погода, ветер дул с юго-запада и несло много снега. Ни мы утешали себя тем, что солнце опять приближается к нам, так как, согласно нашему расчету, оно в тот день должно было быть на тропике Козерога, а это крайняя граница, у которой солнце проходит с южной стороны экватора, и отсюда оно опять возвращается на север.

Этот тропик Козерога лежит на 23®28' с южной стороны экватора.

24 декабря погода была приятная. Мы вышли из дома и, обратив взоры к морю, увидели много открытой воды (еще раньше мы слышали треск движущегося льда); хотя не было никакого дневного света, мы все же могли видеть на такое расстояние.

К вечеру поднялся жестокий северо-восточный ветер с сильной метелью, так что все, что мы раскопали, снова занесло снегом.

25 декабря дул северо-западный ветер и погоды была скверная. Несмотря на это, песцы бегали по крыше как нам было слышно. Некоторые считали это дурным предзнаменованием. Возник вопрос: почему это дурное предзнаменование? На это был дан ответ: потому, что они не были брошены в горшок или повешены на вертел, ибо в таком случае это было бы хорошее предзнаменование.

26 декабря продолжалась та же плохая погода с северо-западным ветром. Мороз был такой сильный, что мы не могли согреться, хотя принимали все меры: разводили огонь, или покрывали себя многочисленными одеялами, или, лежа на койках, при прикладывали себе к ногам и бокам горячие камини и железные шары. Несмотря ни на что, на следующий день утром все койки были белы, как будто они были покрыты инеем, так что мы с жалостью поглядывали друг на друга: все жк мы утешали себя тем, что находились уже на спуске с горы, т. е. что солнце опять поворачивается к нам. Мы нашли, что пословица верна: de daghen die langhen, zijn de daghen die stranghen, т. е. чем дни длиннее, тем они становятся холоднее,[307:] но "надежда облегчает страдания".[308]

27 декабря продолжались плохая погода и северо-западный ветер, так что мы целых три дня не выходили из дому и не рисковали высунуть голову; в доме же стояла такая сильная стужа, что даже когда мы сидели перед большим огнем, почти обжигая ноги, то спины у нас зябли, и они были покрыты инеем.

Такой вид имеют крестьяне в Голландии, когда, проведя всю ночь в пути, они утром входят в городские ворота.

28 декабря продолжалась та же погода, и дул западный ветер; к вечеру погода стала улучшаться, так что один из нас, сделав отверстие в двери, выбрался из дома посмотреть, как обстоят дела: но, пробыв недолго, он сообщил нам, что снег лежит выше нашего дома и что если бы он оставался снаружи дольше, то без сомнения отморозил бы уши.

29 декабря стояла тихая погода и был туман; ветер дул южный. В этот день тот, на кого пала очередь, открыл дверь и, раскапывая снег, сделал отверстие, по которому устроил выход из дома по 7 или 8 ступеней, как из

винного погреба, причем каждая ступень была высотою в фут. Мы опять привели в порядок капканы для песцов, которых мы не ловили уже несколько дней, один из наших нашел в одной ловушке мертвого песца, столь же твердого, как камень. Принеся песца в дом, мы оттаяли его у огня и сняли шкуру: некоторым он пошел в пищу.

30 декабря опять была тягостная скверная погода с штормом с запада и сильной метелью. Поэтому напрасным оказался весь труд, приложенный нами накануне для устройства ступеней по которым можно было выйти из дома для настораживания ловушек, -- все было опять занесено снегом, даже более глубоким, чем раньше.

31 декабря продолжалась та же погода с бурей с северо-запада. Мы были заперты в доме, как в тюрьме, и стужа была такая сильная, что огонь едва давал тепло. Протягивая ноги к огню, мы сжигали подошвы башмаков раньше, чем чувствовали жар, так что нам беспрестанно надо было заниматься починкой; мало того, если бы запах горелого не давал себя чувствовать прежде, чем мы чувствовали теплоту, то мы совершенно сожгли бы башмаки.

ЯНВАРЬ 1597

Таким образом мы провели конец года в холоде, опасностях и неприятностях и вступили в лето от рождества Христова 1597, начало которою было похоже на конец 1596 года. Погода оставалась попрежнему скверной, и свирепствовали сильные метели. Таким образом первого января нам пришлось сидеть дома взаперти; ветер дул западный. С этого дня стали вино раздавать каждому по маленькой мерке, раз в два дня. И так как мы боялись, что нам придется здесь застрять на

долгое время, раньше чем мы сможем выбраться (это нас сильно беспокоило), то некоторые их нас сберегали свою порцию вина, насколько могли, чтобы иметь в случае нужды что-нибудь про запас.

2 января западный ветер продолжал дуть с тою же силою, стоял большой мороз и несло много снегу. Поэтому мы четыре или пять дней не смели даже высунуть голову, и из-за сильной стуж и израсходовали все дрова, которые были и доме; тем не менее мы боялись выйти из дома, потому что мороз был такой резкий и жестокий, что никто не мог оставаться снаружи. Все же, тщательно поискав, мы нашли в сенях дома несколько досочек, которые разломали; вместе с тем мы расщепили пень, на котором привыкли колотить вяленую рыбу,[309] вообще помогали себе, чем только могли.

3 января продолжалась скверная погода, северо-западный ветер приносил густой снег и сильнейший холод. Мы попрежнему были заперты в доме, с трудом находя дрова для разведения огня.

4 января продолжались та же скверная погода и сильная снежная вьюга; ветер был юго-западный. Мы были вынуждены, как и раньше, сидеть запертыми в доме. Чтобы знать, откуда дует ветер, мы высунули из камина половину копья, к которому был привязан небольшой кусок ткани: но наблюдать направление ветра надо было невозможно, потому что, как только ткань. выставлялась, она сейчас же твердела наподобие палки и не могла вертеться. Поэтому мы говорили друг другу: какой сильный холод должен быть снаружи.

5 января погода стала несколько мягче. Мы опять откопали дверь, так что можно было выйти, и вынесли все нечистоты и грязь, какие накопились за время, пока мы были заперты. Убрав все, мы принесли дров и раскололи их (на что у нас ушел весь день, чтобы по

возможности иметь топливо наготове, так как мы боялись, что можем опять быть заперты. Далее, так как у нас в сенях было три входа или двери, а дом был погребен под снегом, то мы сняли среднюю дверь и вырыли снаружи дома в снегу подобие свода или погреба, чтобы уходить туда для облегчения желудка или мочевого пузыря, а так же бросать туда всякие нечистоты. Это дело заняло у нас целый день. Нам вспомнилось, что в этот день был народный праздник "двенадцатою дня". Поэтому мы просили капитана позволить нам в этот день среди стольких бедствий хоть раз повеселиться и поставить сбереженное вино из того, которое нам выдавалось каждые два дня, но которое мы не всегда выпивали.

В этот вечер мы не только оправились. Мы выставили два фунта муки, которая была назначена для склеивания бумаги, нажарили на сковородке лепешек с маслом, и кроме того каждому достался белый бисквит, который макали в вино. Мы внушали себе, что находимся на родине, у родных и друзей, и веселились не меньше, как если бы угощались дома за прекрасным ужином -- до такой степени нам все казалось вкусным. Мы распределили между собой билетики, на которых были написаны названия должностей, и нашему пушкарю выпал жребий, провозглашавший его властителем Новой Земли, которая простирается и длину на двести миль и расположена между двумя морями.

6 января дул северо-восточный ветер, погода была ясная. Мы вышли из дома и насторожили ловушки для песцов, которые служили нам дичью. Мы также вырыли в снегу большую яму и положили туда дрова, устроив поверх ямы подобие погребного свода: отсюда мы брали дрова, когда это было нужно.

7 январи погода была суровая; дул северо-западный ветер, принесший густой снег и жесточайший холод. Мы очень боялись, что нам придется опять сидеть взаперти.

8 января дул северный ветер; небо было опять ясное. Мы вновь подготовили капканы, чтобы достать больше песцов, которых очень желали. По усилению дневного света мы стали замечать, что солнце возвращается к нам, и мысль об этом доставляла нам немалую радость.

9 января опять была тягостная для нас скверная погода. Ветер дул северозападный. Мороз был однако не так силен, как в предыдущие дни, и мы могли пробыть некоторое время вне дома для починки капканов. Тем не менее нас не надо было просить возвращаться домой -- холод достаточно убеждал нас, что нельзя долго оставаться вне дома.

10 января дул северный ветер, погода была ясная. Семеро и нас, как следует вооружившись, отравились на корабль. Придя туда, мы нашли его в том же состоянии, в каком положении в каком оставили в последний раз; мы заметили также много больших и малых следов медведей, и было видно, что побывало их здесь не один и не два. Спустившись в нижнюю часть корабля, мы развели огонь, зажгли свечу и нашли, что вода в корабле прибыла почти на фут.

11 января был ясный день, ветер дул с северо-запада. Мороз несколько спал, так что по временам мы решались выходить из дома и бегать на гору, приблизительно за четверть мили, за камнями: положив их на огонь, мы потом согревались ими в своих койках.

12 января продолжалась ясная погода, дул западный ветер; к вечеру стало особенно ясно, и небо блистало яркими звездами. Тогда мы измерили высоту Глаза Вола,[310] яркой и хорошо известной звезды. Она возвышалась над горизонтом на 29®54', ее склонение было 15®51' северное. Если отнять это от найденной

высоты, остается 14®; вычитая из 90®, получаем 76®. Таким образом наблюдение над этой звездой, как и над некоторыми другими, дало тот же результат, что и наблюдение над солнцем, а именно, что мы находимся под 76® или несколько севернее.[311]

13 января погода была ясная и тихая, дул западный ветер. Мы могли выйти и поиграть в мяч,[312] тогда как раньше мы этого не могли делать из-за темноты.

14 января погода была тихая, но пасмурная, дул западный ветер. В этот день мы поймали двух песцов.

15 января попрежнему дул западный ветер, погода была ясная. Шестеро из нас отправились на корабль. Придя туда, мы нашли одежду, называемую в просторечии Bolrkvanger,[313] сшитую наподобие мешка и употребляемую моряками, с двумя отверстиями для рук. Когда мы были на корабле в последним раз, то положили ее в отверстие палубы, с целью поймать песца; теперь она была вытащена оттуда, отнесена далеко от корабля и разорвана медведями, как это было заметно по следам.

16 января, при северном ветре, опять была ясная погода. Время от времени мы выходили из дома и, чтобы укрепить тело, прогуливались, бросали мяч[314] и бегали, а в полдень мы видели на небе некую красноту -- предвестницу солнца.

17 января ветер был северный, погода ясная. Мы все больше и больше стали замечать, что солнце приближается, и днем иногда было несколько теплее; когда же в доме горел хороший огонь, большие куски льда падали со стен и потолка, и с наших коек текла вода; раньше этого не бывало, какой бы сильный огонь мы ни разводили. Ночью однако мороз снова все сковывал.

18 января дул юго-восточный ветер, погода была ясной. Запас дров стал уменьшаться, и мы начали

поговаривать, что надо опять прибегнуть к каменному углю, оставляя камин открытым, чтобы не угореть. Так мы и поступили, и вышло не плохо; тем не менее мы считали, что выгоднее будет сохранить уголь и несколько бережливее пользоваться дровами, ибо уголь может оказаться полезным в будущем, при возвращении домой в открытой лодке.

19 января была ясная погода, ветер северный. Запасы хлеба стали уменьшаться, так как не все бочки оказались полновесными. Поэтому пришлось несколько убавить паек, и те, кто сберег сколько-нибудь из своею пайка, теперь стали употреблять этот запас. Некоторые из наших в ясную погоду иногда отправлялись на корабль и тайно уносили один-другой бисквит[315] из неполной бочки, которою мы рассчитывали сохранить на случаи крайней нужды.

20 января небо было покрыто облаками, погода стояла тихая, дул юго-западный ветер.

Мы оставались дома и кололи дрова на топливо и кроме того разбили несколько пустых бочек, а железные обручи бросили на крышу.

21 января при западном ветре погода была ясная. Ловля песцов стала уменьшаться, что являлось как бы предзнаменованием того, что скоро вернутся медведи, в чем мы впоследствии убедились на опыте. Пока медведей не было, песцы приходили, а затем около времени появления медведей мы стали видеть только немного песцов.

22 января ветер дул западный, погода опять была ясная. Поэтому мы снова вышли из дома играть в мяч. Заметив, что дневной свет усиливается, некоторые сказали, что солнце скоро появится; но Виллем Баренц возразил, заявив, что оно появится не ранее, чем через две недели.

23 января продолжалась ясная погода, ветер был юго-западный. Четверо из нас отправились на корабль, взаимно ободряя друг друга и радуясь, что самая суровая часть зимы уме прошла. Мы рассчитывали, что останемся в живых и вернемся на родину, где обо всем расскажем. Взойдя на корабль, мы заметили, что воды здесь прибыло; потом каждый взял по одному или по два бисквита, после чего мы вернулись домой.

24 января дул западный ветер, погода была ясная. Я, наш капитан Яков Гемгкерк и еще третий пошли к берегу моря, на южную сторону Новой Земли, где сверх нашего ожиданье я (первым из нас) увидел край солнца. Мы немедленно вернулись домой сообщить эту радостную весть Виллему Баренцу и остальным товарищам.

Виллем Баренц; мудрый и опытный штурман, не хотел придавать никакой веры этому сообщению, говоря, что раньше чем через 11 дней, по приблизительному расчету, солнце в этой широте появиться не может. Мы наоборот утверждали, что видели солнце. По этому вопросу возникли различные споры.[316]

25 и 26 января погода была туманная и темная, так что ничего не было видно. Поэтому те, кто держался мнения, противного нашему, считали, что они победили в споре; но 27 числа, в ясную погоду, мы все увидели над горизонтом полный диск солнца. Тут стало совершенно ясно, что мы видели его и 24 числа.

И по этому поводу были высказаны различные мнения, а именно, что это противоречит всем древним и новым писателям и даже закону природы и шарообразности земли и неба. Вследствие этого некоторые нашли возможный утверждать, что раз так долго не было никакого дневного света, то мы вероятно видели его во сне, хотя мы убеждены, что этого отнюдь не было.

Надо знать, что когда солнце впервые нам появилось, оно было в пятом градусе и двадцати пяти минутах Водолея, а согласно нашему первому вычислению должно было появиться только к 16®27' Водолея, при широте 76® в которой мы находились.

Мы не могли достаточно надивиться на эти противоречия[317] и спрашивали друг друга, не ошиблись ли мы в счете времени. Однако это казалось нам невозможным, так как каждый день, не пропуская ни одного, мы отмечали все случившееся и всегда пользовались нашими стенными часами, а когда они замерзали, то песочными, рассчитанными на двенадцать часов. Кроме того мы прибегали к разным другим рассчетам для измерения верного времени. Принимая все это во внимание, мы решили обратиться к "Эфемеридам" Иосифа Скала, напечатанным в Венеции и содержащим данные за годы 1589--1600.[318]

Мы нашли тут, что 24 января (когда у нас впервые появилось солнце) в Венеции в первом часу ночи было соединение луны и Юпитера. Поэтому мы произвели тщательное исследование, когда это соединение происходило около дома, в котором мы находились. Мы нашли, что того же 24 числа января, когда в Венеции произошло означенное соединение в 1 часу ночи, у нас оно было около того времени, когда солнце находилось на востоке. Дело в том, что, постоянно рассматривая две названные планеты, мы заметили, что они мало-по-малу становятся ближе друг к другу, пока наконец не стали прямо друг над другом; обе планеты находились в созвездии Вола, и это было утром в шестом часу. Когда луна и Юпитер были над нашим домом в соединении, они, согласно компасу, находились на NtO, а юг компаса был на самом деле SSW.[319] Луне было ужо восемь дней. Отсюда видно, что луна и солнце отстояли друг от друга на восемь румбов.[320] Случилось это около шести часов

утра; наше место отстоит от Венеции на пять часов долготы, а считая каждый час в 15®, выходит, что мы были на 75® ближе к востоку, чем Венеция.[321] Из всего этого можно сделать тот вывод, что мы в своем расчете не допустили ошибки и даже определили нашу истинную долготу на основании наблюдения над двумя вышеупомянутыми планетами. Действительно, долгота города Венеции 37®25',[322] а склонение[322] 45®5';[324] отсюда следует, что место на Новой Земле, где мы находились, имело долготу в 112®25', при высоте полюса 76®.

Разница долгот между самой крайней восточной оконечностью Новой Земли и мысом Габин -- крайней оконечностью Татарии, откуда берег поворачивает к югу, составляет 60®,[325] но не надо забывать, что градусы здесь не так велики, как на экваторе. Действительно, градус на экваторе содержит 15 миль,[326] но по мере удаления к северу или югу длина градуса уменьшается, иначе говоря, чем ближе человек к северному или южному полюсу, тем градус становится короче. Таким образом: на 76 северной широты, где мы проводили зиму, величина градуса составляет 3 2/3 мили.[327] Отсюда легко рассчитать, что раз до мыса Табин оставалось 60®, то нам надо проплыть до этого мыса 220 миль[328] (если, как принято считать, долгота этого мыса 172®). Когда он будет обогнут, то, надо думать, мы должны будем попасть в пролив Аниан,[329] а отсюда могли бы свободно плыть к югу, сообразно с протяжением земли. Впрочем дальнейшее рассуждение по вопросу, что солнце исчезло от нас на упомянутой широте 76® 4 ноября и появилось вновь 24 января, я предоставляю специалистам этого дела. Для нас достаточно показать, что мы не ошиблись в счете времени.

25 января дул западный ветер; небо было покрыто тучами, так что опять возникло сомнение, видели ли мы

накануне солнце; по этому поводу поднимались различные споры, и мы все время следили, не покажется ли солнце. В этот день мы увидели медведя, подходившего к нашему дому с юго-запада, между тем как до восхода солнца их не появлялось ни одного. Но мы подняли крик, и он, не подходя ближе, удалился.

26 января погода была ясная, но на горизонте стояло темное облако,[330] которое лишило нас возможности видеть солнце. Поэтому остальные в нашей компании считали, что 24 числа мы были введены в заблуждение и на самом деле солнца не видели. Они высмеивали нас, мы же настойчиво утверждали, что видели солнце, хотя и не полный его диск. К вечеру наш больной стал очень слаб и испытывал сильные страдания, так как хворал уже долго и серьезно. Мы все же по мере сил утешали и ободряли его, но вскоре после полуночи он скончался.

27 января погода была ясная, ветер дул с юго-запада. Мы выкопали вблизи дома яму. Холод был такой сильный, что мы не могли оставаться долго на улице, поэтому мы копали поочередно, каждый понемногу; в перерывах мы уходили к камину, и так, сменяя друг друга, мы работали, пока не была наконец вырыта яма в семь футов глубины. После этого мы устроили своего рода траурную службу, проводили тело и похоронили, а затем, вернувшись домой, стали обедать. Тут мы завели речь о густом снеге, который шел каждый день, а также о том, не можем ли мы в случае необходимости вылезти через камин, если наш дом будет опять завален снегом. Наш капитан захотел попробовав, можно ли выйти таким путем. Тогда один из нас поспешно выбежал из дому посмотреть, удастся ли капитану проползти через камин, но тут, стоя на снегу, он увидел солнце и вызвал нас всех. Мы тотчас вышли и все увидели полный диск солнца немного выше горизонта. Тогда у нас исчезло

всякое сомнение насчет того, являлось ли нам солнце 24 января.

28 января ветер был западный, погода ясная. Мы по временам выходили и упражнялись в ходьбе, беганли и бросании мяча (теперь мы могли его видеть), чтобы размять тело и сделать его более гибким, так как долго сидели в бездействии, и по этой причине многие страдали цынгой.

29 января была тягостная скверная погода. Северо-западный ветер развел большую метель, дом был опять завален снегом.

30 января было пасмурно, ветер дул с востока. Мы опять прокопали отверстие в дверях, но откидывали снег недалеко от сеней. Ибо как только мы видели, что за погода стояла на улице, у нас пропадало всякое желание выходить.

31 января погода была тихая и ясная, ветер дул восточный. Мы очистили сени от снега и побросали его на крышу. Выйдя, мы увидели солнце в полном блеске. Это привело нас в очень радостное настроение. Между тем мы заметили, что к дому приближается медведь. Мы молча спрятались внутрь и стали ждать. А когда он подошел поближе, мы выстрелили в него у самой двери, но он все же убежал.

ФЕВРАЛЬ 1507

1 февраля дул северо-западный ветер, погода была скверная. Вследствие сильного шторма и ли дом опять занесло снегом, и мы были в нем заперты.

2 февраля продолжалась скверная погода, и мы видели, что солнце не разгоняет ненастья. Это по временам приводило нас почти в уныние, так как,

надеясь на более мягкую погоду, мы не принесли в дом такого запаса дров, как прежде.

3 февраля, при восточном ветре, погода была хорошая, но очень туманная, так что мы не могли видеть солнца. Мы не очень радовались тому, что туманы стали чаще и гуще, чем зимою. Раскопав снег в дверях, мы внесли дрова, которые лежали у входа, причем их пришлось доставать из-под снега с большими тягостями и затруднениями.

4 февраля погода снова была скверная, с сильной снежной вьюгой и юго-западным ветром. Нас опять засыпало снегом. Мы однако не прилагали столько труда для отрывания дверей, как раньше, а когда нужда заставляла выходить наружу, то вылезали через камин и, сделав что нужно, возвращались тем же путем.

5 февраля погода была скверная, восточный ветер и сильная метель. Дом занесло, и мы не имели другого выхода, как через камин: те, кто не мог вылезти таким путем, справляли свои дела, как могли, дома.

6 февраля продолжалась та же скверная погода с бурей и снежной вьюгой. Так как мы уже привыкли выходить через камин, что для некоторых из наших было легким делом, то мы не брали на себя труда откапывать каждый день снег в дверях.

7 февраля дул юго-западный ветер и продолжалась скверная погода с метелью. Нам опять надо было сидеть дома, что было для нас более тягостно, чем раньше, когда не было солнца; теперь же, когда мы его увидели и испытали его приятность, было жалко, что приходилось его лишаться.

8 февраля, при юго-западном ветре, погода стала помягче и прояснилось. Мы видели, как солнце восходило на SSO, а заходило на SSW, согласно компасу,[331] который мы сделали дома из свинца и

установили по истинному меридиану; от нашего обычного компаса этот разнился на два румба.[332]

9 февраля дул юго-западный ветер, погода была приятная к ясная; тем не менее мы не могли видеть солнца, так как на юге, где оно должно было восходить, было темно.

10 февраля также стояла ясная погода и было так тихо, что мы не могли разобрать, откуда дует ветер; тогда мы стали ощущать теплоту солнца. Но к вечеру подул западный ветер.

11 февраля дул южный ветер, погода была ясная, приятная и тихая. Около полудня к дому подошел медведь, которого мы ждали, вооружившись мушкетами, но он не приблизился к нам настолько, чтобы в него можно было выстрелить. В эту ночь мы опять слышали лай песцов, которых видали редко с тех пор, как стали появляться медведи.

12 февраля погода была ясная и тихая; ветер был юго-западный. Мы опять очистили ловушки. Между тем к дому подошел огромный медведь. Увитдев его, мы поспешно удалились в дом и нацелились в зверя через дверь как из простых ружей, так и из двойных, называемых в общежитии мушкетами. Когда медведь стал подходить прямо к двери, мы его ранили в грудь насквозь, ток, что пуля вышла у хвоста и притом совершенно плоская, как медный грош,[333] выбитый молотком. Медведь, чувствуя себя раненым, с большими усилиями отскочил назад и, прбежав приблизительно на 20 или 30 шагов от дома, упал. Тогда все тотчас выбежали из дома и бросились к зверю, но застали его еще живым, так как он поднял голову и повернул ее к нам, как будто желал рассмотреть, кто его ранил. Мы же, из осторожности, зная его силу, выстрелили в него из

Изображение свирепого медведя, дерзко подступавшего к дому и убитого одним из наших, стоявшим при входе, у самой двери; из этого зверя мы добыли почти сто фунтов жира, очень нам необходимого для ламп, к которым мы раньше, за недостатком масла, прибегали редко, тогда как теперь они стали у нас гореть всю ночь.

двух мушкетов, и тогда он издох. Вскрыв тушу, мы его выпотрошили и притащили к дому, где сняли шкуру. Этот медведь дал нам почти сто фунтов жира, который мы и растопили для нужд освещения. Это вышло для нас кстати, потому что мы могли теперь обильнее заправлять наши светильники, и они стали гореть всю ночь, тогда как раньше мы не могли делать этого из-за недостатка масла. Теперь каждый при желании держал у себя около койки горящую лампаду. Шкура была в 9 футов длины и 7 ширины.

13 февраля погода была ясная, но дул сильный западный ветер. Мы зажгли лампы и устроили в доме освещение ярче обычного, так что могли проводить время гораздо удобнее, чем раньше, а именно в чтении и

других занятиях. Между тем до этого из-за темноты мы с трудом различали ночь от дня и не имели постоянного освещения.

14 февраля до полудня погода была ясная, но дул сильный западный ветер; после полудня стало тихо. Пятеро из нас отправились к кораблю посмотреть, в каком положении он находится. Вода прибыла в нем, но не очень.

15 февраля погода была скверная, шторм с юго-запада и сильная снежная вьюга; весь дом был засыпан снегом. Ночью к туше медведя, которая лежала рядом с домом, подошли песцы. Это внушило нам опасение, что к нам могут притти все медведи из ближайших местностей. Поэтому мы решили, как только можно будет, выйти из дома и зарыть тушу поглубже в снег.

16 февраля при том же ветре продолжалась скверная погода со снежной вьюгой. Так как то был день, когда справляется масляница,[334] то мы немножко подбодрились в нашей скорби. Каждый дал на общее пользование небольшою порцию вина в знак того, что приближается конец зимы и что недалеко приятная весна.

17 февраля погода стояла тихая, но небо было темное, ветер дул с юга. Мы отворили свою дверь, удалили снег, бросили тушу в яму, из которой добывали дрова, и зарыли ее, чтобы не приманивать к себе медведей. Потом мы опять починили песцовые ловушки. В этот день пятеро из нас снова пошли на корабль посмотреть, в каком он положении, и нашли, что там обстоит все попрежнему; было видно много медвежьих следов, как будто звери в наше отсутствие хотели захватить корабль.

18 февраля дул юго-западный ветер, погода была скверная, со снежной вьюгой и страшным холодом. Ночью, при свете ламп, некоторые из наших, кто засыпал позднее, слышали на крыше шаги каких-то

животных, показавшихся им более громкими, чем были на самом деле -- снег сильно трещал и скрипел, и наши думали, что это медведи. Когда же рассвело, мы не нашли никаких следов, кроме песцовых: ночь, сама по себе темная и страшная, делает страшное еще страшнее.

19 февраля ветер дул с юго-запада, погода была тихая и ясная. В этот день мы изморили высоту солнца, которую уже долгое время не могли определить, так как горизонт не был чистым, да и солнце не было очень высоко и не давало такой тени, какая нам была необходима для астролябии. Мы устроили инструмент в форме полукруга, разбив одну половину его на 90® привесили к нему нитку с куском свинца, как на ватерпасе. Этим прибором мы измерили высоту солнца, когда оно было в своем наибольшем подъеме, и нашли, что оно возвышается над горизонтом на 3®, а склонение его было 11®16'. Если сложить это с высотой, поучается 14®16', а отнимая это число от 90®, получаем высоту полюса в 75®44'. Но так как упомянутая высота в 3® была взята от самого нижнего края солнца, то следует прибавить 16'[335] к высоте полюса. В этом случав получаются как раз 76®, как мы определили и во всех предшествующих измерениях.[336]

20 февраля погода была скверная, с сильной метелью; ветер дул с юго-запада. Мы вновь оказались запертыми в доме, как часто бывало и раньше.

21 февраля ветер был северо-западный, погода стояла скверная и была жестокая метель. Это повергло нас в большее уныние, чем прежде, так как у нас совершенно не было дров, приходилось искать и ломать на дрова то, что раньше, когда у нас было обилие топлива, мы топали ногами и презирали. Мы провели тот день и ночь как могли.

22 февраля погода была ясная и тихая, при юго-западном ветре. Мы приготовили сани, чтобы ехать за

дровами, ибо в этому нас вынуждала необходимость -- "голод выгоняет волка из лесу",[337] говорится в пословице. Итак, хорошо вооружившись, мы отправились в количестве 11 человек. Прибыв на место, где мы рассчитывали найти дрова, мы не могли добыть ничего, так как плавник был очень глубоко засыпан снегом. Пришлось итти дальше, где мы с большим трудом кое-что добыли. Наше возвращение было настолько тягостно, что мы чуть не падали в обморок; из-за продолжительного холода и лишений мы были до такой степени слабы и утомлены, что почти не имели сил и даже сомневались в том, возобновятся ли они и будем ли мы в дальнейшем в состоянии подвозить дрова. А без дров мы должны были бы погибнуть от холода. Правда, острая нужда и надежда на улучшение здоровья подбодряли нас, и потому мы делали больше, чем позволили силы. Придя к дому, мы увидели в море много открытой воды, чего не замечали уже долгое время. Это также подняло наше настроение и внушило надежду на лучшее будущее.

23 февраля погода была тихая, но облачная, ветер дул с юго-запада. Мы поймали двух песцов, которые были для нас так же хороши, как дичь.

24 февраля погода была такая же, как и накануне. Наши ловушки для песцов были постоянно наготове, но мы не поймали ни одного.

25 февраля, при северном ветре, опять была скверная погода со снежной вьюгой, и мы были занесены снегом, так что нельзя было выйти.

26 февраля было пасмурно, но тихо, ветер дул с юго-запада. Открыв дверь, мы вышли и упражнялись в ходьбе и беге, желая сообщить телу большую гибкость, а то оно почти онемело от бездействия.

27 февраля дул южный ветер, погода была тихая, но очень холодная. Наш запас дров сильно уменьшился; что

нас очень беспокоило, так как мы вспомнили, как горько досталась нам последняя поездка, а между том нам необходимо было повторить ее, если мы не пожелаем погибнуть от холода.

28 февраля продолжалась тихая погода при юго-западном ветре. Мы, в количестве 10 человек, привезли в тот же день воз дров с такими же трудностями и тягостями, как и раньше, тем более, что один из нас не мог нам помогать, ибо первый сустав большого пальца на ноге у него был отморожен.

МАРТ 1597

1 марта погода был" ясная и тихая, при западном ветре, но холод все же оставался сильным и резким, а дрова нам приходилось жечь бережливо, так как добывать их было очень горько. Днем, насколько это позволяли силы, мы упражнялись в беге, ходьбе, прыжках и приносили тем, кто оставался в койках, горячие камин для согревания, а под вечер устраивали хороший огонь, которым были очень довольны.

2 марта ветер дул западный, погода была холодная и ясная. В этот день мы измерили высоту солнца, когда оно было в наибольшем подъеме, и определили ее в 6®48' над горизонтом, а склонение было 7®12: в сумме это дает 14®: если это число отнять от 90®, то высота полюса получается 76®.

3 марта погода была ясная и тихая, ветер дул с юго-запада. Нашим больным стало несколько получше, и они могли сидеть у себя на койках и кое-чем заниматься, чтобы убить время. После этого однако им стало нехорошо, так как они поднялись раньше, чем следовало.

4 марта ветер был западный, погода тихая. И этот день опять подошел медведь к дому. Как и раньше, мы ждали его с ружьями и выстрелили в него, но он тем не менее убежал. Затем мы впятером отправились на корабль и увидели, что медведи там привели все в беспорядок, сломали люк в кухню, покрытый глубоким снегом (рассчитывая, что под ним что-нибудь спрятано), и выволокли большой кусок его за корабль.

5 марта дул юго-западный ветер, погода была суровая. Когда она под вечер смягчилась и мы вышли из дома, то увидали много открытой воды, гораздо больше, чем раньше. Это преисполнило нас радостью и надеждой, что мы со временем выберемся отсюда.

6 марта была скверная погода с сильным штормом с юго-запада и большой метелью. В этот день некоторые из нас, вылезши через камин, заметили в море и около земли много открытой воды, но корабль все еще оставался крепко скованным льдом.

7 марта продолжалась та же неприятная погода с сильным ветром, так что мы совершенно заперлись и доме. Тем, кто хотел выйти надо было вылезать через камин, к чему мы уже привыкли. Мы замечали все больше и больше открытой воды как в море, так и подле земли, и боялись, что при таких бурях и передвижках льда корабль может погибнуть, а мы, сидя взаперти дома, не сможем оказать судну никакой помощи.

8 марта продолжалась та же неприятная погода, при юго-западном ветре, с бурей и снежной вьюгой, так что в направлении к северо-востоку мы вовсе не видели в море льда; поэтому мы предполагали, что к северо-востоку от нас море свободно.

9 марта была также неприятная погода, но все же получше, чем в два предшествующие дня; ослабла и метель, так что мы могли видеть более далеко, чем прежде. На северо-востоке была чистая вода, но таковой

не было в направлении к Татарии, ибо лед был виден в Татарском море, иначе называемом Ледовитым; поэтому мы предполагали, что оео не очень велико. Действительно, в ясную погоду мы часто убеждались, что видим землю, и показывали друг другу на S и SSO от нашего дома, где как будто находилась горная страна, выглядевшая так, как вообще выглядит земля, рассматриваемая издали.[338]

10 марта ветер дул северный и погода была ясная. Мы очистили дом и, раскопав снег, вышли. В это время мы заметили открытое море на широком пространстве и говорили один другому, что если бы корабль был свободен, мы могли бы начать плавание, но на лодке это сделать нельзя было из-за продолжавшегося сильного холода. Под вечер мы вдевятером пошли с санями на корабль, чтобы вывезти оттуда дрова, так как уже сожгли те, которые были дома. Мы нашли, что корабль все еще крепко сидит во льду.

11 марта дул северо-восточный ветер, погода была холодная, но ясная и солнечная. Мы измерили высоту солнца астролябией и нашли, что оно возвышается над горизонтом на 10®19', склонение его было 3®41'; в сложении с высотой это дает 14®. Если последнее число отнять от 90®, то высота полюса остается 70®. Затем мы в количестве двенадцати человек, впрягшись в сани, отправились за дровами в обычное место; но этот труд становился все более и более тягостным, так как со дня на день мы делались слабее. Вернувшись с дровами домой совершенно измученными, мы попросили у капитана нашу порцию вина, которую и получили. Это нас подбодрило и подкрепило, и мы стали более работоспособны; труды наши были бы почти невыносимы, если бы острая необходимость не заменяла нам силы. Мы часто говорили друг с другом, что если бы

дрова приходилось покупать за деньги, то мы охотно отдавали бы за них наше месячное жалованье.

12 марта ветер дул с северо-востока, погода была неприятная; лед, который был отогнан юго-западными ветрами, снова принесло в больших массах, и настал такой холод, сильнее которого не было во всю зиму.

13 марта продолжался тот же ветер, погода оставалась скверной, была метель, и лед находился в сильном движении; льдины с треском сталкивались и налезали одна на другую, так что это было страшно слышать.

14 марта дул порывистый ветер с ONO и продолжалась в та же скверная погода; море опять совершенно замерзло, и настал сильнейший холод, так что наши больные, которые при более мягкой погоде слишком рано вышли на свежий воздух, почувствовали ухудшение.

15 марта стояла ясная погода, ветер дул северный. В этот день мы опять отрыли дом, так что можно было выйти, но холод со дня на день усиливался и становился резче.

16 марта, при том же северном ветре, погода была ясная, но неприятная и холодная. Для нас она была тем более тягостна, что мы уже почти считали себя избавленными от морозов, теперь же они опять так сурово преследовали нас.

17 марта продолжалась та же ясная и очень холодная погода, при прежнем ветре. Эти упорные морозы сильно огорчали нас, и мы не знали, что будет с нами дальше, так как холод был невыносим.

18 марта не только продолжался тот же резкий холод, но сверх того при северо-восточном ветре поднялась страшная метель, так что наш дом совершенно занесло снегом и из него нельзя было выйти.

19 марта дул северо-восточный ветер, погода была холодная. Лед сжимало все больше и больше, и при этом

стоял такой сильный треск, что мы могли слышать его даже из дома, но без удовольствия.

20 марта погода была скверная, северо-восточный ветер и сильный мороз. У нас стало недоставать дров, и мы теряли голову: без дров нам оставалось погибнуть, а силы были настолько истощены, что их едва-едва хватало на подвоз дров.

21 марта настала тихая погода, но холод при северном ветре не уменьшался. В этот день солнце вступало в знак Овна, и в полдень мы измерили его высоту над горизонтом и определили ее в 14®; так как солнце находилось в одинаковом расстоянии от обоих тропиков, то оно не имело никакого склонения, ни к югу ни к северу. Отнимая высоту солнца от 90®, находим, что высота полюса была 76®. К этот день мы сделали из своих шапок меховые накладки, которые надели на башмаки, так как из-за сильного холода они затвердевали как рог, и мы не могли дольше оставаться в них. С большими тягостями и затруднениями мы привезли воз дров. Сильнейший холод преследовал нас, как будто март хотел с нами проститься. Но нас утешала мысль, что стужа; хотя и жесточайшая, не будет длиться вечно, а когда-нибудь все же прекратится.

22 марта была ясная и тихая погода при северо-восточном ветре и продолжающемся холоде. Так как возить дрова было тяжело и трудно, некоторые подали мысль жечь раз в день каменный уголь.

23 марта дул северо-восточный вечер, погода была очень скверная и холод сильнейший, так что пришлось топить гораздо больше, чем раньше. Холод был много резче, чем обыкновенно, так что на потолке и внутренних стенах дома образовался толстый слои льда.

24 марта ветер дул с северо-востока, мороз был такой же сильный, кроме того была большая метель. Мы были

совершенно заперты в доме и ощутили большую пользу от угля, от которого раньше испытали невзгоду.

25 марта ветер дул западный, но холод не смягчился, а оставался все таким же; поэтому мы отчасти пали духом.

26 марта погода была ясная и тихая, при том же западном негре. Поэтому мы отрыли дом и вышли наружу, а также привезли воз дров, ибо из-за очень резкого холода потратили свой запас.

27 марта продолжалась та же ясная и тихая погода, ветер был западный; лед опять начало относить, так что показалась вода, но корабль оставался скованным льдом.

28 марта продолжалась та же ясная погода, ветер дул с юго-запада; лед уносило с большой скоростью, и море открывалось все больше. Шесть человек из наших отправились на корабль посмотреть, как там обстоят дела: мы нашли его в том же положении, по заметили, что медведи много попортили.

29 марта дул северо-восточный истер, погода была ясная; лед стало приносить обратно. В этот день мы привезли на санях дрова, хотя из-за нашей слабости это становилось с каждым днем нее тяжелее и труднее.

30 марта продолжалась ясная погода и дул восточный ветер; лед продолжал прибывать. После полудня дна медведя, пройдя мимо дома, отправились на корабль.

31 марта опять была ясная погода, ветер, дувший с северо-востока, нагонял все больше и больше льда, так что глыбы наталкивались одна на другую, поднимаясь наподобие гор.

АПРЕЛЬ 1597

1 апреля, при сильном восточном ветре, продолжалась та же ясная, но очень холодная погода, поэтому мы

топили углем, так как добывать дрова было слишком тяжело.

2 апреля дул северо-восточный ветер, погода была тихая и ясная. Мы измерили высоту солнца над горизонтом и определили ее в 18®40', а склонение солнца было 4®40'. Если отнять это от высоты, остается 14®, вычитая же последнее число из 90®, получаем высоту полюса 76®.

3 апреля дул северо-восточный ветер, погода была ясная и тихая. Мы сделали палку для игры в гольф,[339] так как желали упражнениями придать большую гибкость телу, и прилагали для этого все усилия.

4 апреля погода также была ясной, а ветер неустойчивый. В этот день мы все вместе отправились на корабль и, отпустив канат, прикрепили и нему якорь, чтобы задержать корабль на случай, если он освободится ото льда или его начнет дрейфовать.

5 апреля дул сильный северо-восточный ветер, опять нагнавший много льда. Льдины громоздились друг на друга, сжимая корабль и сдавливая его еще больше, чем до того.

6 апреля продолжалась та же скверная погода, при сильном северо-западном ветре. Ночью пришел медведь, мы приготовились стрелять в него, но так как воздух был влажный и порох отсырел, то наши ружья не давали огня. Медведь же пытался бесстрашно войти в дом по ступенькам, но капитан запер двери, хотя от торопливости и страха не мог задвинуть засов. Вида, что дом заперт, медведь ушел. Затем через два часа он вернулся к дому, обошел его кругом и, влезши наверх, поднял такой свирепый рев, что было страшно слышать. Напоследок, подойдя к отверстию камина, он начал с такой силой рвать крышу, что мы думали, что он разнесет ее, а парусину, которой она была покрыта,

растерзал. Так как была ночь, то мы ему не противились. Наконец, оставив нас, он ушел.

7 апреля дул юго-западный ветер, погода все еще была скверная. Приготовив свое оружие и мушкеты, мы ожидали медведя, но он не пришел. Тогда, влезши на дом, мы рассмотрели, с какой силой медведь разорвал парусину, так прочно прилаженную.

8 апреля продолжались та же погода и ветер. Лед опять унесло, и море открылось. Тут, как часто бывало и раньше, у нас явилась надежда, что мы когда-нибудь выберемся из столь тягостного места.

9 апреля погода была ясная, но к вечеру испортилась; дул юго-западный ветер, и море открывалось все больше и больше. Мы были в большой радости, что избавились от миновавшего холода и невыносимо жестокой зимы; вместе с тем мы стали надеяться на скорый и благополучный отъезд.

10 апреля погода была скверная, северо-восточный шторм и сильная метель. Лед, который унесло было, пригнало обратно, и он заполнил все море.

11 апреля погода была ясная, но дул сильный северо-восточный ветер; поэтому ледяные глыбы надвигались одна на другую, образуя высокие торосы.

12 апреля была также ясная погода, хотя северо-восточный ветер дул с той же силой, как и в предшествующие два дня. Льдины поднимались одна на другую, наподобие гор, так что опоясывали корабль гораздо выше, чем раньше.

13 апреля при северном ветре погода была ясная и тихая. Надев башмаки, сделанные из шапок (от чего мы получили большую пользу) мы привезли на санях дрова.

14 апреля продолжалась ясная погода, ветер дул западный. Очень высокие ледяные горы окружили корабль со всех сторон настолько, что смотреть было

страшно, и мы удивлялись, как он не разлетелся на куски.

15 числа дул северный ветер, погода была ясная и тихая. В этот день мы всемером отправились на корабль посмотреть, в каком он положении, и нашли, что там все обстоит, как и раньше. При возвращении нам встретился огромный медведь; мы приготовились дать ему отпор, но, заметив это, он ушел. Тогда мы пошли на то место, откуда он явился, посмотреть, нет ли там какой берлоги, и увидели во льду большую пещеру, высотой в рост человека, при входе узкую, а внутри очень обширную. Просунув туда твои копья, мы хотели разведать, не прячется ли там другой зверь. Видя, что там ничего нет, один из наших вошел в пещеру, но опустился не глубоко, так как страшился. Затем, проходя по берегу моря, мы увидели, что в конце марта и начале апреля льдины так высоко взгромоздились одна на другую, что представляли как бы целые города с башнями и бойницами.

16 апреля была скверная погода и ветер дул с северо-запада, вследствие чего лед начало несколько относить.

17 апреля юго-западный ветер принес ясную погоду. Мы всемером отправились на корабль и, придя к нему, увидели в море открытую воду. Мы пошли по льду и, выбирая среди торосов путь поудобнее, добрались до воды, у которой мы так близко не были в течение целых шести или семи месяцев.

Мы заметили, что в воде плавает небольшая птичка, которая увидев нас, нырнула. Мы считали это доказательством того, что в море находилось больше открытой воды, чем до тех пор, и уже приближается время, когда море освободится.

18 апреля погода и ветер были те же самые. Мы измерили высоту солнца и определили ее в 25®10', а склонение его было 11®12'. Если это отнять от

полученной высоты, то остаются 13®58'; вычитая из 90®, получаем высоту полюса в 76®2'.[340] Затем мы притащили к дому сани с дровами. Ночью к нашему дому подбирался медведь, но мы вышли против него с оружием. Услышав шум, он убежал.

19 апреля северный ветер принес ясную погоду. В этот день пятеро из нас приняли ванну, что нас сильно подбодрило и укрепило.

20 апреля продолжалась та же ясная погода, ветер дул с запада. Мы впятером отправились на место, откуда брали дрова, и перевезли туда на санях котел с другими принадлежностями для мытья рубашек, так как там дрова были наготове, а их надо было много, чтобы растопить лед, нагреть воды и затем высушить рубашки. Мы считали это дело менее тяжелым и трудным, чем таскать дрова домой.

21 апреля дул восточный ветер и было ясно, такая же погода стояла и в следующий день; под вечер однако ветер переменился на северный.

23 апреля погода была приятная и ясная при сильном северовосточном ветре. Следующий день была такая же погода при восточном ветре.

25 апреля погода была ясная, ветер дул с востока. К дому подошла медведица. Мы выстрелили в нее, но она убежала; за ней последовал другой медведь, который тоже убежал.

26 и 27 апреля была ясная погода, но очень сильный северо-восточный ветер.

28 апреля при северном ветре погода была ясная и тихая. Мы опять измерили высоту солнца, которая оказалась 28®8', а склонение было 14®8'; вычитая это[341] из 90®, получаем высоту полюса 76®.

29 апреля была ясная погода и безветрие.[342] Мы упражнялись в игре в мяч[343] и в метании стрел[344] от дома

до корабля и оттуда до дома, чтобы сделать тело сильнее и подвижнее.

30 апреля день был приятный и ясный, погода тихая и светлая, ветер дул юго-западный. Ночью мы могли видеть на севере солнце, находившееся как раз над горизонтом. Начиная с этого дня, мы видели солнце как днем, так и ночью.[345]

МАЙ 1597

Первый день мая был ясный, ветер дул с запада. Весь остаток мяса, от которого мы долго воздерживались, мы сварили в тот день. Так как оно было неиспорчено, то было не менее вкусно, чем в начале; единственный недостаток его заключался в том, что у нас его больше не было.

2 мая погода была неприятная, дул сильный шторм с юго-запада. Море в значительной части освободилось ото льда, поэтому нас стало томить желание выбраться отсюда, так как мы просидели тут достаточно долго.

3 мая, при том же юго-западном ветре, погодя оставалась скверной. Весь лед стало угонять, но около корабля он все еще лежал неподвижно. Так как более хорошей пищи, как-то мяса, чистого овса[346] и другой, которая придавала нам силу, у нас больше не было (а нам надлежало быть сильными для перенесения трудов, предстоящих при обратном пути), то капитан распределил между нами весь остаток свинины в маленькой бочке; таким образом каждый в лечение трех недель подряд получал ежедневно по две унции[347] свинины, пока она не вышла.

4 мая дул юго-западный ветер, погода была сносная. В этот день мы впятером отправились на корабль и нашли около него больше льда, чем раньше; именно, в середине

марта он отстоял от открытой воды только на 75 шагов, теперь же почти на пятьсот шагов; кроме того он был окружен высокими холмами льда, так что нас охватил сильный страх при мысли, каким образом нам дотащить до воды лодки, когда мы захотим покинуть это место. Ночью опять подошел медведь к дому, но, заслышав наше движение, обратился в бегство. Это заметил один из наших, выглядывавший через камин. Таким образом медведи повидимому были напуганы и не смели подступать к нашему дому так дерзко, как раньше.

5 мая погода была тихая, выпало немного снегу, ветер дул восточный. Вечером и ночью мы видели солнце над горизонтом, хотя и очень низко.[348]

6 мая погода была ясная, но дул сильный юго-западный ветер, так что мы видели море открытым как на востоке, так и на западе. Это привело нас в радостное настроение, потому что мы страстно желали вернуться домой.

7 мая погода была скверная, так как северный ветер принес густой снег, и мы опять были заперты в доме. Поэтому наши люди впали и большое уныние и говорили, что такая погода никогда не кончится. Стало быть, заявляли они, лучше всего, как только откроется море, немедленно уходить отсюда.

8 мая дул западный ветер и была скверная погода с сильным снегопадом. Некоторые из наших хотели было заявить капитану, что теперь более чем своевременно убраться отсюда. Никто однако не решался сказать это капитану, так как все слышали его слова о том, что он хочет выждать до конца июня, т. е. до средины лета, и посмотреть, не освободится ли к тому времени корабль.

9 мая небо было ясное и погода довольно сносная, ветер был северо-восточный. Среди наших с каждым днем все сильнее и сильнее разгоралось желание убраться отсюда. Они постановили просить Виллема

Баренца, чтобы он попытался убедить капитана в необходимости отъезда. Но Виллем ласково успокоил их и отговорил от этого решения, представив такие доводы, с которыми наши охотно согласились.

10 мая дул северо-западный ветер, небо было ясно. Ночью, когда солнце было на NNO в самом низком положении, мы измерили при помощи обыкновенного компаса[349] его высоту и определили ее в 3®45', склонение его было 17®45'; если от этого отнять указанную выше высоту, остается 14®, а вычитая их из 90®, получаем высоту полюса 76®.

11 мая ветер дул с юго-запада, погода была ясная; в море была открытая вода. Наши люди опять просили Виллема Баренца сообщить капитану их намерение. Виллем обещал исполнить это, когда настанет соответствующее время.

12 мая погода была скверная, ветер северо-западный; в море пространство чистой воды увеличилось, что наполнило лас немалой надеждой.

13 мая погода была тихая, но шел густой снег, при северо-западном ветре.

14 мая небо было ясное, ветер дул с севера. Мы привезли в дом последний воз дров, сохраняя на ногах столь полезные накладки, сделанные из шапок. В этот день мы опять напомнили Виллему Баренцу просьбу сообщить капитану, что надо как-нибудь найти возможность вернуться домой. Виллем обещал исполнить это на следующий день.

15 мая было ясно и дул западный ветер. Все наши люди были высланы из дома для упражнения в бросании мяча,[350] беге, прыгании и других приемах с целью согреть себя и укрепить тело. Между тем Виллем Баренц сообщил капитану мысль команды. Тот ответил, что отправление будет отложено только до конца этого месяца, а тогда, если не представится никакой

возможности освободить корабль, придется готовиться к отъезду на лодках.

16 мая дул западный ветер, погода была очень ясная. Команда обрадовалась ответу капитана, хотя и считала, что назначенный срок слишком поздний, так как требовалось много времени для того чтобы приспособить для морского перехода лодки. Поэтому некоторые полагали, что лучше распилить меньшую лодку, чтобы другую удлинить. Хотя это и казалось целесообразным, но на деле представило бы неудобство, ибо если большая лодка была бы удобна, чтобы плыть на ней под парусами, то ее было бы трудно перетаскивать через лед, как это и пришлось нам потом делать.

17 и 18 мая погода была ясная, дул западный ветер. Мы стали считать, сколько дней осталось до отъезда.

19 мая погода была ясная и тихая, ветер дул с востока. Четверо из наших отправились на корабль и на берег посмотреть, каким путем удобнее стащить шлюпку на воду.

20 мая погода была скверная, ветер дул с северо-востока, так что опять стало нагонять лед. И полдень мы обратились к капитану с речью, что пора уже все приготовить, дабы нас ничто не могло задержать, если представится удобный случай к отъезду. Он ответил, что собственная жизнь ему так же дорога, как нам наша, велел приготовлять платье и прочее необходимое для пути, а также чинить одежду, чтобы впоследствии не задержаться из-за этого; он советовал подождать до конца мая и тогда уже снарядить лодки и подготовить все остальное для пути.

21 мая погода была ясная, ветер дул с северо-востока, так что опять нагнало льду. Тем не менее мы приступили к приготовлению вещей, необходимых для нашего пути, чтобы впоследствии у нас не было задержки с этой стороны.

22 мая погода были ясная и тихая, при северо-западном ветре. Из-за недостатка дров мы сломали на топливо деревянную стену сеней дома.

23 мая при восточном ветре погода была приятная и ясная, поэтому некоторые из нас пошли стирать рубашки на то место, где лежали дрова.

24 мая при юго-восточном ветре погода была также приятная и ясная, но открытой воды было все же немного.

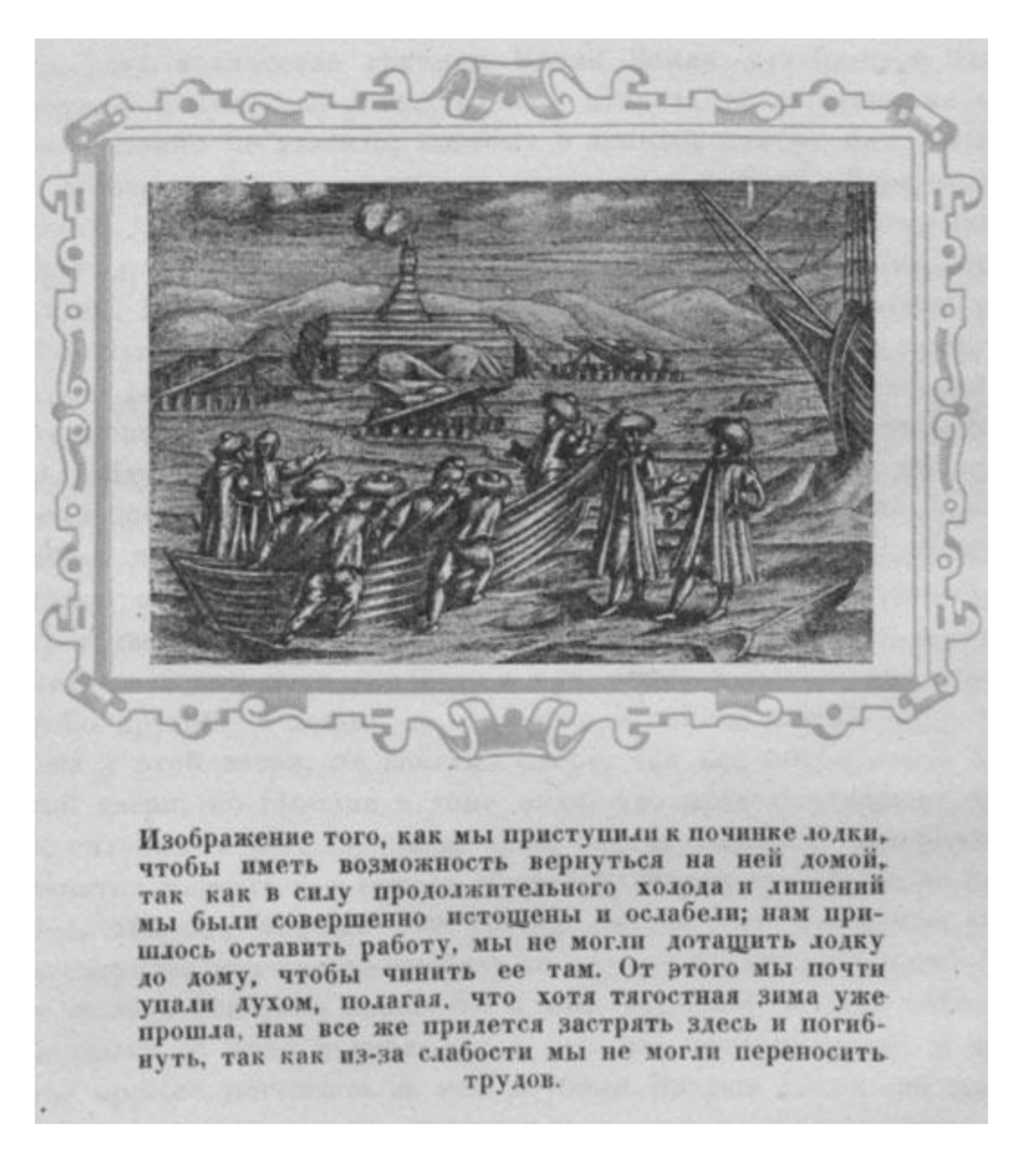
25 мая была приятная и ясная погода, ветер дул с востока. Мы измерили высоту солнца. Оно возвышалось над горизонтом на 31®46', а склонение его было 20®46'; отнимая склонение от высоты, получаем 14®, а вычитая это из 90®, получаем высоту полюса 76®.

26 мая погода была ясная, но дул сильный ветер с северо-востока, который опять нагнал много льда.

27 мая дул сильный северо-восточный ветер и погода была скверная; с моря пригнало много льда. По настойчивой просьбе команды капитан согласился немедленно начать приготовления к отъезду.

28 мая утром была скверная погода с северо-западным ветром, но после полудня она несколько улучшилась. Мы всемером отправились на корабль принести все необходимое для оборудования лодок, а именно старый фор-стаксель[351] (для изготовления парусов, пригодных для лодок), кроме того доски, снятые со стен, канаты и многое другое.

29 мая утром, при западном ветре, погода была довольно сносная, и мы, в количестве 10 человек, отправились, чтобы подтащить шлюпку к дому для починки, но нашли ее засыпанной глубоким снегом. С большим трудом мы откопали ее. Когда мы затем вытащили ее из-под снега и попытались приволочь к



Изображение того, как мы приступили к починке лодки, чтобы иметь возможность вернуться на ней домой, так как в силу продолжительного холода и лишений мы были совершенно истощены и ослабели; нам пришлось оставить работу, мы не могли дотащить лодку до дому, чтобы чинить ее там. От этого мы почти упали духом, полагая, что хотя тягостная зима уже прошла, нам все же придется застрять здесь и погибнуть, так как из-за слабости мы не могли переносить трудов.

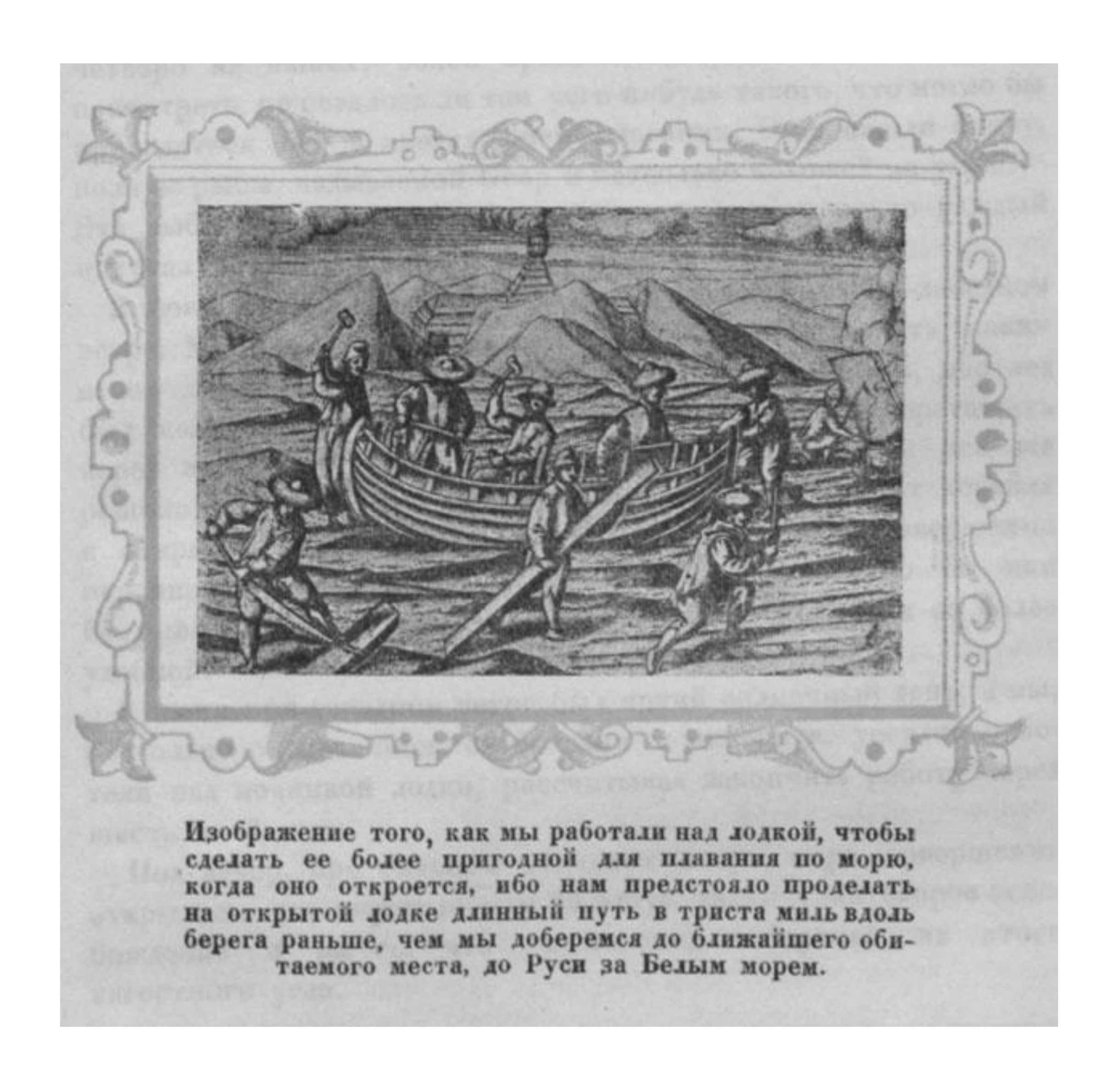
дому, то оказались не в состоянии сделать это из-за слабости и истощения. Тут мы совершенно пали духом, считая, что погибнем на этом труде. Но капитан уговаривал нас напрячь все силы, так как от этого зависели наши спасение и жизнь. Ведь если мы не дотащим и не починим шлюпки, то нам придется здесь застрять в качестве граждан Новой Земли, тут будет и наша могила. В мужестве у нас, однако, недостатка не было, но сил совершенно не хватало; поэтому в данный

момент нам, хотя и с болью в сердце, пришлось прекратить работу. Вернувшись домой, мы после полудня воспряли духом и стали уговаривать друг друга перевернуть лодку,[352] которая лежала у дома вверх килем. И мы начали чинить ее, ибо она могла принести нам большую пользу при плавании по морю. Мы хорошо представляли себе, что нам предстоит сделать длинный и тягостный путь, на котором встретятся большие трудности. Поэтому, хотя мы обдумывали все насколько могли лучше, но все же не успевали достаточно позаботиться обо всем, что было нужно. И вот, когда мы были на работе, к нам явился свирепый медведь; тогда, отступив к дому, мы ждали его с ружьями у каждой из трех дверей, а еще один стоял над камином с мушкетом. Однако медведь бесстрашно подходил к нам, держась смелее, чем какой-либо другой, и дошел до ступенек одной из дверей. Тот, кто был у этой двери, не заметил зверя, так как обернулся к другой двери, но бывшие в доме, видя, что медведь угрожает ему, в сильном испуге подняли крик. Тогда человек повернулся, заметил медведя и в страхе убежал.[353] Моряк чуть было не пропал, так как медведь уже грозил ему, а если бы ружье дало осечку (как это иногда бывает), то человек несомненно погиб бы, и медведь наверное вошел бы в дом. Раненый медведь отбежал недалеко от дома и упал; тогда все мы, схватив ружья и другое оружие, погнались за ним и убили. Вскрыв потом его желудок, мы нашли в нем куски тюленя, еще недавно сожранного с кожей и шерстью.

30 мая погода была довольно сносная, не очень холодная, но было пасмурно, ветер дул западный. Все, кто умет плотничать, работали над лодкой, остальные же приготовляли в доме паруса и прочее, необходимое для путешествия. В то время как находившиеся вне дома были заняты починкой лодки, пришел медведь, они

бросили работу и застрелили его. Затем, оторвав доски от дома, мы сделали борта лодки выше. Дело подвигалось, и мы были бодры, участвуя в этой давно желанной, хотя почти непосильной работе.

31 мая погода была ясная, по было холоднее обычного, дул юго-западный ветер, который угонял лед. Когда мы были заняты нашим делом, пришел еще медведь. Они свирепо нападали на нас уже три дня подряд, как будто чуяли, что мы готовимся уехать, и желали до того отведать нашего мяса; оставив работу, мы пошли домой, а медведь последовал сзади. Подождав медведя, мы убили его, выстрелив в него одновременно из трех ружей, один из камина, а другие двое из дверей. Однако мертвый медведь принес нам больше вреда, чем живой: выпотрошив его, мы сварили его печень и съели. Она, правда, имела хороший вкус, но все, кто ел ее, заболели, особенно трое, на жизнь которых мы уже и не надеялись, так как у них стала спадать кожа с головы до ног;[354] все же они поправились, чему мы были очень рады, ибо если бы мы потеряли трех человек, то, может быть, по в силах были бы выбраться отсюда, так как по малочисленности были бы слишком слабы для предстоящих трудов.



Изображение того, как мы работали над лодкой, чтобы сделать ее более пригодной для плавания по морю, когда оно откроется, ибо нам предстояло проделать на открытой лодке длинный путь в триста миль вдоль берега раньше, чем мы доберемся до ближайшего обитаемого места, до Руси за Белым морем.

ИЮНЬ 1597

Первого июня погода была приятная. Так как большинство наших людей, как сказано, заболело, поев медвежьей печени, то в тот день они вовсе не могли участвовать в работе по починке лодки. Горшок, в котором была печень, все еще стоял на огне, и теперь капитан выбросил его из дома.[355] Затем четверо из наших, более крепких, отправились на корабль посмотреть, не осталось ли там чего-нибудь такого, что могло бы пригодиться нам в предстоящем плавании.

Они нашли бочку, полную рыбы, называемой Geep и несколько похожей на угря.[356] Эта рыба была разделена между моряками, так что каждый получил по две.[357] Вкус ее мы нашли отличным.

2 июня в утреннюю пору погода была ясная при юго-западном ветре. Мы вшестером отправились к морю посмотреть, каким путем лучше и удобнее всего доставить к воде лодки, ибо лед был всюду очень высок и так нагроможден, что перетащить через него лодку представлялось невозможным. Мы все же решили, что наиболее короткая и удобная дорога от корабля к открытой воде это прямая; правда, она была совершенно неровная и полна торосов, а выровнять ее стоило бы нам большого труда; но в силу ее краткости мы признали ее более удобной.

3 июня при западном ветре был яркий солнечный день, и мы, несколько оправившись от болезни и окрепнув, усердно работали над починкой лодки, рассчитывая закончить работу через шесть дней.

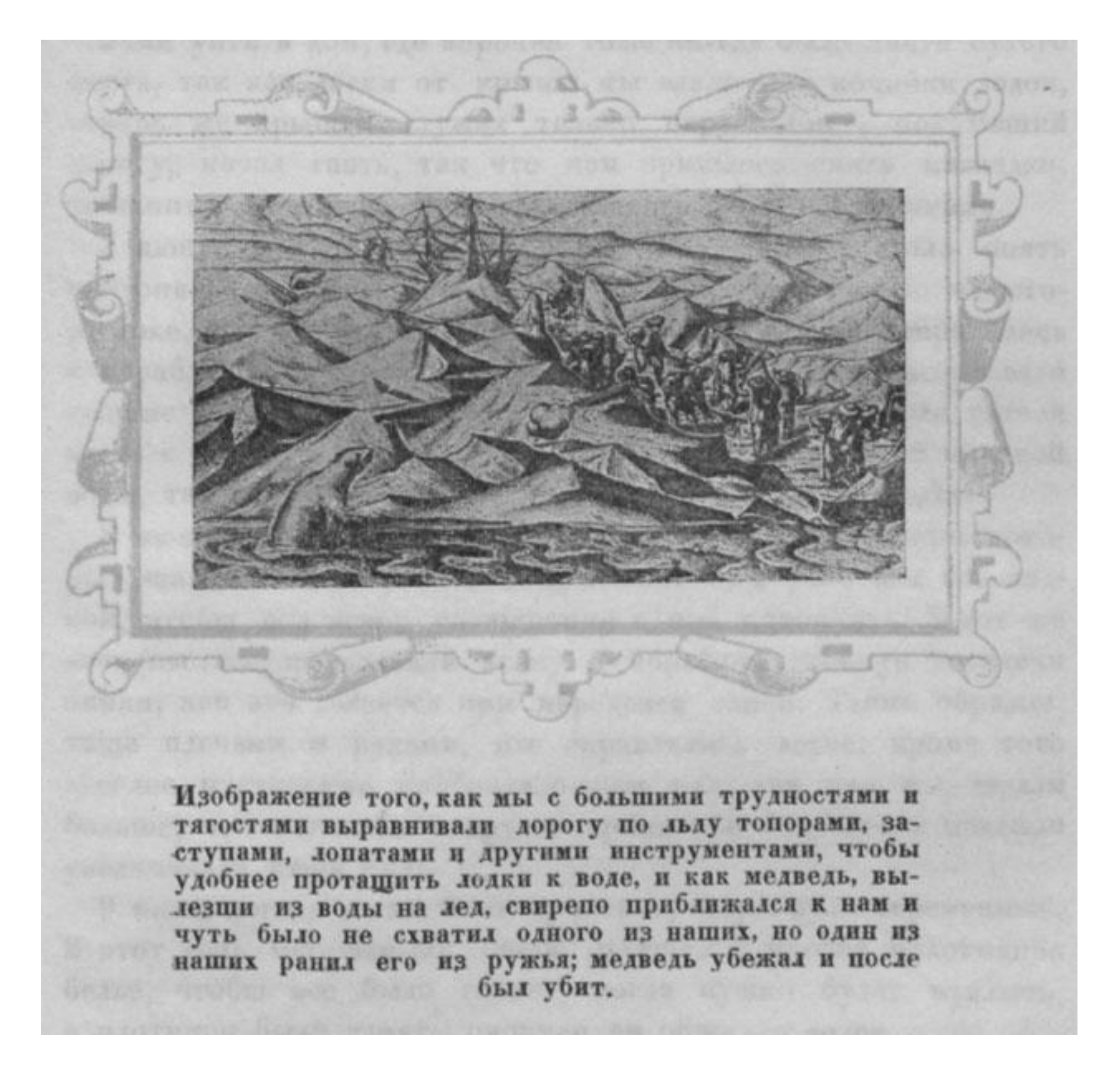
Под вечер, при сильном западном ветре, море совершенно открылось, что внушило нам большую одежду на скорое освобождение и на то, что мы наконец выберемся из этого тягостного угла.

4 июня была приятная, ясная и не очень холодная погода, солнце светило ярко. Когда солнце было приблизительно на юго-востоке, мы в количестве 11 человек отправились к нашей лодке, которая лежала на берегу на месте, покрытом песком и водорослями, и перетащили ее к кораблю. Теперь это стоило нам меньшего труда и усилий, чем в тот раз, когда нам пришлось прекратить работу. Причина заключалась, по нашему мнению, в том, что снег теперь был крепче и плотнее, а может быть и сами мы приступили к работе более бодро, увидев открытую воду и надеясь на отъезд отсюда. Трое остались у лодки, чтобы чинить ее. Так как

она служила для перевозки селедок и имела заостренную корму, то они ее несколько обрубили и сделали плоской, чтобы она была более удобной для плавания по морю, а также несколько подняли и вообще придали ей насколько возможно более удобную форму. Остальные приготовляли между тем в доме все необходимое для плавания и стащили из дома на корабль двое саней, нагруженных продовольствием и прочей утварью. Корабль находился на середине пути между домом и открытой водой, и потому мы могли позднее, когда будем уезжать, перевезти это более кратким путем к воде. Всякая работа казалась нам легче потому, что мы надеялись уехать из этой пустынной, суровой и тягостной[358] страны.

5 июня погода была скверная, сильный град и снег; дул западный ветер, который очищал море от льда. В силу этого мы по могли ничего делать вне дома, а дома приготовляли паруса, весла, мачты, реп, руль и все, что нам было необходимо.

6 июня утром погода была сносная, дул северо-восточный ветер. Мы с плотниками отправились к кораблю для работы над лодкой и вместе с тем свезли к кораблю двое саней, нагруженных продовольствием, товарами и другим, что мы считали нужным взять с собой. Позднее подул сильный юго-западный ветер со снегом, градом и дождем, чего мы долгое время не видали; плотники были вынуждены бросить работу и вместе с нами уйти в дом, где впрочем тоже нельзя было найти сухого места, так как доски от крыши мы взяли для починки лодок, теперь же крышей служил только парус. Снег, покрывший дорогу, начал таять, так что нам пришлось снять накладки, сделанные из шапок,[359] и опять надеть кожаные башмаки.



Изображение того, как мы с большими трудностями и тягостями выравнивали дорогу по льду топорами, заступами, лопатами и другими инструментами, чтобы удобнее протащить лодки к воде, и как медведь, вылезши из воды на лед, свирепо приближался к нам и чуть было не схватил одного из наших, но один из наших ранил его из ружья; медведь убежал и после был убит.

6 июня утром погода была сносная, дул северо-восточный ветер. Мы с плотниками отправились к кораблю для работы над лодкой и вместе с тем свезли к кораблю двое саней, нагруженных продовольствием, товарами и другим, что мы считали нужным взять с собой. Позднее подул сильный юго-западный ветер со снегом, градом и дождем, чего мы долгое время не видали; плотники были вынуждены бросить работу и вместе с нами уйти в дом, где впрочем тоже нельзя было найти сухого места, так как доски от крыши мы взяли для починки лодок, теперь же крышей служил только парус. Снег, покрывший дорогу, начал таять, так что нам

пришлось снять накладки, сделанные из шапок,[359] и опять надеть кожаные башмаки.

7 июня, при сильном северо-восточном ветре, стало опять пригонять лед; но когда солнце было приблизительно на юго-востоке, погода стала ясной, и плотники вновь отправились к кораблю для окончания работы над лодкой, а мы захватили лучшие и наиболее дорогие купеческие товары, которые хотели взять с собой, и прикрыли их, чтобы предохранить от морской воды, так как должны были везти их в открытой лодке.

8 июня в ясную погоду мы стащили на корабль товары, которые запаковали и приготовили, а плотники работали над лодкой, чтобы под вечер совершенно с ней покончить. В тот же день мы все приволокли лодку к кораблю, закинув за плечи лямки, как это делается при перевозке саней. Таким образом, таща плечами и руками, мы справлялись легче; кроме того веселое настроение прибавляло нам сил, так что мы делали больше, чем могли бы в другое время, ибо бодрость и надежда увеличивали наши силы.

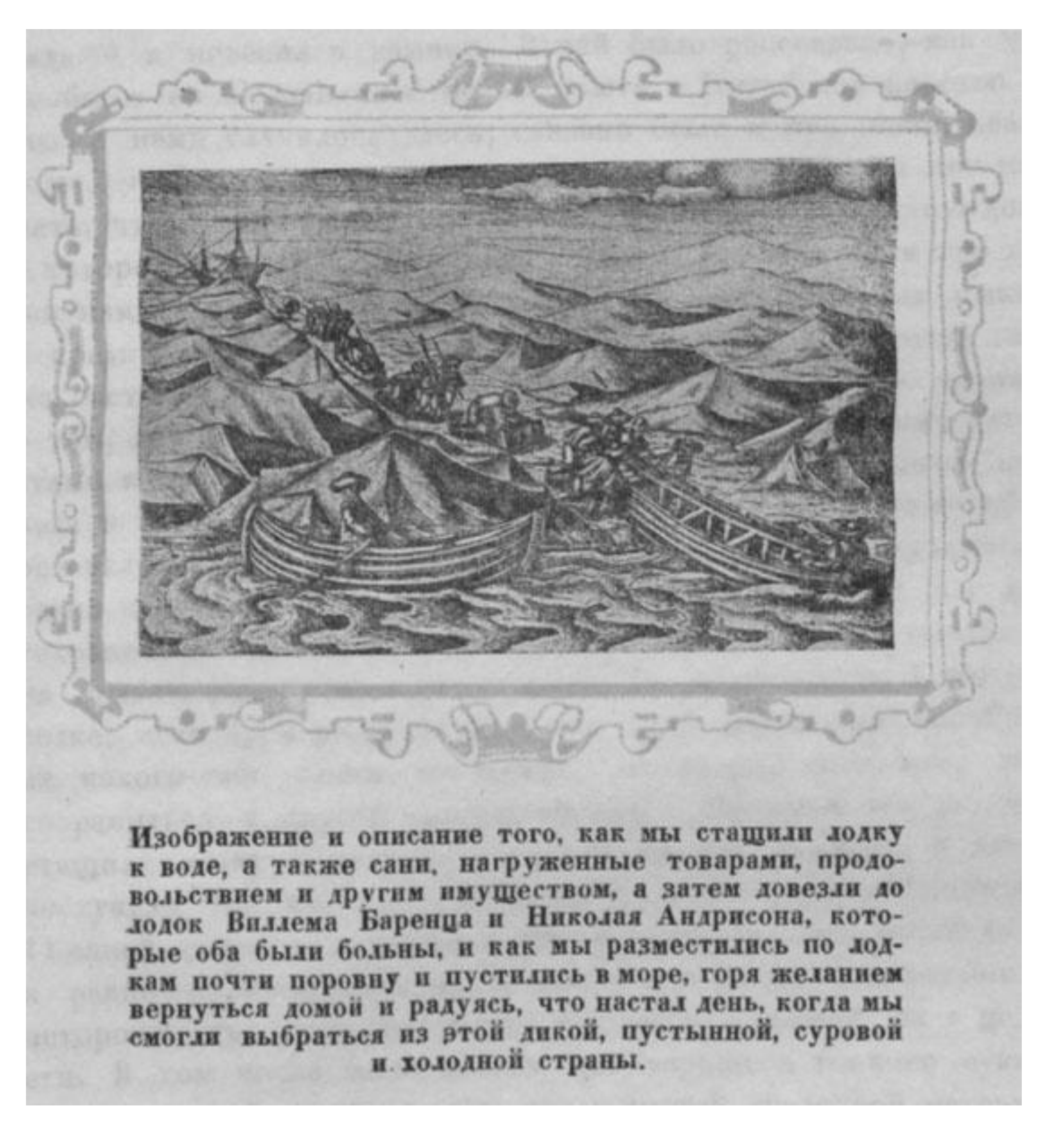
9 июня погода также была приятная, ветры дули переменные. В этот день мы вымыли наши рубашки и прочее полотняное белье, чтобы все было готово; когда нужно будет отплыть, а плотники были заняты окончанием обшивки лодок.

10 июня мы отвезли на корабль четверо саней, нагруженных товарами; ветер был переменный, а под вечер он стал дуть с севера. Дома мы были заняты приготовлением всяких вещей. Оставшееся вино мы разлили по маленьким боченкам, чтобы распределить его на ту и другую лодку; мы это сделали отчасти потому, что могли быть затерты льдом (мы были уверены, что это с нами случится), отчасти для того, чтобы иметь возможность легче выгрузить все на лед и внести обратно, так как и это могло выпасть нам на долю.

11 июня погода была скверная, дул сильный ветер, так что мы весь день не могли ничего делать и очень боялись, что буря вместе со льдом унесет и корабль (это могло бы случиться), к величайшему нашему горю, ибо все наше продовольствие и товары были на корабле; но к счастью этого не случилось.

12 июня погода была довольно сносная. Мы все вышли с топорами, лопатами и другими нужными орудиями, чтобы проложить среди ледяных холмов дорогу, по которой нам надо было тащить лодки к воде. Нам предстояла тяжелая работа по скалыванию, копанию, копке и разбрасыванию льда. И вот, когда работа особенно кипела, огромный тощий медведь вышел из моря и пошел на нас. Мы предполагали, что он явился из Татарии. Так как у нас не было мушкетов кроме того, который захватил наш цирульник, то я тотчас поспешил на корабль принести один-другой мушкет. Медведь быстро погнался за мной и, может быть, настиг бы меня, но, заметив это, наша команда оставила работу и пустилась за ним. Увидев это, зверь повернул и пошел на них, но затем, раненый двумя выстрелами цирульника, побежал. Так как лед был неровный и холмистый, то медведи не мог убежать далеко, наши его настигли и подстрелили, а затем еще у живого вышибли зубы.

13 июня была приятная погода. Капитан в сопровождении плотников пошел к кораблю, и они окончательно приготовили лодки. Оставалось только спустить их на воду. Люди сами видели открытое море.[360] Капитан вернулся в дом и сообщил Виллему Баренцу (который был давно болен), что он принял решение воспользоваться представившимся теперь удобным случаем для отъезда вместе с командой спустить в воду лодки, чтобы покинуть Новую Землю.



Изображение и описание того, как мы стащили лодку к воде, а также сани, нагруженные товарами, продовольствием и другим имуществом, а затем довезли до лодок Виллема Баренца и Николая Андрисона, которые оба были больны, и как мы разместились по лодкам почти поровну и пустились в море, горя желанием вернуться домой и радуясь, что настал день, когда мы смогли выбраться из этой дикой, пустынной, суровой и холодной страны.

Тогда Виллем Баренц, предварительно написавший записку,[361] скатал ее в размер мушкетного разряда[362] и повесил в камине. В ней было рассказано, как мы прибыли из Голландии с целью плыть в Китайское царство и что с нами случилось здесь; сказано было и про наши невзгоды, чтобы, если кто после нас пристанет сюда, он мог понять, что с нами было и как мы поневоле построили этот дом, в котором и застряли на десять месяцев. Написал он и про то, как нам надо было

пускаться в море на двух открытых лодках и предпринять изумительное и опасное плавание. Капитан также составил две грамоты, подписанные большинством из нас, о том, как мы долгое время жили на земле с большими тягостями и затруднениями, надеясь, что корабль освободится ото льда и мы на нем опять уедем отсюда; как вместо этого корабль оставался крепко скованным льдом, а время уходило, продовольствия перестало хватать; как необходимость заставила нас для сохранения своей жизни покинуть корабль и начать плавание на лодках. Экземпляры этих грамот были помещены в каждой лодке; если буря разлучит нас или один экземпляр погибнет от какого-либо иного несчастия, то второй экземпляр мог сохраниться в другой уцелевшей лодке. Проделав все это, мы стащили лодку в воду и оставили на ней человека, а затем поступили так же с другой лодкой; кроме того мы подвезли 11 саней с продовольствием и вином. которые у нас оставались, а равно с товарами купцов, причем соблюдали величайшую осторожность, чтобы насколько возможно сохранить их в целости. В том числе было шесть кип хорошего тонкого сукна, ящик, полный полотна, две кипы чистой шелковой материи, два сундучка с деньгами, две бочки с оружием и имуществом команды, как, например, рубашками и другим, тринадцать бочек с хлебом, полная бочка сыра, половина свиньи, два боченка масла (оливкового), шесть -- вина, два -- уксуса и разное имущество и платье команды, а также много другого. Когда это было собрано в кучу, то нельзя было представить себе, что это можно вместить в лодки. Снеся все в лодки, мы отправились домой и перевезли на санях к воде, где стояли лодки, Виллема Баренца, а затем Класа Андрисона, оба они были больны. Таким образом разместились мы по лодкам, разделившись и приняв в каждое судно одного

больного. Тогда капитан велел поставить обе лодки рядом и дал нам подписать письмо, которое, как было сказало раньше, он составил. Содержание его следующее:

Вплоть до сегодняшнего дня мы ожидали и надеялись, что корабль освободится ото льда, а теперь на это остается очень мало надежды или нет никакой, потому что корабль крепко окружен льдом, да притом в конце марта и начале апреля лед так уплотнило и наторосило, что мы стали раздумывать, каким образом нам дотащить лодки до воды и где найти для этого удобное место. Поэтому[363] я предложил на обсуждение Виллема Баренца, главного штурмана корабля, а также других должностных лиц и всех прочих вопрос, как нам спасти себя и некоторые товары купцов. Мы не нашли лучшего решения, как починить наши лодки и приготовить насколько возможно все необходимое, чтобы не пропустить время, так как, не использовав его, мы рискуем погибнуть от холода и нужды. Да и теперь надо бояться, чтобы этого не случилось, так как среди нас есть три или четыре человека, от которых мы не можем ожидать никакой помощи -- они до такой степени истощены холодом и недугом, что не обладают силой даже и на полчеловека. Далее следует предвидеть, что дела будут не вполне благополучны как из-за длинного пути, который предстоит нам проделать, так и потому, что с хлебом не дотянуть до конца августа; а между тем легко может выйти, что если с нами случится в пути что-нибудь скверное, то раньше этого времени мы не доберемся ни до какой страны, где могли бы приобрести что-либо, хотя, начиная с настоящего часа, мы принимаем к этому все меры. В силу всего этого мы решили не ждать дольше, так как сама природа учит нас думать о самосохранении. Все это мы постановили

единогласно и подписали 1 июня 1597 г. Так как сегодня мы готовы, имеем попутный западный ветер и открытое море, то мы собрались отплыть, потому что корабль все еще остается крепко затертым льдом, и в его положении мы не заметили никакой перемены к лучшему, несмотря на частые и сильные ветры с W, N и NW, и поэтому в конце концов мы его покинули. Сего 13 июня 1597 год"

Подписали:

Яков Гемскерк, Виллем Баренц, Питер Питерсон Фос, Геррит де Фер} магистр Ганс Фос,[364] Леонард Гендриксон, Лаврентий Виллемсон, Яков Янсон Шидам, Литер Корнелиссон, Ян Рейнирсон, Яков Янгон Штерренбурх.[365]

Затем, при северо-западном ветре и достаточно открытом море, мы приступили к отплытию.

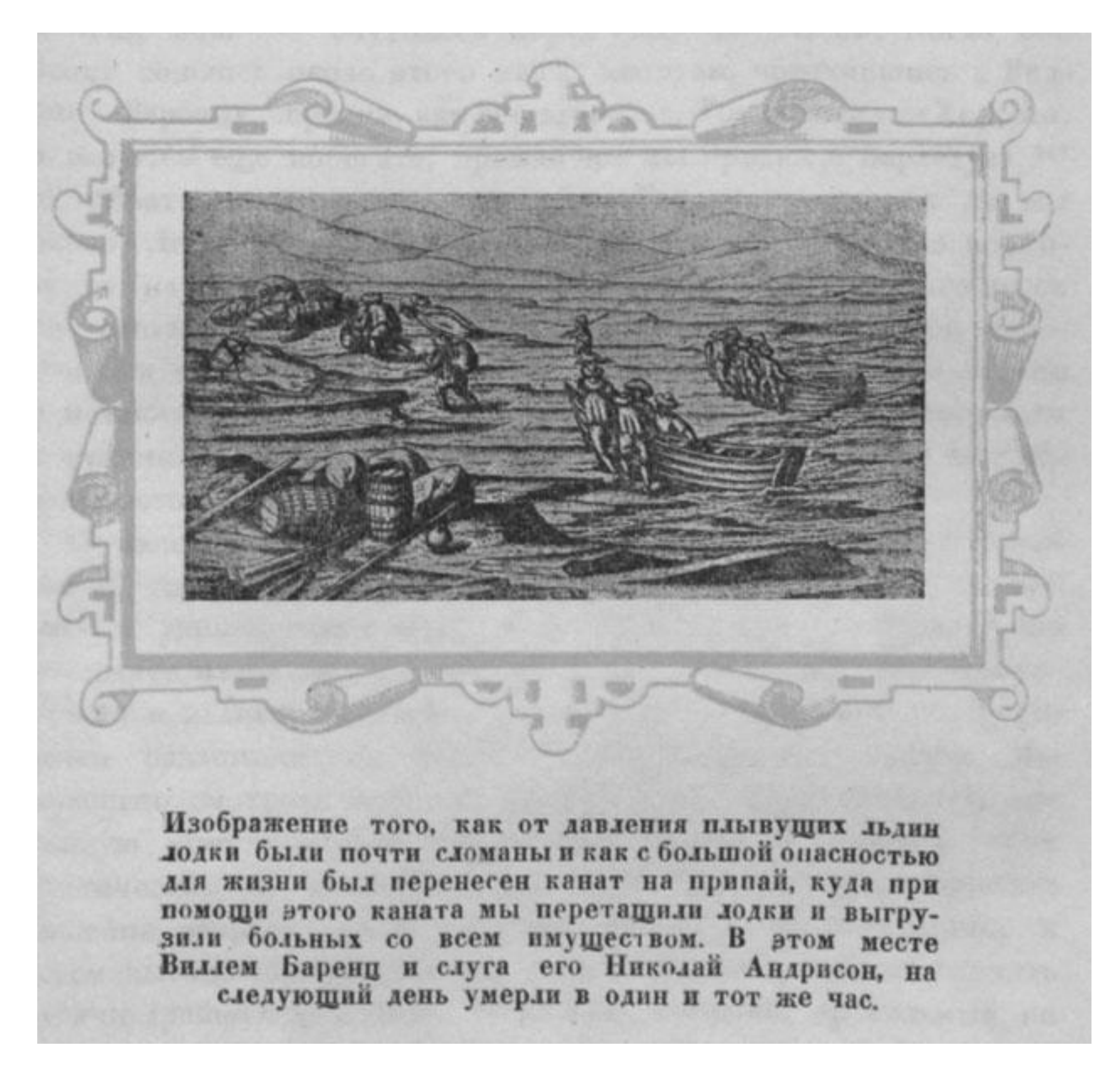
14 июня утром, когда солнце было на востоке, мы, имея западный ветер, отплыли на лодках. Взяв курс на ONO, мы прошли в тот день пять миль до Островного мыса. Начало нашего плавания вышло не очень удачным, так как мы наткнулись на густой лед, который еще держался там, и это нас сильно испугало. Когда мы застряли, то вчетвером отправились на берег развевать положение и принесли четырех птиц, сбитых нами камнями с утесов.

15 июня лед стало относить, и мы при южном ветре двинулись дальше. Мы миновали Головной мыс и Флиссингенский мыс, наиболее выдающийся к северо-востоку, а затем на протяжении приблизительно тринадцати миль плыли на север, до мыса Желания, где и оставались до 16 числа.

16 июня мы поплыли дальше и при южном ветре добрались до Оранских островов, отстоящих на восемь миль от мыса Желания. Тут мы высадились на берег,

взяв два боченка и котел (чтобы растопить снег и наполнить бочонки водой), имея также в виду поискать птиц и яиц для больных. Придя туда, мы развели огонь из найденных дров и растопили снег, но никаких птиц не нашли. Однако трое из наших людей отправились по льду на другой остров и поймали трех птиц. При возвращении капитан (который был одним из трех) провалился под лед, попав в опасное для жизни положение, так как там было сильное течение. Освободившись, он пришел к нам и высушил платье на огне, который мы развели. На том же огне мы сварили птиц, которых отнесли в лодки и отдали больным, и наполнили наши боченки, вмещавшие около 4 конгиев.[366]

Вернувшись к лодкам, мы пошли дальше при юго-восточном ветре. Погода была туманная и сырая, и мы сильно промокли, ибо наши лодки были совершенно открытые. Мы плыли на W и WtS, пока не очутились перед Ледяным мысом. Когда обе лодки сошлись около этого мыса, капитан, обратившись к Виллему Барениу, спросил, как его здоровье. Тот ответил: "Хорошо, я надеюсь еще побегать, прежде чем мы придем к Вардехуз",[367] и, обратившись ко мне, спросил: "Геррит, находимся ли мы около Ледяного мыса? Подними меня, я хочу еще раз посмотреть на него".[368] От Оранских островов до Ледяного мыса мы сделали приблизительно пять миль, и когда ветер переменился на западный, мы прикрепили лодки к большой льдине и немного поели. Воздух становился все более и более влажным и туманным, мы снова были окружены льдом и были вынуждены остаться здесь.



Изображение того, как от давления плывущих льдин лодки были почти сломаны и как с большой опасностью для жизни был перенесен канат на припай, куда при помощи этого каната мы перетащили лодки и выгрузили больных со всем имуществом. В этом месте Виллем Баренц и слуга его Николай Андрисон, на следующий день умерли в один и тот же час.

17 июня утром мы немного поели. Лед шел на нас с такой силой, что у нас явилось сильное опасение,[369] сможем ли как следует укрыть наши лодки, и мы думали, что это будет наше последнее плавание. Двигавшийся лед увлекал нас так стремительно и льдины сжимали нас так крепко, что казалось, будто лодки разлетятся на бесчисленное количество частей. Мы жалостно смотрели друг на друга и были в смятении, так как каждую минуту видели перед собой смерть. Находясь в таком критическом и опасном положении, было наконец принято решение закрепиться с помощью

каната к крепкой льдине и затем втащить лодки на лед, чтобы таким образом обеспечить себя от дрейфующих льдов. План был, конечно, правильный, но связанный с величайшей опасностью для жизни. И было ясно как день, что если это не будет сделано, то всем нам конец. Никто однако не дерзал отважиться на это, боясь утонуть, хотя необходимость требовала это сделать во что бы то ни стало, так как следовало меньшую опасность предпочесть большей. Итак, когда мы были в таком стесненном положении, я, как самый легкий из всех,[370] взял на себя задачу снести канат на неподвижный лед, прыгая с одной льдины на другую, я прикрепил веревку к высокому торосу. При ее помощи бывшие на лодках подтянулись к прочному льду,[371] и таким образом один человек сумел достичь большего, чем раньше соединенные усилия всех. Причалив к прочному льду, мы поспешно перенесли на него больных, подослав предварительно одеяла и другие вещи, чтобы уложить их, а затем снесли все наше имущество и вытащили на лед лодки. Так мы спаслись тогда от большой опасности и считали себя вырванными из пасти смерти, что и было правдой.

18 июня мы починили наши лодки, сильно пострадавшие от напора льда, причем пришлось законопатить все швы и закрепить их дощечками, обмазанными смолой. Затем некоторые из наших отправились на берег поискать яиц, которых очень просили больные. Однако они не могли ничего найти, а принесли четырех птиц, пойманных с опасностью для жизни между льдом и берегом, причем лед иногда ломался под ногами.

19 июня погода была довольно сносная; ветер был северо-западный, а с полудня W и WSW. Мы оставались сжатыми льдом, но видели никакого прохода и в иные минуты думали, что нам отсюда никогда не выбраться.

Но мы все-таки утешали себя и старались ободрить друг друга.

20 июня, при западном ветре, погода была довольно сносная. Около того времени, когда солнце было на юго-востоке, Класу Андрисону стало очень худо, и мы убедились, что он недолго протянет, ибо старший боцман,[372] придя в нашу лодку, поведал, в каком положении находится Клас Андрисон, и сказал, что он проживет недолго. Тогда Виллем Баренц заметил: "Мне кажется, что и я протяну недолго". Мы все же не подозревали, что болезнь Виллема настолько опасна, так как он вел с нами беседы и читал дневник,[373] который я составлял о нашем путешествии, и мы вступали в разные разговоры по поводу этого. Наконец, отложив дневник и обратившись ко мне, он сказал: "Геррит, дай мне напиться". Только он выпил, как ему сделалось так плохо, что он закатил глаза и неожиданно скончался. У нас даже не было времени вызвать с другой лодки капитана. Таким образом Виллем умер раньше, чем Клас Андрисон, который скоро за ним последовал. Смерть Виллема Баренца причинила нам не малое горе, ибо он был главный штурман,[374] на которого мы полагались.

21 июня лед начало относить, и при SSW-м ветре море несколько очистилось, а когда солнце было приблизительно на северо-западе, поднялся довольно сильный юго-западный ветер, и по этой причине мы начали готовиться к отходу.

22 июня утром, при довольно сильном юго-восточном ветре, море очистилось, но для того, чтобы дойти до открытой воды, нам пришлось с большими тягостями и трудностями перетаскивать лодки по льду. Сперва лодки с бывшим в них имуществом надо было перетянуть через льдину на расстояние приблизительно в 50 шагов, спустить в воду, а затем втащить их на другую льдину и опять волочь по ней почти на 300 шагов. Только после

этого мы добрались до открытой воды, где и смогли поставить паруса. Солнце в это время было приблизительно на ONO, ветер дул с S и SSO, но не сильный. Мы держали курс на W и WtS, пока солнце не оказалось на юге. Затем мы опять были окружены льдом, в котором не могли пробиться, и застряли. Однако немного спустя лед сам собой разошелся наподобие открывающихся шлюзов. Мы пошли дальше вдоль земли, но вскоре опять были затерты льдом; надеясь, что проход где-нибудь откроется, мы тем временем поели, потому что лед не расходился. Затем, напрягая все силы, мы стали расталкивать льдины, но попытки наши были тщетны. Однако спустя несколько времени сам собою образовался проход, и мы прошли через него и держали курс на WtS, вдоль побережья, при южном ветре.

23 июня мы продолжали плавание на WtS, пока солнце не перешло на юго-восток, и добрались до мыса Утешения, отстоящего от Ледяного мыса на двадцать пять миль. Дальше мы не могли продвинуться, так как льды там были очень сплочены; погода стояла ясная. В этот день мы измерили высоту солнца астролябией и астрономическим кольцом и определили ее в 37®, а склонение его было 23®30'; вычитая из высоты, получаем 13®30'; а если это отнять от 90®, то высота полюса получается 76®30'.[375]

Хотя солнце светило ярко, но теплота его была недостаточна, чтобы растопить снег, и мы таким путем не могли получить воды для питья. Мы брали оловянные блюда и разные медные сосуды, какие у нас были, наполняли их снегом и выставляли на солнце, чтобы лучи ого растопляли снег. Мы также брали снег в рот для утоления жажды, но все это приносило мало пользы, и нас мучила жажда.

Описание нашего пути от дома, в котором мы зимовали, вокруг северной стороны Новой Земли до пролива Вайгач, откуда мы направились к Русскому берегу, и далее через вход в Белое море до Колы, согласно прилагаемой здесь карте

От низкой земли до залива Течений, курс O и W -- 4 мили

От залива Течений до Ледяной гавани, курс OtN -- 3 "

От Ледяной гавани до Островного мыса, курс ONO -- 5 "

От Островного мыса до Флиссингенского мыса, курс NOtO -- 3 "

От Флиссингенского мыса до Головного мыса, курс NO -- 4 "

От Головного мыса до мыса Желания, курс S и N -- 6 "

От мыса Желания до островов Оранских, курс NW -- 8 "

От островов Оранских до Ледяного мыса, курс W и WtS -- 5 "

От Ледяного мыса до мыса Утешения, курс W и WtS -- 25 "

От мыса Утешения до мыса Нассау, курс WtN -- 10 "

От мыса Нассау до восточной оконечности Крестового острова, курс WtN -- 8 "

От восточной оконечности Крестового острова до острова Виллема, курс WtS -- 3

От острова Виллема до Черного мыса, курс WSW -- 6 "

От Черного мыса до восточной оконечности острова Адмиралтейства, курс WSW -- 7 "

От восточной оконечности острова Адмиралтейства до западной того же острова, курс WSW -- 5 "

От западной оконечности острова Адмиралтейства до мыса Планция, курс SWtW -- 10 "

От мыса Планция до залива Ломсбэй, курс WSW -- 8

От залива Ломсбэй до мыса Штатов, курс WSW -- 10 "

От мыса Штатов до мыса Приора, или Лангенес, курс SWtS -- 14

От мыса Приора, или Лангенес, до мыса Кант, курс SWtS -- 6 "[376]

От мыса Кант до мыса с черным утесом, курс StW -- 4

От мыса с черным утесом до Черного острова, курс SSO -- 3

От Черного острова до Костина Шара, курс O и W -- 2 "

От Костина Шара до Крестового мыса, курс SSO -- 5 "

От Крестового мыса до залива св. Лаврентия, курс SO -- 6 "

От залива св. Лаврентия до Мучной гавани, курс SSO -- 6 "

От Мучной гавани до Двух островов, курс SSO -- 16 "

От Двух островов, откуда мы пошли к Русскому берегу, до Матфлоо (Матвеева) и Делгой (Долгого), курс SW -- 30 "

От Матвеева и Долгого до залива,[377] плавая в котором мы обошли круг компаса и опять пришли на то же место -- 22 "

От этого залива до Колгуева, курс NO -- 18 "

От Колгуева до восточного мыса Канденес (Канина носа), курс WSW -- 20 "

От Канина носа до западной стороны Белого моря, курс WNW -- 40 "

От западной стороны Белого моря до Семи островов, курс NW -- 14

От Семи островов до западной оконечности Кильдина, курс NW -- 20 "

От Кильдина до того места, где нас встретил Ян Корнелиссон, курс NWtW -- 7 "

От того места, где нас встретил Ян Корнелиссон, до Колы, курс преимущественно S -- 18 "

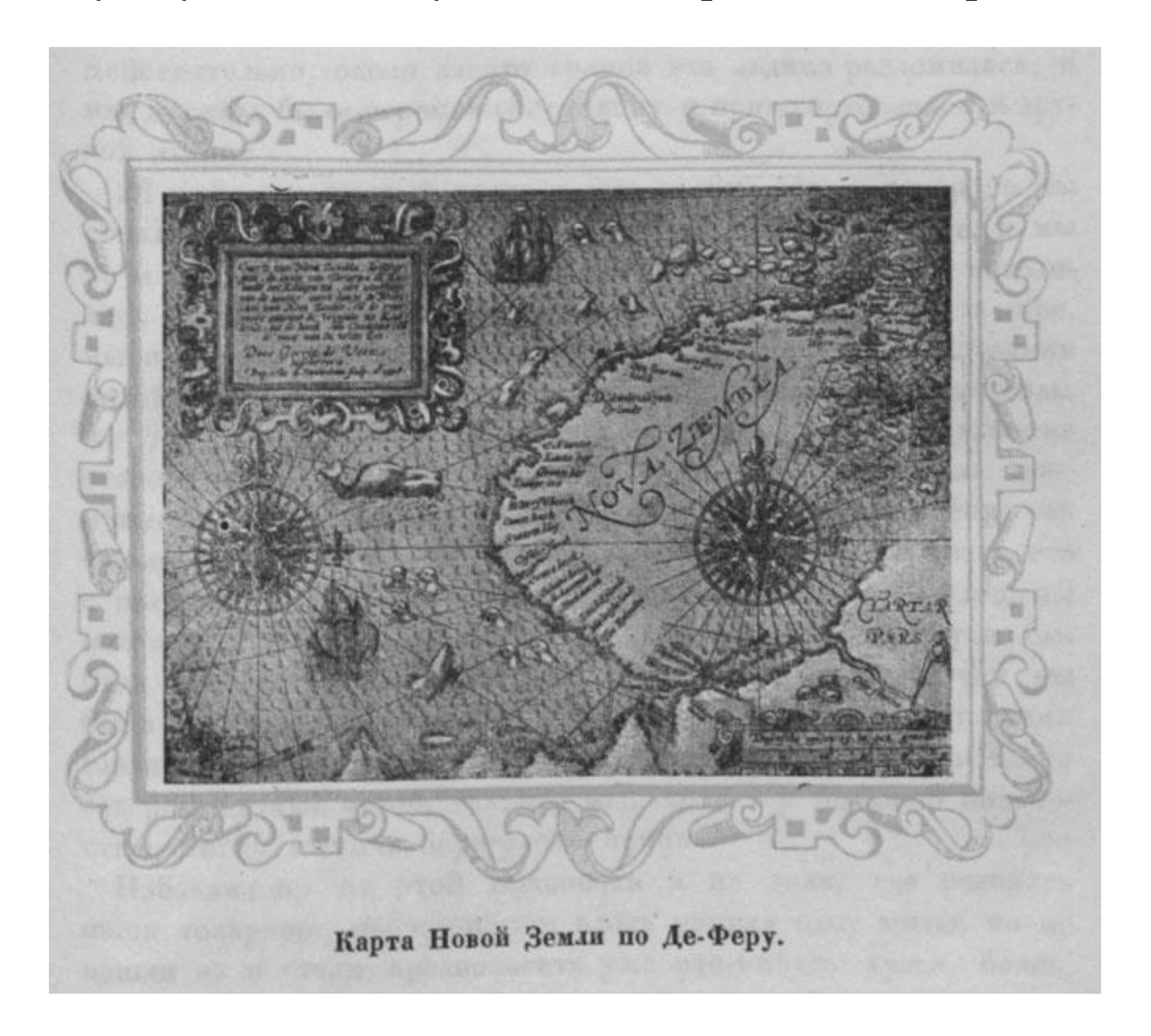
Так что всего мы проделали в двух открытых лодках среди льдов, то волоком поверх льда, то на парусах по чистой воде, путь в 383 мили.

24 июня, около восхода солнца, мы шли среди льда на веслах в разных направлениях и искали, где бы лучше всего можно выйти на чистую воду, но нигде не заметили прохода. Ветер дул с востока, и мы быстро подвигались вперед, так что рассчитывали уже обогнуть мыс Нассау, но наткнулись на лед, который задержал нас у восточной стороны мыса Нассау, у самого побережья; мы могли ясно видеть самый мыс, отстоявший по нашему расчету приблизительно на три мили; ветер дул с S и SSW. Тогда шестеро из наших высадились на берег и нашли немного дров, причем каждый снес в лодки столько, сколько мог захватить; ни птиц, ни яиц они не видели. Разведя из этих дров огонь, мы сварили на воде кашицу, которую мы называем matsammore,[378] чтобы впустить в желудок что-нибудь горячее. Дул очень сильный южный ветер.

25 июня также был сильный южный ветер, и так как лед, к которому мы прикрепились, был не очень надежный, мы сильно боялись, что он сломается и мы будем унесены в море. Действительно, около заката солнца эта льдина разломилась, и мы должны были переменить стоянку и пришвартоваться к другой льдине.

26 июня штормовый ветер с юга разбил лед, у которого мы стояли, на много частей. Нас стало дрейфовать в море, и мы не могли опять добраться до прочного льда и поэтому находились в величайшей опасности, на краю гибели. Находясь в море, мы изо всех сил налегали на весла, но не были в состоянии подойти под берег. Поэтому пришлось поставить фор-стаксель, но тут мачта сломалась в двух местах, и наше положение стало хуже, чем раньше: несмотря на сильный шторм, мы принуждены были поставить главный парус.[379] Но ветер так сильно дул в него, что если бы мы снова не спустили его с величайшей скоростью, то без сомнения были бы

поглощены волнами или наши лодки залило бы водой и мы утонули бы. Вода уже начала переливаться через



Карта Новой Земли по Де-Феру.

борт, а между тем мы были в бурном море далеко от берега, так что перед нашими глазами стояла одна только смерть. Но неожиданно подул северо-западныи ветер, так что мы, хотя и с большой опасностью, могли достичь берегового припая.

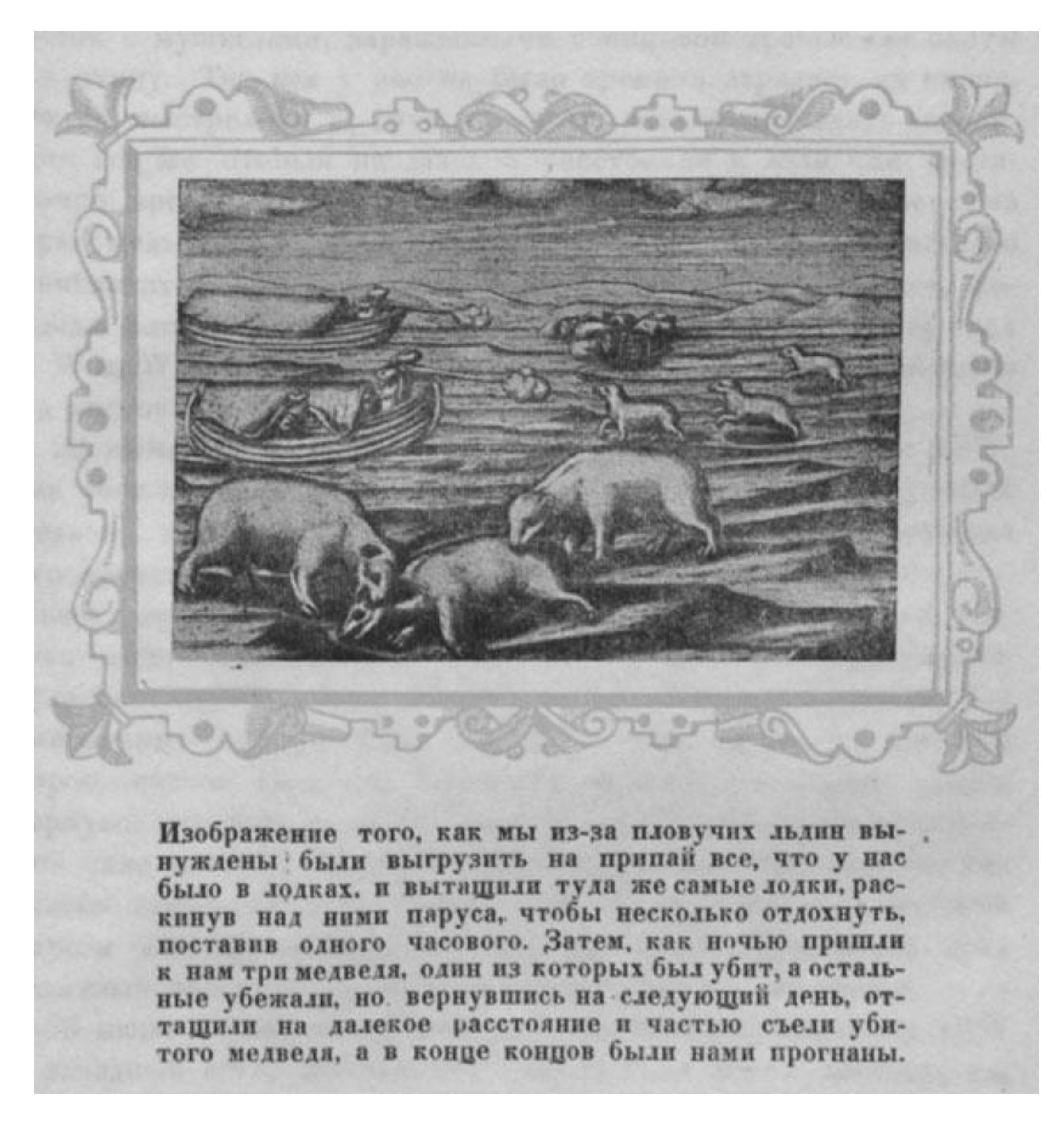
Избавившись от этой опасности и не зная, где остались наши товарищи, мы проплыли вдоль припая одну милю, но не нашли их и стали предполагать уже что-нибудь худое, боясь, не потонули ли они; тут налег густой туман. Продолжая плыть вдоль земли и не находя товарищей, мы выстрелили из мушкета; они услышали и ответили

нам тем же. Мы не могли видеть друг друга, но все же стали несколько сближаться, туман же мало-по-малу рассеялся; выстрелив вторично, и мы и они заметили от выстрела дым, и наконец мы стали сходиться, причем мы увидели лодку товарищей застрявшей между дрейфующим льдом и припаем. Подойдя к ним еще ближе, мы пошли к ним по льду и помогли им вынести на лед вещи, бывшие у них в лодке, а затем протащили по льду самую лодку и с большими тягостями и трудностями спустили ее опять в открытую воду. Пока они были затерты льдом, им удалось найти на берегу дрова и развести огонь. Когда же мы все объединились, то сварили из хлеба и воды кашицу, чтобы впустить в желудок что-нибудь горячее, и она была очень вкусна.

27 июня мы при благоприятном восточном ветре обогнули мыс Нассау, приблизительно в расстоянии одной мили от его Западной стороны, где мы получили противный ветер, так что пришлось убрать паруса и плыть на веслах. В то время как мы плыли вдоль припая, недалеко от земли, мы увидели такое множество моржей, лежащих на льду, какого раньше никогда не видали, да и нельзя было сосчитать; вместе с ними там было огромное количество птиц. Выстрелив в птиц одновременно из двух мушкетов, мы убили этим ударом двенадцать штук, которых снесли в лодки. Когда мы таким образом плыли на веслах, появился туман, и мы опять наткнулись на пловучий лед, так что пришлось вернуться к припаю и укрепиться за него в ожидании, пока туман не рассеется; ветер, противный нам, дул с WNW.

28 июня, около восхода солнца,[380] мы вынесли все бывшее в лодках на лед, куда перетащили впоследствии и самые лодки, так как льды сильно теснили нас со всех сторон, а ветер дул с моря. Мы боялись, что будем совершенно затерты и уже не найдем никакого выхода.

Из парусов мы устроили на льду палатку, под которой несколько отдохнули, поставив одного вахтенного. Когда солнце было приблизительно на севере, к нашим лодкам подошли три медведя. Увидев их, вахтенный тотчас закричал: "Три медведя, три медведя". Мы выскочили из палаток с мушкетами, заряженными свинцовой дробью для охоты на птицу. Так как у нас не было времени зарядить их иначе, то мы выстрелили и, хотя не могли сильно повредить зверям, они все же отошли на далекое расстояние и дали нам достаточно времени опять зарядить мушкеты, так что одного из трех медведей мы убили. Другие, увидев это, разбежались, но приблизительно через два часа вернулись опять. Впрочем, подойдя ближе и заслышав наш шум они убежали. Ветер дул с W и WtN, вследствие чего лед с большой силой дрейфовал на восток.
29 июня, около того времени, когда солнце было на SSW, два убежавшие медведя вернулись на место, где лежал убитый медведь, и один из них, захватив пастью убитого, протащил его довольно далеко по неровному льду и начал его пожирать. Увидев это, мы выстрелили в них из мушкета, но звери, заслышав шум, оставили тушу и убежали. Мы же, отправившись туда вчетвером, нашли, что за это короткое время медведь был наполовину съеден. Мы стащили остаток туши на высокий торос, чтобы иметь возможность наблюдать с наших лодок, вернутся ли медведи, и стрелять в них. Мы подивились огромной силе медведя, который с большой легкостью перенес так далеко огромную тушу, тогда как мы вчетвером с большим трудом смогли протащить половину туши. Продолжал дуть западный ветер, который попрежнему гнал лед на восток.



Изображение того, как мы из-за пловучих льдин вынуждены были выгрузить на припай все, что у нас было в лодках, и вытащили туда же самые лодки, раскинув над ними паруса, чтобы несколько отдохнуть, поставив одного часового. Затем, как ночью пришли к нам три медведя, один из которых был убит, а остальные убежали, но вернувшись на следующий день, оттащили на далекое расстояние и частью съели убитого медведя, а в конце концов были нами прогнаны.

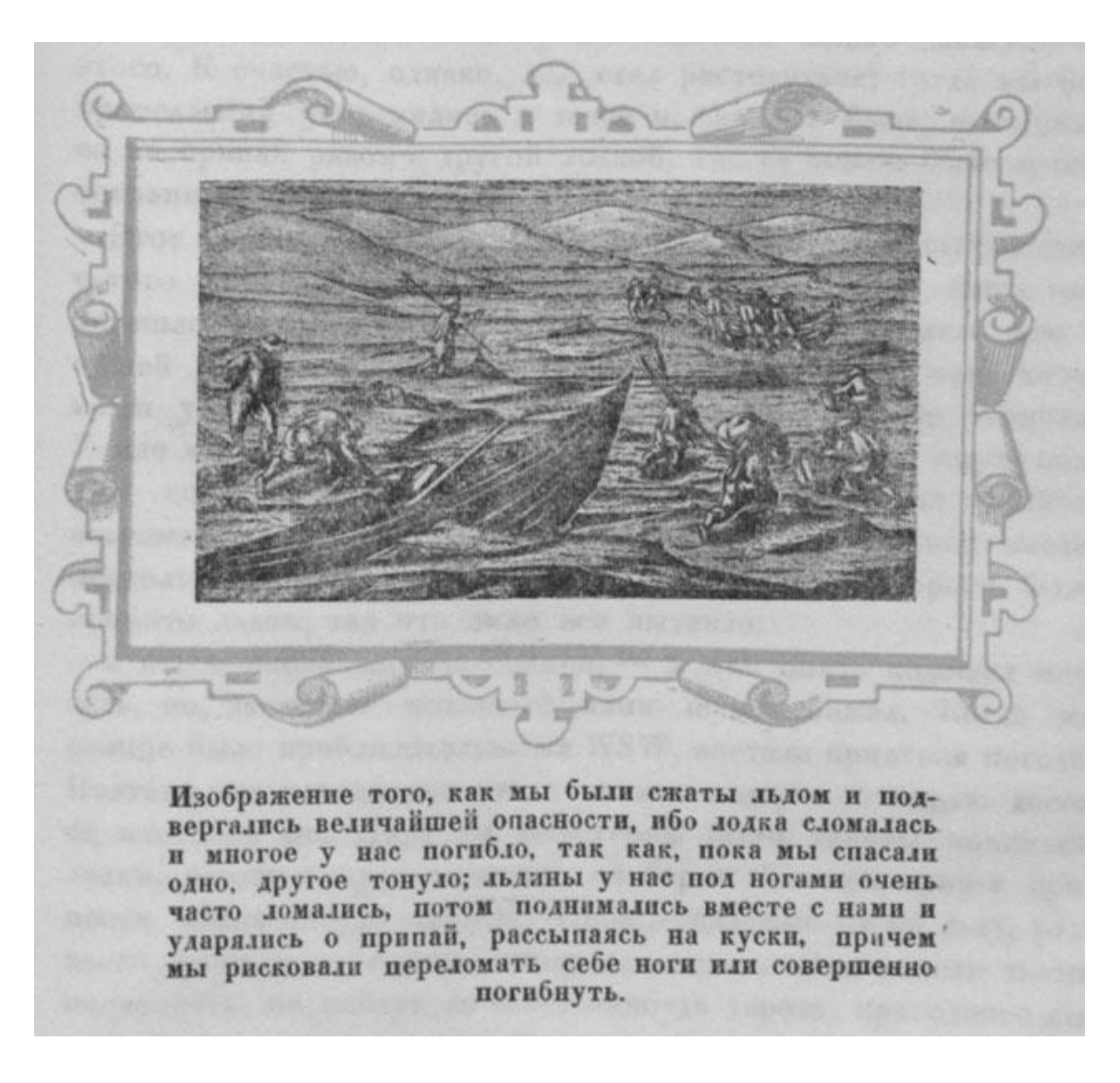
30 июня утром, когда солнце было приблизительно на OtW и западный ветер попрежнему сильно гнал лед к востоку, мы увидели на пловучей льдине двух медведей. Они бегали туда и сюда и примерялись прыгнуть в воду, чтобы напасть на нас, но не сделали этого. Мы решили, что это те же медведи, которые были тут раньше. Приблизительно около того времени, когда солнце было на SSO, еще один медведь направился было по припаю прямо к нам, но, подойдя ближе и заслышав шум,

удалился. Ветер дул с WSW и несколько разгонял лед. Но так как стоял туман, а ветер был сильный, то мы не рискнули пуститься в плавание и решили выждать более благоприятных условий.

ИЮЛЬ 1597

Первого июля погода была довольно сносная, ветер дул с WNW. Утром, около восхода солнца,[381] со стороны пловучего льда подплыл к припаю, на котором мы находились, медведь, но, заслышав нас, убежал. Когда солнце было на юго-востоке, пловучий лед стал надвигаться на нас с такой силой, что припаи, на котором мы были с лотками и выгруженным имуществом, стал ломаться на много частей, и льдины стали налезать друг на друга. Это привело нас в немалое уныние, так как большая часть нашего имущества упала в воду. Мы приложили все старания, чтобы подтащить лодку по льду ближе к земле, где мы рассчитывали быть в большей безопасности от движущегося льда. Вернувшись, однако, за тем, что оставили на льду, мы попали в большее затруднение, чем когда бы то ни было: пока мы поднимали один тюк, другой падал в воду, а между тем лед под нашими ногами то и дело ломался, так что мы не знали, на что решиться, и сильно пали духом, не видя никакого исхода. Однако усиленный труд брал верх над унынием. Когда мы пытались подтащить лодку, то лед взломало под нашими ногами, а дрейфующим льдом лодку с остальным имуществом унесло. Когда мы пытались спасти имущество, то лед раскалывался под моими. Затем сломалась и лодка, особенно в той части, которая была починена: мачта и ее поперечная перекладина. Между тем в лодке лежал больной и была шкатулка с деньгами, которую мы

вытащили с большой опасностью, потому что лед, на котором мы стояли, разошелся и ушел под другие льдины, причем мы чуть было не переломали себе ноги и руки. Поэтому мы считали, что с лодкой дело уже совсем покончено, и жалостно посматривали друг на друга, не зная, что делать, так как вся жизнь зависела от этого. К счастью, однако, лед стал расходиться; тогда мы без промедления устремились к лодке и, как она была, вытащили ее на припай рядом с другой лодкой, где ее можно было лучше сохранить.



Изображение того, как мы были сжаты льдом и подвергались величайшей опасности, ибо лодка сломалась и многое у нас погибло, так как, пока мы спасали одно, другое тонуло; льдины у нас под ногами очень часто ломались, потом поднимались вместе с нами и ударялись о припай, рассыпаясь на куски, причем мы рисковали переломать себе ноги или совершенно погибнуть.

Этот тяжелый и мучительный трут продолжался беспрерывно с того времени, как солнце было на SO, до

того, когда оно перешло на SW. Мы были очень утомлены, но дело шло о нашей жизни, и положение было еще ужаснее, чем тогда, когда умирал Виллем Баренц, так как мы чуть не утонули. У нас в этот день погибли в воде две бочки хлеба, ящик, полный полотна, бочка с оружием, вся лучшая одежда моряков, астрономическое кольцо, кипа алого сукна, боченок масла, несколько кругов сыру и боченок вина, дно которого было пробито льдом, так что вино все вытекло.

2 июля, около восхода солнца,[382] к нам опять подошел медведь, но, заслышав поднятый нами шум, убежал. Когда же солнце было приблизительно на WSW, настала приятная погода. Поэтому мы немедленно стали чинить лодку с помощью досок от настилки дна. Пока мы вшестером были заняты починкой лодки, шестеро других пошли на берег поискать дров и принести каких-нибудь камней, чтобы, разложив их на льду, развести огонь и растопить смолу для лодки. Они хотели также посмотреть, не найдут ли какого-нибудь дерева, пригодного для устройства мачты на нашей лодке. Они нашли такое дерево, а также несколько камней и принесли все это на место, где чинилась лодка. Вернувшись, они показали нам несколько обработанных топором деревьев и принесли также клинья для расколки дров, из чего было видно, что там бывали люди. Мы, насколько могли, спешили развести огонь, растопить смолу и сделать остальные необходимые приготовления для починки лодки, так что к тому времени, когда солнце было на NO, дело было кончено. Мы изжарили также птиц, убитых из ружья, и съели их.

3 июля утром, около восхода солнца, двое из нашей команды пошли к воде, где нашли два наших весла, ручку руля, кипу алого сукна, ящик с полотном и шлем, выпавший из бочки с оружием. Отсюда мы заключили, что сама бочка разбилась. Взяв, что можно было снести,

они вернулись к нам и сообщили, что там еще много имущества. Тогда капитан и пятеро из наших отправились туда и перенесли все на припай, чтобы при отъезда положить в лодку; ящик же и кипу сукна из-за ее тяжести (она была полна водой) они принести не могли, а принуждены были оставить там, чтобы дать воде стечь и взять потом, когда будем уезжать, как это и случилось. Когда солнце было на юго-западе, к нам опять пришел медведь. Стоявший на вахте его не заметил, так что зверь чуть не схватил его, но один из моряков увидел медведя из лодки и закричал вахтенному "Берегись медведя!" Услышав этот крик, вахтенный убежал; убежал и медведь, пораженный пулей. Ветер дул с ONO.

4 июля погода была ясная и приятная до такой степени, что мы не имели за все время нашего пребывания на Новой Земле. Ветер дул с W и WSW. Мы вымыли в воде, растопленной из снега, шелковую материю, вымокшую в море, затем высушили ее и опять свернули в кипу.

5 июля день был такой же приятный; ветер был WSW. В этот день умер уроженец Гарлема Ли Францсон, двоюродный брат Класа Андрисона, скончавшегося в один и тот же день с Виллемом Баренцом. Умер он около того времени, когда солнце было на NNW. Лед опять стал сильно напирать на нас. Тогда шестеро из нас ушли на берег и принесли дров для варки пищи.

6 июля было туманно, но под вечер, при юго-восточном ветре, стало проясниться; это нас несколько ободрило, но мы все еще сидели на припае.

7 июля погода была приятная, но перемежалась мелким дождем. Ветер дул с WSW, а под вечер с WtN. Отправившись к открытой воде, мы убили 13 птиц, сидевших на пловучей льдине, и перенесли их на припай.

8 июля было сыро и туманно. В этот день мы устроили из убитых птиц роскошный пир. Под вечер стал дуть северовосточный ветер, который подал нам надежду уехать отсюда.

9 июля утром лед начал расходиться, так что около берега появилась открытая вода; припай, на котором мы находились, стало отрывать, и поэтому капитан отправился к ящику и кипе сукна, оставленным на льду, чтобы захватить их и снести в лодку; мы протащили лодку к воде на расстояние 340 шагов, что нам было очень тяжело из-за непомерной трудности дела и нашей слабости. Около того времени, когда солнце было на SSO, мы поставили паруса при восточном ветре. Но около заката солнца[383] нам пришлось переменить курс и пойти по направлению к припаю. Так как ветер дул южный, т. е. от берега, то мы питали твердую надежду, что лед унесет и что мы сумеем продолжать начатый путь.

10 июля с того времени, как солнце было на ONO, и до того, как оно перешло на O, мы всемерно старались проникнуть через лед. Пройдя его, мы налегли на весла, пока снова не попали между двух больших ледяных полей, которые примыкали одно к другому и преградили нам путь; пришлось вытащить лодки на лед, выгрузив предварительно то, что в них находилось, а потом перетащить их ни расстоянии ста шагов до открытой воды у другого края поля, а также перенести туда имущество. Это нам было очень трудно, но необходимо, и мы должны были убеждать себя самих, что мы не утомлены. Когда мы снова были на воде, то стали грести изо всех сил и немного спустя опять попали было между двумя большими ледяными полями, которые в скором времени должны были сойтись, но, благодаря нашей усиленной гребле, мы проскочили раньше, чем они соединились. Миновав этот лед, мы получали сильный

западный ветер, прямо в лоб, так что пришлось налечь на весла, чтобы добраться до припайного льда, находившегося подле берега. Подойдя к припаю, мы рассчитывали пройти вдоль края его до замеченного нами острова,[384] но из-за противного ветра это оказалось невозможно. Поэтому лодки с тем, что в них было, опять пришлось вытаскивать на лед в ждать лучших условии. Но мы стали падать духом, так как столько раз натыкались на лед и боялись, что от тяжелых трудов, которые нам так часто приходилось переносить, мы совершенно лишимся сил и станем непригодны к продолжению путешествия.

11 июля утром мы оставались на льду, и около того времени, когда солнце было на северо-востоке, огромный жирный медведь, вынырнув из воды, стал подбегать к нам. Мы ждали его, направив на него три мушкета. Когда он был приблизительно в 30 шагах от нас, то пал убитый тремя выстрелами; жир потек из его ран, и, как масло, плавал на воде. Мы прыгнули на проходившую мимо льдину и, набросив на шею медведя веревку, вытащили его на лед; затем, выбив ему зубы, мы измерили его тушу, которая имела 8 футов.[385] Ветер был западный, и погода стояла мрачная. Около полудня небо стало проясняться, и трое из наших людей отправились на находившийся против нас остров. Придя туда, они заметили Крестовый остров[386] лежавший от них к западу, и, посоветовавшись, переправились туда по припайному льду, лежавшему между двумя островами,[387] с целью посмотреть, не было ли там этим летом каких-либо русских. Добравшись туда, они не могли усмотреть, чтобы кто-нибудь был там после нас. Найдя на этом острове около 70 яиц горных уток,[388] они не знали, как их донести. Наконец один из них снял брюки и завязал их в нижней части; двое понесли яйца, повесив брюки на копье; третий взял мушкет. Таким

образом после 12-часового отсутствия они вернулись, а мы были уже не в силах придумать, что с ними могло случиться. Они рассказали нам, что когда они шли по льду между обоими островами, вода часто доходила им по колено, а всего туда и обратно они сделали почти шесть миль, так что мы удивлялись, как они решились на это при нашей общей слабости. Из принесенных яиц мы устроили роскошное пиршество[389] и таким образом среди наших тягостей и трудностей, умели иногда доставить себе веселые минуты. Тогда же мы разделили между собой остаток вина, причем каждому досталось приблизительно по три добрых стакана.

12 июля утром, когда солнце было на востоке, начал дуть ветер с О и ONO; стало туманно. Под вечер шестеро из наших пошли искать камешков[390] и нашли несколько, но не очень хороших. При возвращении каждый захватил вязанку дров.

13 июля при ясной погоде мы всемером пошли на землю[391] искать камешков и кое-что нашли; ветер был юго-восточный.

14 июля погода также была ясная; дул приятный южный ветер, так что лед начал отходить от побережья. Это внушило нам надежду, что мы получим открытую воду. Но ветер опять переменился на западный, и лед остановился. Около того времени как солнце было на юго-западе, трое из нас отправились на находящийся против нас ближайший остров, где убили из ружья дикую утку.[392] Вернувшись, они отдали ее в общее пользование, так как у нас все было общее.

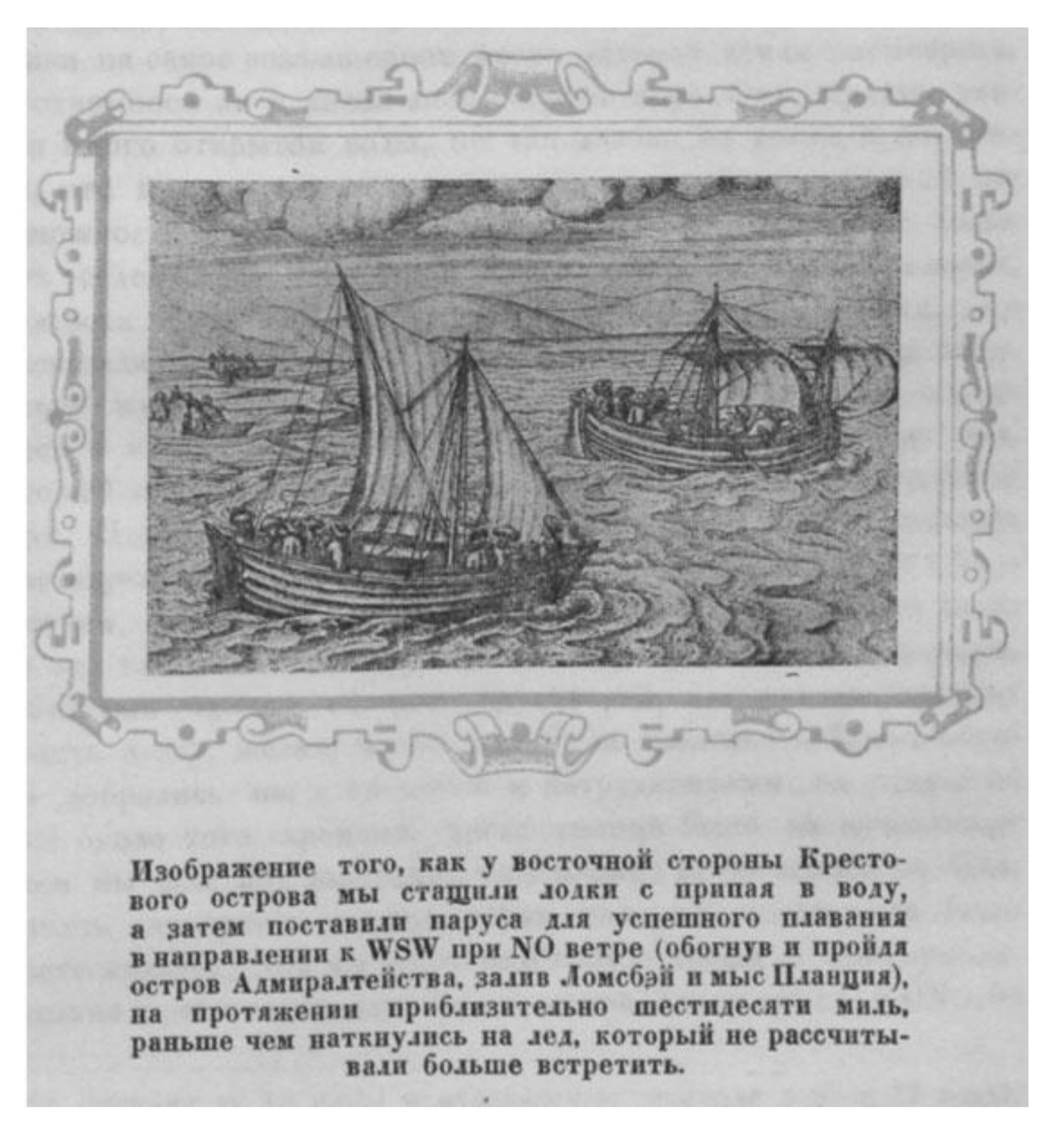
15 июля, в туманную погоду, утром дул юго-восточный ветер, а когда солнце было на западе, пошел дождь, причем ветер перешел на W и WSW.

16 июля с матерой земли явился медведь, подошедший к нам очень близко, так как он был белый, как снег, и мы вначале не могли разобрать, медведь ли это; но, когда он

очутился в соседстве с нами, то мы узнали его по движению и ранили его выстрелом из ружья, однако он убежал.

17 июля, около того времени, когда солнце было на юго-востоке, пятеро из наших опять пошли на ближайший остров посмотреть, открылась ли где-нибудь вода, ибо нам начало надоедать продолжительное пребывание на этом месте, а мы не видели никакого выхода, никакой возможности уехать отсюда. Когда они прошли почти половину пути, то нашли медведя, лежавшего за глыбой льда; это был тот зверь, которого мы ранили накануне. Заслышав нас, он пустился бежать, но один из наших погнался за ним с багром и стал дразнить его, чтобы медведь повернулся и стал на задние лапы. Когда он дразнил его, то медведь сломал железную часть багра с такой силой, что дразнивший опрокинулся. Увидев это, другие выстрелили в медведя, и тот побежал; упавший все-таки продолжал преследовать медведя и дразнил его сломанным багром, медведь же, оборачиваясь, трижды наскакивал на него. Между тем подошли еще двое наших и вторично выстрелили в медведя, так что ему пришлось сесть на свой зад и он с трудом мог продвигаться, а когда он вторично был поражен пулей, то упал. Затем ему вышибли зубы. Весь тот день дуди ветры о NO и ONO.[393]

18 июля, когда солнце было на востоке, трое из наших пошли на самое возвышенное место матерой земли посмотреть, не открылось ли в какой-либо стороне море. Они, правда, увидели много открытой воды, но так далеко от земли и от припая, что пришли почти в отчаяние, размышляя о полной невозможности перетащить на такое огромное расстояние лодки и их содержимое, ибо наши силы со дня на день иссякали, а тягости и трудности возрастали. Вернувшись к лодкам,



Изображение того, как у восточной стороны Крестового острова мы стащили лодки с припая в воду, а затем поставили паруса для успешного плавания в направлении к WSW при NO ветре (обогнув и пройдя остров Адмиралтейства, залив Ломсбэй и мыс Планция), на протяжении приблизительно шестидесяти миль, раньше чем наткнулись на лед, который не рассчитывали больше встретить.

они рассказали нам это. Мы же в силу необходимости стали набираться мужества и подбодряли друг друга подтащить к воде лодки и имущество, а затем на веслах пройти через тот лед, который надо было преодолеть, чтобы добраться до открытого моря. Подойдя ко льду, мы выгрузили лодки, затем порознь перетащили их по льду до воды, потом проделали то же с имуществом, почти на расстоянии тысячи шагов. Это дело было для нас так тягостно и трудно, что мы, казалось, не

выдержим. Победивши однако столько трудностей, мы питали надежду одолеть и эту, желая, чтобы она была последнею. Таким образом добрались мы с тягостью и затруднениями до открытой воды около того времени, когда солнце было на юго-западе. Затем мы шли под парусами, пока солнце не оказалось на WtS, и опять наткнулись на лед, через который лодка надо было перетаскивать. Здесь мы могли видеть Крестовый остров, приблизительно в расстоянии одной мили от нас. Ветер дул с О и ONO.[394]

Когда мы таким образом сидели на льду, то семеро из нас пошли утром на Крестовый остров, откуда увидели в направлении к западу очень много открытой воды. Это обстоятельство их весьма обрадовало, и они быстро вернулись к лодкам, успев тем не менее набрать около сотни яиц, найденных нами. Вернувшиеся рассказали, что видели открытую воду на всем пространстве, сколько только может охватить глаз, и выразили надежду, что теперь в последний раз нам придется тащить лодки по льду и что больше мы его совсем не встретим. Все это привело нас в бодрое настроение. Найденные яйца мы сварили и разделили между собой, а затем, около того времени, когда солнце было на SSW, немедленно приготовились тащить к воде лодки. Хотя это надо было проделать на расстояние 270 шагов, но мы выполнили все с большим подъемом, надеясь, что этот труд будет последним.

Затем мы начали плавание. Ветер дул с О и ONO, вполне попутный нам, так что, когда солнце было на западе, мы обогнули Крестовый остров, отстоящий от мыса Нассау на десять миль. Вскоре после этого лед покинул нас, так что мы не видали его, за исключением некоторого количества в море, но этот лед не принес нам никакой помехи. Мы продолжали держать не WtS при постоянном ветре с О и ONO, так что по нашему

предположению каждые 12 часов[396] мы делали восемнадцать миль. Это приводило нас в немалую радость. Мы счастливы были, что освободились от столь великих трудностей, которые мы не рассчитывали выдержать.

20 июля, успешно продолжая плавание, около того времени, когда солнце было на юго-востоке, мы прошли Черный мыс, отстоящий от Крестового острова на двенадцать миль, и легли на WSW. Вечером мы увидели остров Адмиралтейства, находящийся от Черного мыса в восьми милях; мы прошли мимо этого острова около того времени, когда солнце было на севере. Когда мы проходили этот остров, то увидели около 200 моржей, лежавших на льдине. Плывя рядом, мы спугнули их, но почти во вред себе. Именно, так как эти морские чудовища очень сильны, они стремительно подплыли к нам, как будто желая отомстить за то, что мы потревожили их покой, и со страшным ревом окружили лодки, словно собирались нас пожрать. Но мы все же ускользнули благодаря попутному ветру. Тем не менее наш поступок был неблагоразумен, так как, согласно пословице, мы будили собаку, желавшую спать.

21 июля мы миновали мыс Планция[396] около того времени, когда солнце было на ONO. Этот мыс стоит от острова Адмиралтейства на восемь миль в направлении к WSW. Затем при вполне попутном нам северо-восточном ветре мы около того времени, когда солнце было на юго-западе, прошли Лангенес, отстоящий от упомянутого выше мыса Планция на девять миль; отсюда земля простирается к юго-западу.[397]

22 июля, продолжая успешное плавание, мы добрались до мыс Кант,[398] где вышли на землю поискать птиц и яиц, но, не найдя ничего, продолжали наш путь. Затем около полудня мы увидели утес, усеянный птицами. Направив к нему лодки, мы вышли и, бросая камни,

заполучили 22 птицы и 15 яиц, которые один из наших снял с утеса. Если бы мы захотели пробыть здесь дольше, то могли бы забрать одну или две сотни птиц, но так как наш капитан ждал нас, то мы, не желая упускать благоприятного ветра, продолжали плавание вдоль земли. Около того времени, когда солнце было на юго-западе, мы опять попали к какому-то мысу. Здесь мы добыли около 125 птиц, сидевших в гнездах, или руками, или бросая в них камни, так что птицы падали с высоты в воду. Надо думать, что они никогда не видали людей и никто не пытался их ловить (иначе они слетели бы) и они боялись только песцов и других диких животных; последние не могли забраться на очень высокие и отвесные утесы, и поэтому птицы устроили себе там гнезда и были спокойны, что никто туда не залезет. Разумеется, и мы подвергались немалой опасности сломать себе ноги и руки из-за крутизны утеса, особенно при спуске. Каждая из птиц имела всего одно яйцо, положенное на голом утесе без всякой подстилки или другого тому подобного; это удивительно, как могли они при таком холоде высиживать лица. Нужно думать, что они несут лишь одно яйцо, чтобы теплота, которую они сообщают высаживанием, была сильнее и сосредоточивалась на одном яйце, к которому она проницает целиком, а между многими яйцами теплота была бы разделена. Мы нашли тут также много яиц, но по большей части тухлых. Отплыв отсюда, мы получили противный и бурный ветер с северо-запада и встретили много льда, который пытались обойти, но усилия наши были тщетны. Наконец, меняя курс туда и сюда, мы попали в лед. Находясь в нем, мы увидели в направлении к земле много открытой воды, к которой и повернули. Капитан, находившийся со своей лодкой дальше в море, видя нас посреди льда, решил, что дела наши плохи, и поэтому держался вне льда, лавируя туда

и сюда. Но, заметив наконец, что мы проходим через лед, убедился, что мы видим открытую воду, к которой направляем свои курс, как это и было на самом доле. Тогда он повернул к нам и подошел к земле рядом с нами. Тут мы нашли удобную гавань, защищенную почти от всех ветров;[399] капитан пришел сюда через два часа после нас. Мы вместе высадились на берег, нашли там несколько яиц н набрали дров для устройства костра, на котором сварили пойманных нами птиц. Дул северо-западный ветер, погода была ненастная.

23 июля погода была мрачная и туманная; дул северный ветер, так что нам пришлось остаться в этой гавани. Между тем некоторые из нас отправились на землю поискать яиц и камешков, но нашли очень мало; правда, некоторые из камешков заслуживали одобрения.

24 июля погода была ясная, но северный ветер продолжался, по этой причине нам все еще приходилось сидеть тут. В полдень мы измерили высоту солнца нашей астролябией и определили ее в 37®20 , а склонение было 20®10'. Отнимая это от найденной высоты, имеем в остатке 17®10', а если вычесть их из 90®, то высота полюса получается 73®10'.[400] Так как нам приходилось все же оставаться здесь, то некоторые из наших частенько ходили искать камешки, причем нашли несколько таких превосходных, каких мы раньше не находили.

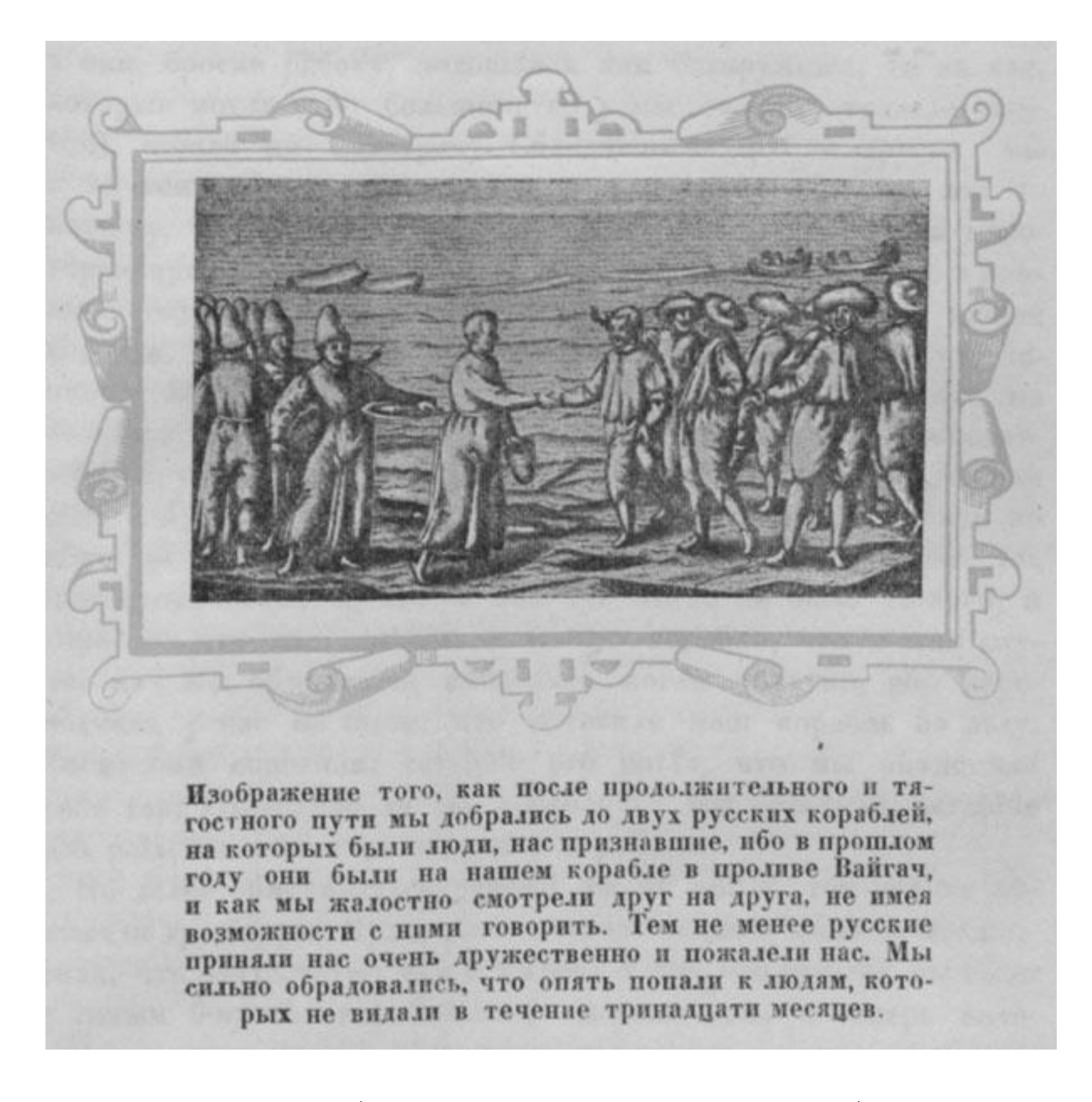
25 июля погода была мрачная и туманная. Северный ветер дул так сильно, что мы были вынуждены оставаться на месте.

26 июля стало светлее и погода начала проясняться, чего у нас не было несколько дней; северный ветер продолжался. Около полудня мы отплыли отсюда. Но так как залив был обширный,[401] то нам пришлось плыть по направлению к морю почти на протяжении четырех миль, раньше чем мы могли обогнуть мыс залива.[402]

Ветер по большей части был противный, поэтому полночь настала раньше, чем мы могли выбраться из залива, идя то под парусами, то на веслах. Миновав мыс, мы спустили паруса, налегли на весла и пошли вдоль побережья.

27 июля, в тихую и ясную погоду, мы целый день гребли вдоль земли[403] среди разбитого льда; ветер был северо-западный. К ночи около захода солнца мы добрались до места, где было сильное течение. Поэтому мы полагали, что находимся около Костина Шара, так как даже видели большой залив. Мы строили предположение, что этот залив проходит до Татарского моря.[404] Курс же наш был главным образом SW. Около того времени, как солнце было на севере, мы обогнули Крестовый мыс и пошли на парусах между матерой землей и каким-то островом,[405] взяв затем курс на SSO.[406] Дул северо-западный ветер, для нас попутный. Лодка капитала была далеко впереди нас, но, добравшись то мыса острова, он ожидал нас. Придя туда, мы остановились на некоторое время у утеса, надеясь поймать каких-нибудь птиц, но не поймали ни одной. От мыса Кант мы сделали через Костин Шар до Крестового мыса двадцать миль.[407]

28 июля в ясную погоду при северо-восточном ветре мы шли вдоль берега и, когда солнце было на юго-западе, достигли залива св. Лаврентия или мыса Шанц, держа курс на SO на протяжении шести миль. Придя туда, мы нашли за мысом два русских корабля.[408] Нас обрадовало, что наконец-то мы добрались до таких мест, где есть люди, но, с другой стороны, нас смущало, что их так много, ибо мы видели по крайней мере 30 человек и не знали, кто они, дикие или какие-другие



Изображение того, как после продолжительного и тягостного пути мы добрались до двух русских кораблей, на которых были люди, нас признавшие, ибо в прошлом году они были на нашем корабле в проливе Вайгач, и как мы жалостно смотрели друг на друга, не имея возможности с ними говорить. Тем не менее русские приняли нас очень дружественно и пожалели нас. Мы сильно обрадовались, что опять попали к людям, которых не видали в течение тринадцати месяцев.

иностранцы.[409] С большими трудностями добрались мы до земли, а они, бросив работу, подошли к нам безоружные. Те из нас, которые могли (ибо большинство у нас сильно с страдало цынгой), пошли им навстречу. Сблизившись друг с другом, мы с почтением поздоровались, они по своему обычаю, мы по нашему, затем жалостно смотрели друг на друга, причем некоторые признали нас, равно как и мы узнали в них тех, кто в прошлом году, когда мы проходили пролив Вайгач, были на нашем корабле. Тут мы могли легко заметить, что внушаем им удивление и беспокойство, так как в тот раз они видели нас на большом, великолепном

и богато снабженном корабле, приводившем их в восхищение, а теперь мы прибыли в самом жалком виде в открытых лодках. Двое из них дружески похлопали по плечу меня и капитана, узнавши нас по прошлой встрече, так как кроме меня и его в Вайгаче тогда не было никого, и спросили про наш crabble, т. е. про корабль, что с ним случилось? Мы объяснили, насколько могли понятно, ибо переводчика у нас не было, что оставили наш корабль во льду. Тогда они спросили: "crabble pro pal?", что мы объяснили себе так: "Потеряли ли вы корабль?" Мы ответили: "crabble pro pal", то есть "мы потеряли корабль".

Но далее обмениваться речами мы не могли, так как не понимали друг друга. Правда, они всевозможными знаками показывали, что сочувствуют нам и жалеют о том, что раньше мы были с самым богатым корабельным снаряжением, а теперь находимся в столь жалком состоянии; они показали также, что тогда на нашем корабле пили вино, и спрашивали, какой теперь у нас напиток? Поэтому один из наших моряков, подбежав к лодке, зачерпнул воды и дал отведать. Те покачали головой и сказали: "no dobbre", т. е. не хорошо. Тогда наш капитан, подойдя поближе, стал показывать им открытый рот, желая пояснить, что мы болеем цынгой, и спросить, не знают ли они какого средства. А они подумали, что мы страдаем от голода, и один из них побежал к кораблю и принес кругловатый ржаной хлеб, весивший около 8 фунтов, и несколько прокопченных птиц. Мы приняли это с благодарностью и дали им в ответ шесть сухарей. Наш капитан повел двух главных из них к своей лодке и дал им выпить вина, которое у него оставалось, приблизительно половину конгия.[410] Пока мы там оставались, мы обходились с ними по-дружески, пошли на их стоянку и на их огне сварили в воде несколько сухарей, чтобы съесть чего-нибудь горячего.

Общение с ними нас очень радовало, так как в течение 13 месяцев (с тех пор, как мы расстались с Яном Корнелиссоном[410]) мы ни разу не видели человека, а встречали только свирепых и прожорливых медведей. Потому теперь нам и было весело, что мы дожили до возвращения в среду людей. Мы говорили друг другу, что у нас теперь все будет благополучно, раз мы добрались до людей.

29 июля погода была довольно сносная. Утром русские начали готовиться к отходу, вырыли из прибрежной гальки, смешанной с песком, несколько бочек ворвани, которые у них там были спрятаны, и снесли их на свои корабли. Мы, не зная, куда они направляются, заметили, что они пошли по направлению к Вайгачу; поэтому мы, также поставив паруса, последовали за ними. Когда же они ушли вперед, а мы плыли за ними, держась берега, появился туман, который скрыл их, и мы не знали, поплыли ли они в направлении к земле и укрылись в каком-либо заливе, или пошли дальше. Тем не менее мы продолжали наш курс на SSO при северо-западном ветре, а затем шли на SO между двумя островами,[412] пока лед снова не окружил нас и не стало видно чистой воды. Мы полагали, что находимся около Вайгача, и что северо-западный ветер нагнал лед в этот залив. Окруженные льдом и не видя никакого прохода, мы с большими тягостями и затруднениями вернулись к двум упомянутым выше островам. Добравшись до них около того времени, когда солнце было на северо-востоке, мы пристали к одному из островов, так как ветер усиливался все больше и больше.

30 июля, когда мы таким образом стояли на якоре у острова, северо-западный ветер продолжал дуть с прежнею силой, шел сильный дождь, и погода была бурная, так что нас не могли защитить от воды даже паруса, растянутые над нашими лодками. Это было для

нас необычно, ибо дождя у нас не было очень давно; нам приходилось оставаться здесь целый день.

31 июля, около того времени, когда солнце было на северо-востоке, мы на веслах пошли к другому острову, на котором стояли два креста. Поэтому мы предполагали, что там были какие-нибудь люди ради торговых сношений, вроде упомянутых выше русских, но мы не нашли никого. Северо-западный ветер продолжал дуть, поэтому лед с прежней силой двигался к Вайгачу. Мы высадились на берег и нашли на острове так называемую ложечную траву.[413] Она была нам очень полезна, потому что многие из нас были больны, а большинство и даже почти все страдали цынгой и с трудом держались.[414] Пользование этой травой так очевидно и быстро помогло нам, что мы удивлялись сами. Мы ели ее полными пригоршнями, так как наслышались много похвал об ее качествах, теперь же на опыте узнали, что ее целебная сила превзошла наши ожидания.

АВГУСТ 1597

1 августа, при сильном северо-западном ветре, лед, уже много дней двигавшийся в пролив Вайгач, стал останавливаться, но "девятые валы"[415] были так огромны, что нам пришлось перевести наши лодки на другую сторону острова, чтобы быть в большей безопасности от морских волн. Тут мы опять пошли на берег собирать молодую траву. Мы чувствовали от нее огромную пользу, и наше здоровье поправлялось все больше и больше и притом так быстро, что мы сами удивлялись, так как некоторые сразу могли жевать сухари, чего несколько раньше не в силах были делать.

2 августа около того времени, когда солнце находилось на севере, погода была мрачная и туманная при продолжавшемся еще сильном северо-западном ветре. Наши запасы сильно уменьшались, и у нас не было ничего кроме небольшого количества хлеба и воды, да еще у некоторых немного сыра. Поэтому продолжительное пребывание тут сильно удручало нас, и мы рвались уехать, Боясь голода, который еще более ослаблял наши силы, тогда как нам приходилось нести тяжелые труды. Эти два обстоятельства сильно противоречили одно другому, так как нам скорее нужна была обильная пища для восстановления сил, нежели воздержанность.

3 августа около того времени, когда солнце было на севере, погода стала несколько более сносной, и мы приняли решение покинуть Новую Землю и плыть в Россию. При северо-западном ветре мы шли на SSW, пока солнце не оказалось на востоке, и опять наткнулись на лед. Это обстоятельство нас сильно обеспокоило, так как мы думали, что уже разделались и простились с ним, и не ожидали, что он так скоро опять повредит нам. Итак, мы очутились среди льда при безветрии. Так как паруса мало помогали нам, мы их сняли и с большими усилиями стали грести через лед. Около того времени, когда солнце было на юго-западе, мы прошли лед и добрались до широкого моря, где льда вовсе не было видно. Всего на парусах и на веслах мы сделали двадцать миль. Плывя таким образом, мы считали, что приближаемся к русскому берегу; но около того времени, когда солнце было на северо-западе, мы опять попали в лед, причем погода сильно похолодала. Это очень поразило нас, и мы стали думать, что никогда не выпутаемся из этих трудностей. В виду того, что мы подвигались на нашей лодке очень медленно и не могли обогнуть лед, мы были принуждены войти в него; мы

могли видеть, что за льдом открывается чистая вода. Трудность состояла в том, чтобы пробить лед, ибо он был очень сплоченный; наконец мы нашли удобный случай прорваться в него. Когда мы вошли в лед, то почувствовали себя в несколько лучшем положении и добрались до открытой воды, правда, с большим трудом. Наш капитан, который находился в лодке с лучшими парусами, обогнул лед с краю и беспокоился, что лед так сильно теснил нас. Однако мы успели пройти сквозь лед так же быстро, как капитан объехал его кругом, и таким образом мы опять соединились. 1 августа около того времени, когда солнце было на юго-востоке, мы освободились изо льда и при северо-западном ветре плыли вместе, преимущественно на юг, и около полудня увидели русский берег, что сильно нас обрадовало. Подойдя ближе, мы спустили паруса и на веслах пошли к берегу.[416] Мы нашли, что он очень низменный и имел вид берега, иногда затопляемого морем. Мы оставались там до заката солнца, пройдя от мыса Новой Земли тридцать миль. Около того времени, как солнце было на юго-западе, мы пошли вдоль русского берега при довольно попутном ветре и, когда солнце было на севере, опять увидели русский корабль,[417] к которому и направились, чтобы приветствовать бывших на нем. Те, заметив нас, вышли все на палубу, и когда мы стали кричать: "Candinaes, Candinaes",[418] желал этим спросить у них, не у Кандниес ли мы находимся, они отвечали: "Pitzora, Pitzora", имея в виду объяснить нам, что мы находимся около Печоры. Когда мы плыли держась возможно ближе к берегу, очень пустынному,[419] и считали, что плывем на WtN, чтобы обогнуть мыс Кандинес,[420] наш компас, помещавшийся на сундуке, обшитом железными листами, обманул нас на два деления,[421] и поэтому мы оказались дальше на юг и на восток, чем думали. Мы рассчитывали быть вблизи

Капдинес, а на самом деле, как после узнали, отстояли оттуда почти на три дня плавания. Заметив свою ошибку, мы остановились в ожидании наступления дня. 5 августа, пока мы стояли, один из наших пошел на берег и, увидев, что там есть трава и кое-какие кустарники, стал звать нас притти с ружьями, так как там должна быть дичь. Это нас сильно обрадовало, ибо наше продовольствие почти истощилось, и у нас не осыпалось ничего, кроме небольшого количества хлеба. От этого мы были в таком отчаянии, что некоторые предлагали бросить лодки и итти вглубь земли, говоря, что иначе мы погибнем с голоду. Нужда наша росла с каждым днем, и голод был настолько тяжел, что мы с трудом могли переносить его дольше.

6 августа погода была помягче, поэтому мы решили итти дальше на веслах, так как ветер был противный, и выйти из залива[422] в направлении на OSO, откуда дул ветер. Однако, прогребя три мили, мы не могли продвинуться дальше, так как и ветер был совершенно противный, и мы были измучены и очень ослабели; кроме того оказалось, что материк простирался к северо-востоку гораздо дальше, чем мы предполагали. Поэтому мы жалостно смотрели друг на друга, полные отчаяния, тем более, что продовольствие почти совершенно истощилось.

7 числа дул северо-западный ветер, помогший нам выйти из залива. Мы шли на парусах на OtN, пока не вышли из залива и не добрались до того мыса материка, где были раньше. Тут мы опять остановились, так как северо-западный ветер был нам совершенно противный. Настроение нашей команды вовсе упало, так как люди не видели возможности выйти отсюда. Болезнь, голод и полное отсутствие всякой возможности выбраться окончательно убирали нас.[423]

8 августа погода нисколько не улучшилась, ветер дул противный, и мы стояли довольно далеко друг от друга, так как каждый выбрал себе место поудобнее; особенное уныние было на нашей лодке, потому что некоторые были очень голодны. Они не могли дольше терпеть голода, почти теряли голову и желали смерти.

9 августа погода оставалась прежней и ветер был совершенно противный. Поэтому, за невозможностью уехать, мы принуждены были оставаться на месте, и наше томление все усиливалось. Наконец, двое из нашей лодки высадились на берег, где был капитан. Они прошли около одной мили вдоль берега и увидели речной поток.[424] Они решили, что находятся на пути, которым пользуются русские между Канлинес и материком. При возвращении они нашли вонючего дохлого тюленя, которого притащили к лодке; рассчитывая, что они заполучили хорошую дичь, они от мучившего их сильного голода хотели есть его, но мы отсоветовали, говоря, что эта еда грозит им смертельной опасностью, а потому лучше воздержаться от нее.

10 августа продолжался тот же северо-западный ветер; было туманно и мрачно, и нам приходилось попрежнему стоять на месте. В каком мы были настроении, поймет всякий.

11 августа утром погода была сносная и тихая. Около того времени, когда солнце было на северо-востоке, капитан послал сказать, чтобы мы снаряжались в путь, а мы уже были готовы и плыли на веслах к нему. Так как я сильно ослаб и не мог грести, тем более, что наша лодка была гораздо тяжелее другой, то меня приняли на лодку капитана и приставили к рулю, а на мое место посадили другого, более сильного. Таким образом мы плыли до полудня. Затем, пользуясь попутным южным ветром, мы перестали грести и удачно пошли на парусах; к вечеру ветер однако настолько усилился, что мы должны были

убрать паруса и сесть за весла, гребя в направлении к материку; подойдя к берегу, мы отправились на поиски пресной воды, но не нашли ее. Так как мы не могли двигаться дальше, то устроили из парусов подобие палатки, чтобы спрятаться туда, ибо шел дождь; в полночь был страшный гром и молния, причем дождь полил еще сильнее. Все это очень тревожило нашу команду, так как она не видела никакого конца своим страданиям, а положение становилось все хуже и хуже.

12 августа, в ясную погоду, когда солнце было на востоке, мы увидели русский корабль,[425] идущий на всех парусах; это нас немало образовало. Заметив корабль с берега, к которому мы пристали с лодкой, мм уговорили капитана пойти навстречу кораблю и иступить с бывшими на нем в переговоры о приобретении какого-либо продовольствия. Поэтому мы как можно скорее спустили лодку в море и пошли на парусах к кораблю. Прибыв туда, капитан поднялся на их корабль и спросил, далеко ли мы от Кандинес; но так как мы не знали их языка, то не могли понять ответа, хотя они выставляли пяти пальцев. Впоследствии мы догадались, что этим они хотели указать на находившиеся там пять крестов. Они принесли также с неболышой морской компас и стали показывать, что Кандинес находится к северо-западу от нас; это же самое показывал и наш компас, и мы сделали тот же расчет. Но так как кроме этого мы ничего не могли понять из их разговора, то капитан, указав на стоявшую на на корабле бочку, где была рыба,[426] и, вынув серебряную монету стоимостью в 8 реалов,[427] спросил знаками, не хотят ли они продать. Они поняли это и дали нам сто две рыбы с несколькими маленькими пирожками, испеченными из муки с водой, в то время как они варили рыбу. Получив это, мы около полудня расстались с ними, радуясь, что добыли кое-что из продовольствия, ибо давно уже не имели для

пропитания ничего, кроме четырех унций[428] хлеба с водою в день. Эти самые рыбы были разделены на всех без различия, так что самый низший получил столько же, как и самый высший. Расставшись с русскими, мы при ветре с S и StO продолжали путь на WtM. Около того времени, когда солнце было на WSW, ударил опять сильный гром и полил дождь, но не надолго, и немного спустя опять настала сносная погода. Продолжая свой путь, мы заметили, что но нашему обычному компасу солнце заходило на NtW.[429]

13 августа ветер опять был противный, именно WSW, а наш курс был WtN; поэтому нам опять пришлось пристать к материку. Пока мы там стояли, двое из наших отправились на берег исследовать его положение и выяснить, не выдается ли здесь в море мыс Кандинес, так как мы полагали, что находимся по соседству с ним. Вернувшись, они рассказали, что видели на материке дом, но пустой, и кроме того могли заметить, что виденный нами мыс есть Кандинес. Это нас ободрило, и, вернувшись к лодкам, мы стали грести вдоль берега. Надежда прибавляла нам мужества, и мы делали более, чем сделали бы в другое время, ибо от этою зависело спасение нашей жизни. Плывя так вдоль берега, мы увидели выкинутый на берегу русский корабль,[430] но разбитый; миновав его, мы немного спустя заметили на берегу дом, к которому некоторые из нас отправились, но не нашли никого из людей, а только очаг. Вернувшись к лодке, они принесли ложечной травы. Далее, плывя на веслах вдоль мыса, мы опять заполучили подходящий восточный ветер, так что могли двигаться дальше на парусах. После полудня, когда солнце было на юго-западе, мы заметили, что виденный нами мыс лежит на юге. Поэтому мы были уверены, что это Кандинес[431] и что, плывя отсюда, мы должны пройти устье Белого моря. С эти мыслью мы соединили лодки и

поделили между собой свечи и все другие необходимые предметы, какими могли поделиться. Мы надеялись пересечь Белое море и достичь берега России.[432] Когда мы плыли при попутном ветре, около полуночи поднялась сильная буря с севера, которая заставила нас взять один или два рифа. Но наши товарищи, лодка которых шла под парусами лучше нашей, не зная, что мы сократили свои, продолжали свой путь, так что мы разделились друг с другом, тем более, что стало темно.

Изображение того, как мы подошли к русскому кораблю, думая, что уже прошли Белое море, и как русские объяснили нам, что мы не достигли мыса Кандинес; как они оказали нам много благодеяний, продав нам продовольствие, окорок, муку, масло и мед. Это нас сильно подкрепило, а вместе с тем мы радовались, что нам указан правильный путь, которому мы должны следовать; одновременно мы сильно горевали, что наши товарищи отделены от нас и находятся в море.

14 августа утром погода была довольно сносная, дул юго-западный ветер; мы держали курс на NNW. Когда стало проясняться, так что мы могли видеть наших товарищей, мы прилагали все старания догнать их, но так как налег туман, не могли этого сделать. Тем не менее мы говорили: "Будем продолжать наш курс, мы непременно настигнем их у северного берега Белого моря".[433] Шли мы на NW, при ветре с SWtW, но около того времени, когда солнце было на юго-западе, мы из-за противного ветра не могли итти дальше, так что нам пришлось спустить паруса и приняться за весла. Так мы гребли, пока солнце не оказалось на западе; в это время поднялся благоприятный ветер, и мы опять поставили паруса, помогая вместе с тем двумя веслами. Когда солнце было на NNW, ветер с O и OSO усилился, поэтому мы убрали весла и пошли дальше на парусах, держа на WNW.

15 августа мы наблюдали восход солнца на ONO, так что наш компас повидимому несколько отклонился.[434] Приблизительно около того времени, когда солнце было на востоке, настал штиль; нам пришлось убрать паруса и взяться за весла. Но штиль простоял недолго, и поднялся юго-восточный ветер. Поэтому мы опять поставили паруса и пошли на WtS. Идя с попутным ветром, мы около полудня увидели землю и думали, что уже достигли западного берега Белого моря, пройдя Кандинос.[435] Когда мы приблизились к берегу, то увидели шесть русских кораблей;[436] направившись к ним, мы спросили, далеко ли до Кильдина. Хотя они нас не вполне поняли, но все же объяснили, что мы оттуда еще далеко, теперь же находимся у восточной стороны Кандинес. Затем, растопыривая руки, они хотели показать, что нам надо сначала пройти Белое море, что наша лодка очень мала, и что нам грозит большая опасность, если мы хотим на такой лодке плыть по морю,

а Кандинес лежит к северо-западу. Мы попросили у них хлеба; они нам дали один, и мы съели его всухомятку, во время гребли. Мы однако не могли с ними согласиться, что находимся по восточную сторону Кандинес, так как были убеждены, что уже прошли Белое море.
Расставшись с русскими, мы пошли на веслах вдоль берега; ветер был северный. Около того времени, как солнце было на северо-западе, мы с попутным юго-восточным ветром шли на парусах вдоль побережья материка и увидели справа большой русский корабль,[437] который по нашему предположению прибыл из Белого моря.

16 августа утром, держа курс на NW, мы убедились, что проникли в какой-то залив,[438] и, направившись к русскому кораблю, которые видели справа, добрались до него с большим трудом и усилиями. Придя к русским при сильном ветре, около того времени, когда солнце было на юго-востоке, мы спросили, как далеко до Кольской земли[439] или до Кильдина. Но они, покачав головою, указывали, что это Канинская земля.[440] Однако мы им не поверили и попросили у них какой-нибудь пищи. Они дали нам несколько рыб, провяленных на ветру,[441] за которые капитан заплатил им деньги. Удалившись от них, мы поставили паруса, чтобы обогнуть место, где они стояли, так как оно выдавалось в море. Заметив это, а также то, что мы взяли ошибочный курс и что прилив уже на исходе, они послали к нам двух своих людей в маленькой лодочке, которые преподнесли нам в подарок большой хлеб и предложили вернуться на их корабль, чтобы поговорить с нами и наставить нас. Желая отблагодарить их, мы дали им серебряную монету и кусок полотна. В то время как они были у нас, люди на их корабле протягивали нам ветчину и масло, чтобы побудить притти к ним. Мы отправились, и они разъяснили, что мы находимся только еще у восточной

стороны Кандинес. Мы достали и показали им нашу карту, но по ней они объяснили нам, что мы находимся к востоку от Белого моря и Кандинес. Когда мы поняли это, нас охватила тревога, что нам предстоит еще проделать такой длинный путь и пройти Белое море, а всего более беспокоились мы о товарищах, бывших на меньшей лодке; нас тревожило также, что, проплыв двадцать две мили по морю, мы продвинулись так мало, и что нам еще предстоит пересечь устье Белого моря с таким малым запасом продовольствия. Поэтому капитан купил у русских три мешка муки, пять четвертей свинины,[442] глиняный горшок русского масла и боченок меду, в качестве продовольствия для нас и наших товарищей. Между тем прилив кончился, и мы, поставив паруса, пошли с отливом тем путем, каким пришла к нам русская ладья, в море; при попутном юго-восточном ветре мы держали на на NNW. Тут мы заметили выдающийся мыс,[443] который сочли было за Кандинес, но, продолжая плавание, увидели, что земля тянется на северо-запад. Под вечер, когда солнце было на северо-западе, мы заметили, что подвигаемся на веслах слабо и что течение почти спало. Поэтому мы остановились и сварили кашицу из муки и воды, которая с прибавкой свиного жира и небольшого количества меда показалась нам отменно вкусной.[444] Но мы сильно беспокоились о своих товарищах, не зная, где они находятся.

17 августа, стоя на якоре, мы на самой заре увидели русскую ладью, шедшую из Белого моря. Заметив ее мы пошли к ней на веслах, чтобы получить какие-либо сведения. Когда мы приблизились к русским, они сами тотчас дали нам большой хлеб и, как могли, пояснили знаками, что разговаривали с нашими товарищами и что их было в лодке 7 человек. Так как мы с трудом понимали и не могли поверить этому, то они разъяснили то же самое более наглядными знаками, поднимая 7

пальцев и указывая на нашу лодку. Этим они хотели дать понять, что видели такое же открытое суденышко и продали нашим хлеба, мяса, рыбы и другого. Стоя у их ладьи, мы увидели маленький компас; русские показали нам его, и мы узнали компас нашего главного боцмана. Надлежаще поняв все, мы спросили русских, как давно это было и где они нашли наших товарищей. Они показали знаками, что это было накануне. Говоря короче, русские выказали нам большое расположение; поэтому мы расстались с ними с благодарностью, радуясь, что наши товарищи получили от них продовольствие. О нем мы больше всего беспокоились, зная, как немного его у них было, когда мы расстались. Мы усердно налегали на весла, стараясь их догнать, так как боялись, что они получили от русских мало продовольствия, и желали им уделить из своего. После того как мы целый день гребли вдоль берега, около полуночи мы нашли ручеек пресной воды. Мы вышли здесь на сушу, запаслись свежей водой и набрали ложечной травы. Однако, когда мы стали готовиться к отходу, нам пришлось тут остаться, так как отлив кончился. Мы старательно высматривали, не покажутся ли нам Канднnес и пять крестов, о которых нам говорили русские, но не видели ничего.

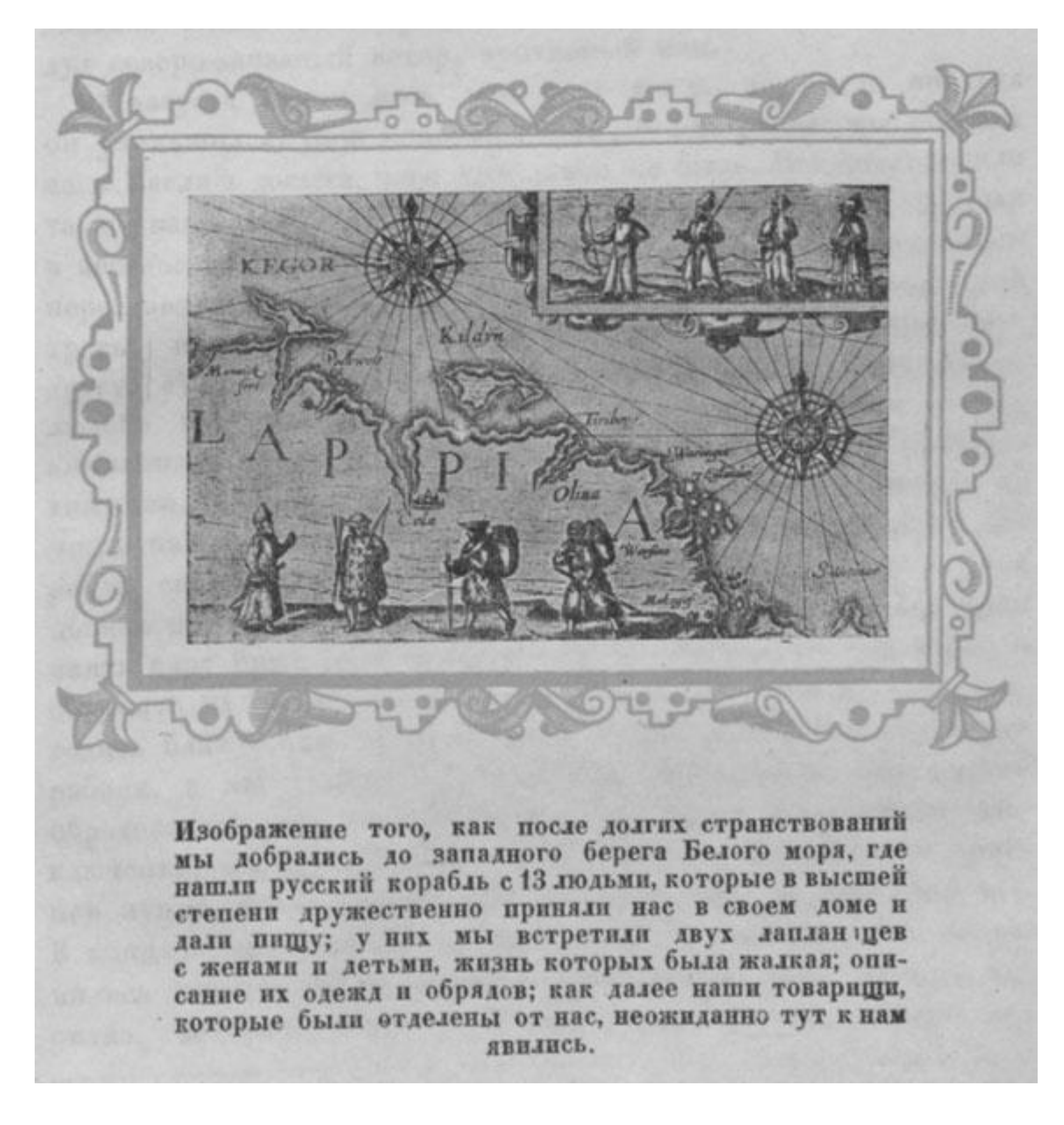
18 августа утром, около того времени, когда солнце было на востоке, мы, готовясь продолжать путь, подняли камень, служивший нам вместо якоря, и пошли затем на веслах вдоль материка. Когда солнце было на юге, мы заметили выдающийся мыс, а на нем что-то похожее на кресты. Около того времени, когда солнце было на западе, мы убедились, что земля тянется на запад и юго-запад; по этим примерам мы с достоверностью признали этот мыс за Кандннес, лежащий у устья Белого моря, которое нам предстояло пройти и к которому мы так стремились. Этот мыс можно было легко узнать, как по

стоящим на нем пяти крестам, так и по тому, что стороны его обращены одна к юго-востоку, другая к юго-западу. Когда мы собирались уже плыть отсюда к западной стороне Белого моря, к Норвежскому берегу, то заметили, что из одного боченка пресная вода почти вытекла. Так как нам предстояло пройштипо морю сорок миль, прежде чем мы встретим пресную воду, то мы хотели вернуться к земле и запастись водой, однако мы не посмели сделать этого, ибо со всех сторон поднимались сильные волны; поэтому, заполучив попутный северо-восточный истер, пренебрегать которым не следовало, мы отправились в путь около того времени, когда солнце было на северо-западе. Всю эту ночь и следующий день мы счастливо и успешно шли под парусами, так что за все это время брались за весла только на полтора часа. В следующую ночь плавание было также успешно, и утром, когда солнце было на ONO, мы увидели землю по левую сторону Белого моря. Но раньше чем мы заметили ее, мы догадались об ее существовании по шуму прибоя. Увиден далее, что эта земля полна утесами и отлична от плоской песчаной и мало гористой земли, которая находится на восточной стороне Белого моря, мы убедились, что находимся у западной стороны Белого моря, около берегов Лапландии. Мы были рады, что приблизительно в 30 часов прошли через Белое море, имеющее в ширину около сорока миль. Курс же наш был W, при северо-восточном ветре.

20 августа, когда мы подошли к земле, северо-восточный ветер покинул нас, и начался сильный ветер с северо-запада. Заметив, что мы далеко не подвинемся, мы решили пока остановиться за несколькими скалами. Приблизившись к берегу вплотную, мы увидели несколько крестов и изображенные на них знаки,[445] по которым поняли, что тут удобная стоянка для кораблей;

сюда мы и зашли. Едва войдя, мы увидели стоявший там большой русский корабль, к которому и стали грести изо всех сил, а также несколько жилых домов. Мы поставили нашу лодку на якорь в непосредственной близости с кораблем и растянули над ней паруса, так как уже шел дождь. Затем, выйдя на сушу, мы отправились к домам русских, где встретили очень ласковый прием: они отвели нас в комнату, высушили наши мокрые одежды, принесли нам вареной рыбы и дружески предложили поесть ее. В этих маленьких домах жило 13 русских, и они каждое утро выезжали на двух лодках ловить рыбу, двое из них стояли во главе остальных. Они жили очень скудно и ели только рыбу.[446] Когда при наступлении ночи мы стали готовиться к возвращению на лодку, они пригласили капитана и меня остаться в их избушках. Капитан поблагодарил их и вернулся на лодку, а я провел ту ночь у них. Кроме упомянутых 13 человек там были еще два лапландца с тремя женщинами и ребенком, скудно питавшихся остатками, получаемыми от русских, то кусочком рыбы, то несколькими рыбьими головами, что были брошены русскими и принимались ими с большой благодарностью. Их жалкое положение и бедность удивляли даже нас, так как наше положение тоже было жалкое; но было очевидно, что такова их повседневная жизнь. Нам приходилось оставаться там потому, что дул северо-западный ветер, противный нам.

21 августа почти весь день шел дождь, но после полудня он уменьшился. Наш капитан купил свежей рыбы; мы сварили ее и наелись досыта, чего уже давно не было. Мы приготовили также кашицу из муки и воды, ели ее вместо хлеба и пришли в веселое настроение.



Изображение того, как после долгих странствований мы добрались до западного берега Белого моря, где нашли русский корабль с 13 людьми, которые в высшей степени дружественно приняли нас в своем доме и дали пищу; у них мы встретили двух лапландцев с женами и детьми, жизнь которых была жалкая; описание их одежд и обрядов; как далее наши товарищи, которые были отделены от нас, неожиданно тут к нам явились.

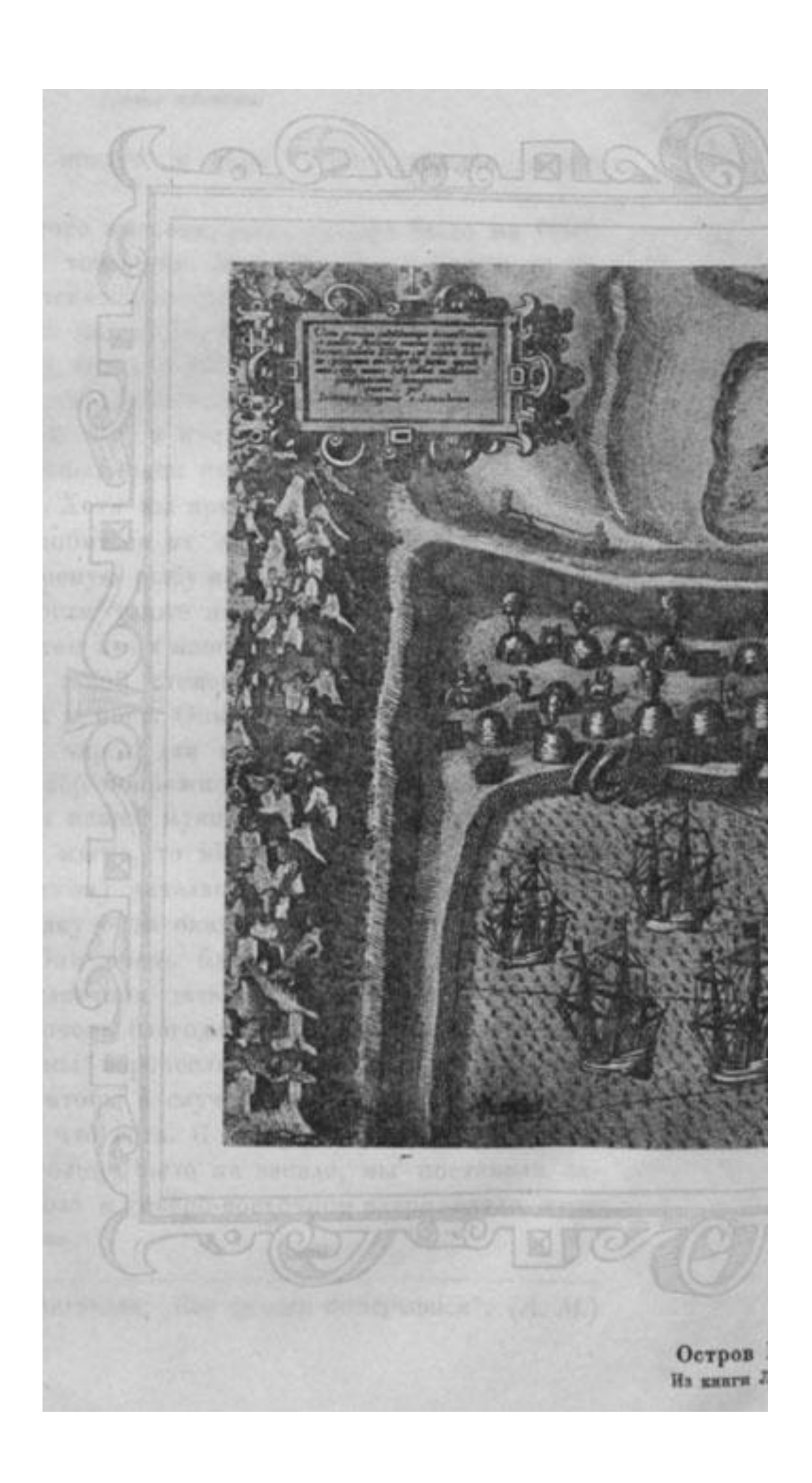
Посте полудня, когда дождь временами переставал, мы выходили гулять, чтобы поискать ложечной травы, и увидели на горе двух человек. Мы говорили друг другу: "По соседству с этими местами должно жить много людей". Они шли нам навстречу, но мы не обратили на них внимания и стали возвращаться к нашей лодке и упомянутым хижинам. А двое мужчин, бывших на горе (они оказались из числа наших товарищей с другой лодки[447]), увидев русский корабль, спустились с горы

купить какой-нибудь еды; но так как попали они туда неожиданно и не захватили денег, то решили снять пару брюк (они надевали их по две или по три пары) и обменять их на еду. Когда они спустились с горы и стали подходить ближе, они увидели нашу лодку рядом с русским кораблем, а мы узнали их. Понятно, что и мы и они сильно обрадовались; мы стали рассказывать друг другу наши злоключения, мы про то, как были в великой опасности и крайней нужде, а они про то, что страдали еще больше, чем мы. В конце концов все благодарили судьбу за то, что опять соединились вместе. Затем, поевши и напившись того чистого напитка, который течет в Рейне мимо Кельна,[448] мы сговорплись, что они придут к нам, чтобы дальше плыть вместе.

22 августа, около того времени, когда солнце было на OSO, к нам явились наши товарищи. Это вызвало у нас великую радость, и мы попросили русского повара, чтобы из мешка муки свалять и испечь нам хлеба, обещая заплатить ему за это; он согласился. Между тем с моря вернулись рыбаки, и наш капитан купил у них четыре большие трески, которые мы сварили и съели. Пока мы ели, к нам пришел главный из русских и, заметив, что мы испытываем недостаток в хлебе, сходил за хлебом и дал его нам. Хотя мы приглашали их отведать с нами пищи, но не могли добиться их согласия, так как у них был пост, а мы полили вареную рыбу некоторым количеством жира или масла. Мы не могли также никоим образом заставить их пить вместе с нами, так как к нашей чаше пристало некоторое количество жира. До такой степени суеверно соблюдают они обряды своей религии и пост. Они также не хотели дать нам какую-либо из своих чарок для питья, боясь как-нибудь запачкать ее жиром. Ветер попрежнему был северо-западный.

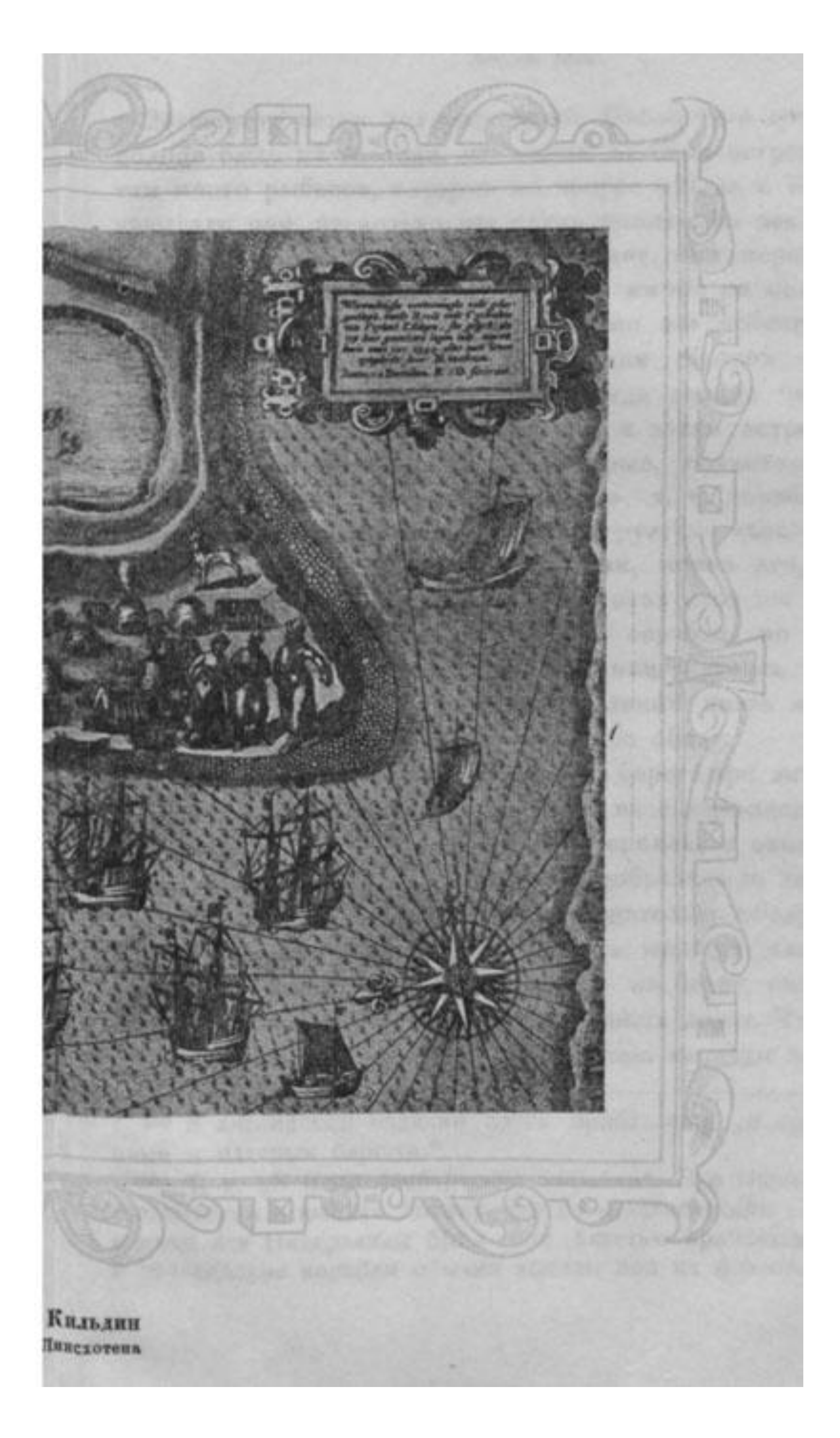
23 августа повар из нашей муки приготовил и испек хлебы. Так как погода стала мягче, то мы приготовились к отъезду. Наш капитан дал русскому начальнику, вернувшемуся с рыбной ловли, изрядно на водку[449] за оказанные нам услуги, а также заплатил и повару. Они очень благодарили нас. Русский начальник попросил у капитана дать ему немного пороху; получив порох, он также очень благодарил. Приготовившись окончательно к отъезду, мы перенести из нашей лодки в другую полный мешок муки, чтобы в случае нашего разделения у наших товарищей было что есть. С наступлением вечера, около того времени, когда солнце было на западе, мы поставили паруса и при полной воде и северо-восточном ветре взяли курс на NW, вдоль побережья.

24 августа ветер дул восточный. Около того времени, когда солнце было на востоке, мы дошли до Семи островов и нашли там много рыбаков, которые на вопрос о Коле и Кильдине показывали нам, насколько мы могли понять, на запад. Всячески желая выказать нам свое расположение, они перебросили нам в лодку треску, уплатить за которую им мы не могли, так как шли с хорошим попутным ветром; но мы поблагодарили их, удивляясь их любезности. Идя таким образом с попутным ветром, мы около того времени, когда солнце было на юго-западе, миновали Семь островов[450] и затем встретили около побережья каких-то рыбаков, которые, подъехав к нам на веслах, спросили, где наш "crabble", т. е. корабль. Мы, насколько могли удачно, ответили по-русски: "Crabble propal>, т. е., что мы потеряли корабль. Они, поняв это, закричали: "Tot Cool Brabanse crabble".[451] Из этих слов мы поняли, что в Коле есть какие-то



Остров

Из книги Л


Кильдин
Линсхотена

нидерландские корабли, но не придали этому большого значения, так как намеревались итти в Вардехуз, опасаясь, что русские или великий князь могут причинить нам в своих пределах какую-либо обиду.

25 августа, идя под парусами вдоль берега при юго-восточном ветре, мы около полудня усмотрели на северо-западе Кильдин. Мы прошли между Кильдином и материком, и около того времени, когда солнце было на SSW, добрались до западной оконечности Кильдина. Тут мы стали тщательно обозревать местность, с целью увидать какие-нибудь жилища или людей, но заметили только ладьи, вытащенные на берег, около которых нашли удобное место для стоянки наших лодок. Чтобы узнать, находятся ли тут какие-либо люди, наш капитан высадился на берег и заметил пять или шесть хижин, населенных лапландцами. Он спросил их: "Кильдин ли это?" Те ответили: "Да, Кильдин", и рассказали, что в Коле находятся брабантекие корабли, два из которых в этот день готовятся выйти в море. Мы, согласно нашему решению итти в Вардехуз, отплыли отсюда около того времени, когда солнце было на WSW при юго-восточном ветре; вскоре однако этот ветер настолько усилился, что мы не рискнули остаться на ночь в море. Волны достигали такой высоты, что, казалось, каждая из них в любой момент могла поглотить наши лодки. Поэтому мы пошли в направлении к материку и укрылись за двумя скалами. Забравшись туда, мы нашли маленькую хижину, в которой были три человека с большой собакой. Они приняли нас дружески и спросили о нашем положении и о том, как мы туда попали. Мы ответили, что потеряли свой корабль и пришли поискать другого, на котором могли бы добраться до Голландии. Они сообщили нам то же самое, что мы раньше слышали от русских, а именно, что там[452] находятся три корабля, из которых два готовятся выйти в море в тот день. Тогда мы спросили их, не хотят ли они пойти с одним из нас пешком в Колу посмотреть, нет ли там кораблей, которые могут нас доставить в Голландию, и обещали заплатить за это. Они извинились, что не могут итти, но

хотели проводить нас за гору, где мы можем найти лапландцев, которые вероятно охотно пойдут с нами. Так и вышло. Капитан, взяв одного из наших, перешел с ними через гору. Они нашли лапландцев и наняли одного из них, чтобы пойти с одним из наших, предложив в награду две серебряные монеты по 8 реалов. Лапландец, взяв ружье, еще в тот же день к ночи пошел с нашим товарищем, у которого был багор с лодки. Ветры были с O и ONO.

26 августа, в приятную и ясную погоду, при юго-восточном ветре, мы вытащили наши лодки на берег и выгрузили их содержимое для проветривания, сами же пошли к русским погреться и сварить бывшую у нас пищу. Мы опять стали принимать ее дважды в день, учитывая, что теперь с каждым днем будем встречать все больше и больше людей. Мы пили русский напиток, называемый ими quas, приготовленный из кусков черного хлеба. Это питье показалось нам вкусным, так как мы давно уже не пили ничего кроме воды. Некоторые из нас пошли вглубь страны, где нашли синие ягоды и морошку;[453] мы их собирали, ели и признали не бесполезными, ибо воочию замечали, что освобождаемся от цынги. Продолжался юго-восточный ветер.

27 августа погода была мрачная. С N и NNW поднялась сильная буря, так что, остановившись на слишком низком берегу, мы принуждены были (особенно когда наступила полная вода) подтащить лодки выше на сушу. Когда они были поставлены достаточно высоко и в безопасном месте, мы пошли к русским, чтобы погреться у их огня и сварить себе что нужно. Между тем капитан послал одного из наших на берег к лодкам развести огонь, чтобы, когда мы туда придем, у нас был огонь без дыму. Посланный пошел туда, а за ним следовал другой. В это время вода настолько прибыла, что обе лодки

оказались в воде и были в большой опасности, так как в одной лодке было только два человека, а в другой трое; лишь с большим трудом им удавалось отталкиваться от берега, чтобы лодки не разбились о него. Увидя это, мы сильно беспокоились, но не могли им помочь. Все же мы утешались тем, что даже в случае гибели лодок мы сумеем теперь добраться домой. В этот день и следующую ночь шел сильный дождь, доставлявший нам большую неприятность, так как мы совершенно промокли и не могли от него ни защититься, ни укрыться. Однако бывшие в лодках подвергались еще большей опасности, так как вынуждены были в такую погоду оставаться вблизи берега.

28 августа, в сносную погоду, мы вытащили лодки на берег, чтобы вынуть то, что в них оставалось, и избежать опасности, которой они подвергались, ибо с севера и северо-запада все еще дули сильные ветры. Вытащив лодки, мы растянули над ними паруса, чтобы защититься от дождя и тумана. С большим нетерпением ожидали мы возвращения нашего товарища, ушедшего с лапландцем разведать, нет ли в Коле кораблей, на которых мы могли бы вериться в Голландию. Пока же, оставаясь тут, мы каждый день выходили собирать синие ягоды и морошку, от которых получали большую пользу.

29 августа, также в сносную погоду, мы терпеливо ожидали приятного известия из Колы и все посматривали на гору и окрестности -- не увидим ли лапландца с нашим товарищем. Вышло так, что в этот день мы опять пошли к русским сварить себе пищу на их огне и уже возвращались ночевать на лодки, как вдруг увидели лапландца, спускающегося с горы без своего спутника. Это нас удивило и встревожило; однако, подойдя к нам, лапландец подал письмо, адресованное нашему капитану. Оно было вскрыто в нашем присутствии и имело следующее содержание.

Написавший его очень удивлен нашим прибытием, так как перестал уже и думать о нас, считая, что мы давно погибли; поэтому он сильно радуется нашему приезду и обещает немедленно приехать к нам и привезти все необходимое для нашего подкрепления. Мы не могли достаточно надивиться, что это за человек, выказывающий нам столько расположения и дружбы, и не могли припомнить, кто он, хотя из письма видно было, что это наш знакомый. На письме была подпись Яна Корпелиссона Рипа, но мы и подозревать не могли, что это тот Ян Корнелиссон, который в прошлом году предпринял вместе с нами плавание на другом корабле и расстался с нами около Медвежьего острова. Получив это радостное известие, мы отдали лапландцу условленные деньги, и кроме того дали брюки и кое-что другое из платья, так что он оказался одетым совершенно на голландский манер. Мы считали себя уже у надежной пристани, а поэтому весело поели и пошли спать. Нельзя не отметить также быстрого возвращения лапландца. По словам нашего товарища, на путешествие в Колу, притом быстрым шагом, они потратили два дня и столько же ночей, а обратный путь лапландец проделал в один день, что привело нас в изумление. Таким образом получалась разница в один день, и мы говорили друг другу, что он должно быть знает какие-то заговорные чары.[454] Он принес нам куропатку, которую дорогой убил из ружья.

30 августа погода была довольно сносная; мы все еще недоумевали, кто это Ян Корнелиссон, который прислал письмо. Среди разных разговоров, зашедших по этому поводу, было высказано предположение, что это тот, кто предпринял с нами плавание в прошлом году. Но это мнение держалось не долго, потому что мы так же отчаивались в спасении его жизни, как и он в нашей, считая, что ему выпала еще худшая доля и он уже давно

погиб. Наконец капитан сказал: "Я пороюсь в адресованных ко мне письмах, там имеется одно с его подписью, оно уничтожит у нас всякое сомнение". Рассмотрев это письмо, мы удостоверились, что это тот самый Ян Корнелиссон. Тут мы так же обрадовались его спасению, как он мог радоваться нашему. В то время как у нас шел этот разговор и некоторые все еще не верили, что это наш Ян Корнелиссон, подгребла русская лодка, в которой был сам Ян Корнелиссон вместе с нашим товарищем, посылавшимся с лапландцем. Когда они вышли на берег, то настало общее ликование, так как все мы спаслись от смерти; он считал нас уже давно погибшими, а мы в свою очередь то же самое думали про него. Он привез нам полный боченок роствикского[455] пива, вина, водки, хлеба, мяса, ветчины, семги, сахара и много другого, что нас очень подкрепило и поддержало. Мы рады были столь неожиданной встрече и счастливому исходу.

31 августа продолжалась та же погода; ветер был восточный, но к вечеру он стал дуть с суши. Поэтому мы приготовились к отплытию в Колу, принеся предварительно горячую благодарность русским за ласковый прием и вознаградив их деньгами. Ночью, около того времени, когда солнце было на севере, мы отплыли отсюда при полной воде.

СЕНТЯБРЬ 1507

1 сентября утром, когда солнце было на востоке, мы добрались до левой[456] стороны реки[457] Колы и, войдя в нее под парусами, шли дальше на веслах, пока не кончился прилив. Тогда, выбросив камень, служивший нам вместо якоря, мы пристали у одного мыса, чтобы выждать начала прилива.[458]

Около полудня мы продолжали путь под парусами и плыли почти до полуночи; затем, отдав наш каменный якорь, мы остановились до зари.

Изображение Кильдина и того, как мы пришли к трем русским, жившим в маленькой хижине и, узнав тут, что мы находимся недалеко от Колы, попросили показать нам лапландцев, одного из которых наняли за деньги пойти с одним из наших в Колу посмотреть, нет ли там каких-либо кораблей, готовых к отплытию в Голландию; как Ян Корнелиссон, который в прошлом году был вместе с нами, оказался там со своим кораблем. Он доставил нам все необходимое: вино, пиво, хлеб, масло и другое тому подобное для нашего подкрепления, и как мы с ним прибыли в Колу. Далее положение города и гостиного двора, и как русские, собираясь переходить из одной реки в другую, несут свои лодки на плечах.

2 сентября утром мы пошли на веслах вверх по реке[459] и заметили на берегу ее зеленеющие деревья. Это обрадовало нас, как будто мы попали в какой-то новый мир, ибо с тех пор как мы выехали, мы не видали никаких деревьев. Добравшись до солеварен,

находящихся приблизительно в трех милях[460] от Колы, мы остановились на некоторое время и передохнули, а затем двинулись дальше и около того времени, когда солнце было на северо-западе, добрались до корабля Яна Корнелиссона; мы взошли на корабль и выпили. Тут отвели душу и ехавшие на лодках и те, кто в прошлом году плавал с Яном Корнелиссоном. Затем мы отправились на веслах дальше и к ночи прибыли в Колу. Здесь некоторые отправились на берег, другие же остались в лодках для охраны того, что в них было. Мы послали им съестные продукты, приготовленные из молока, и другие. Мы очень радовались, что избавились от стольких опасностей и трудностей и прибыли сюда; теперь мы считали себя уже в достаточно безопасном месте и чувствовали себя как дома, несмотря на то, что когда-то эти места были нам до такой степени неизвестны, что считались как бы за пределами мира.

3 сентября мы выгрузили все наше имущество и отдохнули от перенесенных трудностей пути, голода и бедствий, чтобы опять запастись здоровьем и силами.

11 числа,[461] с разрешения боярина[462] великого князя,[463] мы перетащили наши лодки в гостиный двор[464] и оставили их там на память о столь продолжительном и до тех пор небывалом плавании, проделанном нами в открытых лодках на протяжении приблизительно четырехсот миль по морю и по его берегам до Колы, чему не могли достаточно надивиться жители этого места.

15 сентября все мы, взяв свое имущество, отправились на русской ладье вниз по реке[465] до корабля Яна Корнелиссона, стоявшего приблизительно в миле оттуда,[466] а в полдень пошли на этом самом корабле вниз по реке, пока не прошли самую узкую часть его, приблизительно на половине по реке.[467] Здесь мы

поджидали Яна Корнелиссона и нашего капитана, обещавших догнать нас на следующий день.

17 сентября под вечер прибыли Ян Корнелиссон и наш капитан, а на следующий день, около того времени, когда солнце было на востоке, мы вышли из устья реки Колы в море, чтобы плыть домой. Выйдя из реки, мы пошли под парусами вдоль побережья на NWtN, ветер был юго-западный.[469]

19 сентября около полудня мы прибыли в Вардехуз, где стали на якорь и сошли на берег, так как Ян Корнелиссон хотел принять на корабль много товаров, и оставались тут до 6 окхября. В это время дули сильные северные и северо-западные ветры. За время нашего пребывания здесь мы еще больше отдохнули; мы желали оправиться от болезней и стать покрепче, но для этого надо было время, так как мы были чересчур истощены.

6 октября под вечер, когда солнце было на юго-западе, мы покинули Вардехуз и начали плавание в Голландию. Так как этот путь общеизвестен, то я не счел нужным распространяться о нем. Скажу только, что 29 октября при ветре с ONO мы вошли в Маас, на следующий день утром высадились в Масланте[470] и через Дельфт, Гагу и Гарлем 1 ноября около полудня прибыли в Амстердам, одетые в то же платье, которое носили на Новой Земле, и в шапках, подбитых песцовыми шкурами, и вошли в дом Питера Гасселера, который был одним из представителей юрода Амстердама по части снаряжения кораблей Яна Корнелиссона и нашего. Очень многие удивлялись нашему возвращению, так как считали нас давно уже погибшими. Слух об этом распространился по городу и дошел даже до дворца принца, где в то время угощали обедом высокопоставленных лиц: канцлера и посла его величества короля Дании, Норвегии, Готов и Вандалов.[471] Поэтому бургомистр[472] и два члена городского совета позвали нас, и тут, в присутствии

упомянутого посла и консулов, мы рассказали про наше плавание и про перенесенные опасности; затем те из нас, кто были местными жителями, разошлись по домам, а остальные были отведены в назначенную им гостиницу, где пробыли несколько дней, получили плату и наконец отправились к своим.

Имена тех, кто вернулся из этого плавания, следующие: Яков Гемскерк -- комиссар и капитан, Питер Питерсон Фос, Геррит Де-Фер, магистр Ганс Фос -- цирульник-врач, Яков Янсон Штерренбург, Ленарт Гендриксон, Лаурент Видлемсон, Ян Гиллебрандсон, Яков Янсон Гоогвуд, Питер Корнелиссон, Ян фан Буйзен, Яков Эвертсон.[473]

Конец третьего плавания

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Автор подразумевает Нидерланды. *(А. М.)*

[2] Колумб (1451--1506) открыл Америку. Кортец (1485--1547) -- завоеватель Мексики. Магеллан (1470--1521) первый совершил путешествие вокруг света. В голландском оригинале (и немецком переводе) вместо Колумба стоит Nonius, под которым разумеется вероятно Vasco Nunez de Balboa (1475--1517), открывший в 1513 г. Тихий океан. *(А. М.)*

[3] Киликия -- горная область Малой Азии. Текст вероятно представляет перефразировку римского биографа Александра, Курцила Руфа (I в. н. э.). *(А. М.)*

[4] Т. е. между Новой Землей и Шпицбергеном, который голландцы считали за часть Гренландии.

[5] Подразумевается Карское море.

[6] На самом деле Шпицберген.

[7] Утверждение автора, что на Новой Земле олени не водятся, неправильно. Они неоднократно были замечены даже на крайнем севере Новой Земли.

[8] Баренц. Его имя было Виллем Барентзоон, т. е. Вильгельм сын Барента или Бернарда (около 1560--1597 гг.), но в обычном сокращении это писалось Баренц (Barentsz). *(А. М.)*.

[9] Новой Земли.

[10] Т. е. адмирала. *(А. М.)*

[11] Ныне Энкхейсон.

[12] Рукав, соединяющий Зюйдерзее с Северным морем.

[13] 29 май 1594 года.

[14] Автор всюду употребляет "новый стиль", который в конце XVI века был уже введен в Голландии.

[15] Остров вблизи Мурманского берега.

[16] Курс корабля и направление ветра всюду даются по английскому переводу сочинения Де Фера.

[17] В тексте всюду приводятся голландские мили. Одна голландская миля равна четырем морским (английским) милям.

[18] Продолжительность морских вахт составляла во времена Баренца, как и теперь, 4 часа. Первой считалась вахта от 20 часов до полуночи.

[19] Астрономический крест, или градшток (голландск. graedt boogh) -- старинный угломерный инструмент, которым мореплаватели пользовались для измерения высот солнца.

[20] В английском переводе WtN, но, повидимому, следует WtS.

[21] Мореплаватели делят окружность на 16 румбов ("делений") по 11 1/4®. В данном случае Де-Фер под одним "делением" понимает два румба, т. е. 22 1/2®.

[22] 2 3/4 деления соответствуют 61,9® (2 3/4 X 22 1/2 = 61,9). Откладывая это число градусов влево от SO и

вправо от WtS (при этих азимутах Баренц определял высоту солнца), получаем S 16,9® W. Это определение магнитного склонения не приведено в "Каталоге магнитных определений в СССР" (изд. Главной Геофизической обсерватории, 1929), где помещен ряд других определений Баренца.

[23] В голландском тексте: "ночью" (des nachts). *(А. М.)*

[24] В оригинале 95®. Ошибка исправлена в опечатках сзади латинского текста. В итальянском переводе, сделанном с латинского, сохранено 95®. *(А. М.)*

[25] Лангенес можно отожествить с мысом Сухой Нос, как это и делает Ф. Литке (Четырехкратное путешествие в Сев. Ледовитый океан, I, 1828, стр. 28). Описание этого мыса, даваемое Де-Фером, сходится с таковым в лоции: "этот мыс далеко выдается в море и побережья его невысоки" (Н. И. Евгенов, Лоция Карского моря и Новой Земли, 1930). Северная оконечность Сухого Носа лежит а широте 73®48' N, тогда как по Баренцу широта этого мыса около 73®25' N. В определение Баренца, сделанное по полуночной высоте солнца, могла вкрасться значительная ошибка.

[26] Губа Софронова.

[27] В немецком переводе прибавлено: который далеко простирается в мире. *(А. М.)*

[28] Вероятно Мелкий залив.

[29] В английском переводе "не очень высоко над уровнем моря".

[30] В английском переводе прибавлено слово "маленький".

[31] Этот мыс (Капо Баксо) есть повидимому мыс Лаврова современных карт. Хотя этот мыс и описывается в лоции Н. И. Евгенова как обрывистый, высотой до 100 футов, но, с другой стороны, имеющееся в той же лоции указание, что этот мыс хорошо опознается по находящейся на нем "остроконечной возвышенности",

хорошо совпадает с указанием Де-Фера на "заостренный холм, который можно было хорошо различить". Расстояние от Сухого Носа (Ламс) до мыса Лаврова (Капо Баксо) составляет 18 миль; Де-Фер дает 16 миль.

[32] Мыс Стенового

[33] Ломсбэй мы отожествляем с Северной Сульменевой губой, а не с Крестовой губой, как это делает Литке (op. cit., p. 28). Даваемые Де-Фером расстояния между различными точками довольно хорошо согласуются с нашим предположением. Так, расстояние от Северной Сульменевой губы до п-ова Адмиралтейства (мыс Спидилл) равно 30 милям, а Де-Фер дает 24--28 миль; в случае отожествления Ломсбэй с Крестовой губой (расстояние 45 миль) расхождение было бы гораздо больше. Далее у мыса Прокофьева (Крестовая губа) нет никакого острова, тогда как у мыса Черницкого (Северная Сульменева губа) расположен остров Черницкого, который находится притом не в губе, а, как и указывает Де-Фер, "в море". В Крестовой губе не имеется базара кайр (Г. П. Горбунов, Птичьи базары Новой Земли. Труды Института по изучению Севера, вып. 26, 1925, стр. 10), тогда как недалеко от Северной Сульменевой губы (на Птичьем мысу) таковой имеется. Наконец между Мелкой губой и Крестовой губой нет упоминаемых Де-Фером двух заливов, тогда как между Мелкой губой и Северной Сульменевой губой расположены Крестовая губа и Южная Сульменева.

[34] Расстояние между Мелкой губой и мысом Стенового, определенное Де-Фером в 20 миль, составляет на самом деле 27 миль.

[35] Губа Крестовая и Южная Сульменева губа.

[36] Эта якорная стоянка (у о-ва Афанасьева) отмечена на карте Северной Сульменевой губы, составленной по описи с экспедиционного судна "Персей" в 1926 г. (см. Лоцию Карского моря и Новой Земли).

[37] Имеется в виду кайра *(Uria lomvia lomvia)* В голландском издании книги Де-Фера имеется изображение кайр в Ломсбэй с пояснением; "кайры или северные попугаи" (Lommen, ofte Noordtsclie Fapegayen).

[38] Мыс Черницкого (C. de Plantius на маленькой карте в голландском издании сочинения Де-Фера).

[39] Остров Черницкого.

[40] На самом деле Северная Сульменева губа (середина входа в губу) лежит под 74®27' сев. широты.

[41] Острова Адмиралтейства в настоящее время не существует, а есть полуостров Адмиралтейства. Интересно, что Де-Фер описывает восточные берега острова, вследствие чего сомнения, что мореплаватели приняли полуостров за остров, должны отпасть. Очевидно, превращение острова в полуостров явилось результатом общего поднятия суши Новой Лемли. Литке (op. cit.) пишет про остров Адмиралтейства следующее: "Остров сей промышленники наши называют Глазовым или Подшиваловым. Откупщиков [промышленник] описывает его точно таким, каким мы его нашли прошлого года (1822), то есть окруженным на большое расстояние мелью. В проходе между им и матерым берегом так мелко, то никакое судно пройти не может". Между тем судно Баренца еще могло пройти через этот пролив. В. Русанов, посетивший полуостров Адмиралтейства в 1909 году, пишет: "Этот низменный и плоский полуостров, бывший во времена Баренца островом соединяется с Новой Землей столь же низменным и широким перешейком". (Материалы по изучению Новой Земли, I, 19l0, стр. 13).

[42] В латинском оригинале fugienda -- которого надо избегать. В немецком переводе это место опущено. *(А. М.)*

[43] В лоции Н. И. Евгенова говорится: "Берега полуострова Адмиралтейства окаймлены во многих местах рифами".

[44] Черный мыс Де-Фера можно отождествить с Черным мысом современных карт. Расстояние от полуострова Адмиралтейства (мыс Николая) до Черного мыса равно 35 милям, Де-Фер дает 20--24 мили. Широта мыса Черного равна 75®30' N, тогда как Баренц определил ее в 75 20' N.

[45] Илисто-песчаный бар около Амстердама, обычно называвшийся Пампус.

[46] Залив Вилькицкого.

[47] Небезынтересно следующее место из статьи В. Русанова "К топографии Новой Земли" (Материалы по изучению Новой Земли. II, 1911, 37): "На этом хребте (заливе Вилькицкого), на высоте 509 м над уровнем моря, стоят знаки -- две небольшие каменные пирамиды, поставленные может быть норвежцами, а может быть и теми русскими, которые поставили крест у Черного мыса".

[48] Под островом, называемым Де-Фером островом Виллема, следует понимать не остров Вильгельма современных карт, а остров Берха. Это явствует прежде всего из того, что расстояние между Черным мысом и о-вом Виллема (т. е. о-вом Берха) оценивается Де-Фером в 28--32 мили, в действительности равно 28 милям, т. е. совпадение очень хорошее. Между тем расстояние между Черным мысом и о-вом Вильгельма составляет только 17 миль. Ниже Де-Фер говорит, что расстояние между о-вом Виллема (т. е. о-вом Берха) и Крестовым о-вом (имеется в виду о-в Пинегина) равно 12 милям, а на самом деле оно составляет 15 миль (считая от южной оконечности о-ва Берха); снова хорошее совпадение. Между тем расстояние между о-вом Вильгельма и Крестовым о-вом равно 25 милям. Далее следует отметить, что никакой

хорошей якорной стоянки (о которой упоминает Де-Фер) у о-ва Вильгельма не имеется, тогда как у о-ва Берха таковая имеется (у SO-го берега). Наконец, о-в Вильгельма не богат плавником, а на о-ве Берха его очень много. Остров Виллема (Willems Eyland) назван повидимому в честь Виллема Баренца. Литке переделал его имя в немецкое Вильгельм.

[49] Очевидно ошибка. Вместо "в 1/2 мили расстояния" следует "на полурасстоянии". Имеется в виду небольшой остров Вильгельма современных карт, лежащий примерно на полпути между Черным мысом и о-вом Берха (несколько ближе к последнему). Это место книги Де-Фера еще раз подтверждает, что пол о-вом Виллема следует разуметь о-в Берха, ибо между Черным мысом и о-вом Вильгельма никакого острова нет.

[50] Квадрант Девиса, вошедший в употребление в конце XVI века и постепенно вытеснивший менее совершенный астрономический крест (градшток).

[51] В оригинале и переводных текстах вместо "зенитное расстояние" ошибочно сказано "высота солнца".

[52] В английском переводе высота 53®6', а широта 75®55'. Географическая широта о-ва Берха (середина острова) по современной карте 75®54', т. е. в точности совпадает с определением Баренца.

[53] Архангельская губа. В оригинальном голландском издании Berenfort. Комментатор английского издания полагает, что правильнее правописание этого слова Beren-voert. Слово voert Де-Фер в другом месте употребляет в смысле "бухта". Во всяком случае толкование слова Berenfort в смысле "Медвежий форт" едва ли правильно. Литке отожествляет Berenfort с Горбовым становищем, к чему, на наш взгляд, достаточных оснований не имеется. Если бы голландцы посетили становище, то Де-Фер, конечно, не преминул

бы упомянуть о следах людей, как он это делает в других местах своего сочинения.

[54] В латинском издании Cruciferum. В голландском оригинале Het Eyland mette Cruycen -- остров с крестами. Речь идет о западном из двух Крестовых островов современных карт, как это будет видно ниже из плавания в 1597 году. Остров получил свое название по находившимся на нем крестам, поставленным русскими промышленниками. Это самые северные обнаруженные Баренцом следы пребывания русских на Новой Земле.

[55] В голландском оригинале: "den Hoeck von Nassowen".

[56] Расстояние между Крестовыми островами и мысом Нассау по современным картам равно 39 милям, Де-Фер же дает 32 мили. Впрочем, в районе между Сухим Носом и мысом Нассау Баренц почти всюду преуменьшил расстояния, что можно объяснить действующим у западных берегов северного острова Новой Земли нордостовым течением.

	Баренц	В действительности
Сухой Нос -- мыс Лаврова	16	18
Мелкая губа -- Сев. Сульменева губа	20	27
Сев. Сульменева губа -- п-ов Адмиралтейства	24--28	30
П-ов А̀чмиралтейства -- мыс Черный	20--21	35
Черный мыс -- о-в Берха	23--32	28
О-в Берха -- о-в Крестовый	12	15
О-в Крестовый -- мыс Нассау	32	39

[57] В английском переводе курс ошибочно указан N.

[58] В голландском оригинале "Schovsrseylen" -- нижние паруса.

[59] В голландском оригинале "Een veltys" -- ледяное поле.

[60] В английском переводе 60 саженей.

[61] В итальянском переводе 1/6.

[62] Широта места равнялась следовательно 76®55' N.

[64] В голландском оригинале: "Cape des Troosts". И английском издании: "при мягком грунте".

[65] Это число стоит в голландском оригинале, но оно ошибочно, следует 76®15'. В немецком переводе цифры даны несколько иные: высота солнца 6®45', склонение 19®50'; вычитая первое из второго, получаем 13®5', а отнимая это число от 90®, определим высоту полюса в 76®55'.

[66] На самом деле 57®6' представляет собой не высоту солнца над горизонтом, а зенитное расстояние.

[37] Здесь Де-Фер вполне определенно утверждает, что мыс Ледяной есть крайняя северная оконечность Новой Земли (De aldernoordelijckste hoeck van Nova Sembla genaemt Is hoeck), т. е. мыс Карлсена современных карт. Определенная Баренцом географическая широта этого мыса в точности совпадает с действительной. Впоследствии картографы название "мыс Ледяной" неправильно присвоили мысу, лежащему к юго-западу от северной оконечности Новой Земли. Это было сделано повидимому на том основании, что мыс Карлсена свободен от ледников, тогда как мыс Ледяной современных карт представляет собой "вторгающийся в море выступ ледника" (лоция Н. И. Евгенова). Вероятно северная оконечность Новой Земли была названа Баренцом Ледяным мысом по причине находившихся недалеко больших масс морского льда (а не потому, что самый мыс был покрыт глетчером).

[68] Вероятно железный колчедан.

[69] В латинском и английском изданиях: "держали курс на юг", но несомненно правильно в голландском издании: "Oost wel so Zuydelijck", т. е.: "на восток и немного на юг".

[70] Эти острова и на современных картах носят название, данное им Баренцом.

[71] Шведский историк и картограф (1490--1558), автор знаменитой латинской книги "История о северных народах" (1555). *(А. М.)*

[72] Ластами.

[73] В голландском оригинале: "De Weygats ofte Strate de Nassou" (т. е. Югорский Шар),

[74] Как было видно из рассказа Де-Фера, в состав голландской экспедиции 1594 года входило 4 судна. Два из них "Меркурий" и промысловая шлюпка (затем погибшая у берегов Новой Земли), под начальством Баренца, пошли искать проход вокруг северной оконечности Новой Земли, остальные два ("Лебедь" и другой "Меркурий"), которыми командовали Корнелий Най и Брандт Тетгалес, решили искать проход в Карское море у острова Вайгача. На соединение с этими последними кораблями Баренц и решил отправиться.

[75] От северной оконечности Новой Земли до мыса Утешения 85 миль (вместо 120, даваемых Де-Фером). Возможно, что столь крупное расхождение объясняется влиянием встречного течения, которое испытывало судно Баренца.

[76] Проверка этой любопытной приметы на месте могла бы выяснить, действительно ли мыс Утешения Де-Фера есть одноименный мыс современных карт.

[77] Гусиная Земля.

[7S] Вероятно Южный Гусиный Нос.

[79] Остров Подрезов.

[80] Географическая широта острова Подрезова, определяемая Баренцом в 71®20' N, составляет на самом деле 71®26' N.

[81] Оливер Брунель, уроженец Брюсселя, совершил несколько плаваний на север. Во второй половине XVI века он жил в Холмогорах, а затем поступил на службу к известным в то время богачам Строгановым. В период между 1577 и 1580 гг. Брунель, по поручению Строгановых, совершил два путешествия на нижнюю Обь, причем второе путешествие он сделал морем из устья Печоры. Около 1584 года Брунель снарядил собственную экспедицию для плавания Северным морским путем в Китай, но не прошел дальше Вайгача и южной части Новой Земли. В эту экспедицию Брунель очевидно и побывал в Костином Шаре.

[82] Costinesarch, т. е. Костин Шар. Это действительно был северный вход в этот пролив.

[83] В голландском оригинале прибавлено schlechten -- плоскому. В английским переводе небольшому (small).

[84] Crujs-hoeck. Вероятно мыс Хохарей-Сале (северо-западная оконечность острова Междушарского).

[85] В английском издании: "soft grount", в голландском оригинале: "Steek grondt".

[86] Вдоль западного берега Междушарского полуострова.

[87] Возможно, что имеется в виду мыс Костин -- южная оконечность острова Междушарского. Однако в лоции Н. И. Евгенева этот мыс описывается как утесистый, высотой до 30--35 футов, а потому характеристика "мало приметный" к нему едва ли подходит. Не исключено, что во времена Баренца Обманный Шар представлял собою еще пролив. В таком случае упоминаемый Де-Фером мыс следует может быть искать в районе Обманного Шара.

[88] Южный вход в Костин Шар, а может быть и Обманный Шар.

[89] Мыс Шанц (в голландском оригинале: Schans hoeck, в английском издании: Sconce Point) следует искать на полуострове, у которого находится губа Строганова. Повидимому этот мыс можно отожествить с Мучным Носом (как это и делает Литке), около которого находится две скалы (острова Мучные). Скала находится однако и у мыса Черного. Расстояние от мыса Костина до Мучного Носа равно 13 милям, что хорошо согласуется с даваемым Де-Фером расстоянием между мысом Лаврентия и мысом Шанц (12 миль).

[90] Здесь прослеживание пути Баренца по современной карте встречает особенно большие затруднения. Литке полагает, что этот залив (названный голландцами заливом Лаврентия) есть губа Строганова, расположенная в широте 70®48' N, каковая величина весьма близко подходит к определению Баренца (70®45' N, см. ниже)

[91] Если залив Лаврентия есть действительно губа Строганова, то мыс Шанц есть очевидно Мучной Нос (а не Черный мыс), так как Де-Фер говорит, что мыс Шанц лежит к SSO от Строгановой губы. Однако расстояние между губой Строгановой и мысом Шанц, даваемое Де-Фером (8 морских миль), в таком случае преувеличено по крайней мере в два раза.

[92] В голландском оригинале: "Salm vang". Имеется в виду несомненно голец *(Salvelinis alpinus),* промысел которого ведется на Новой Земле и в настоящее время.

[94] В голландском оригинале: "Lodding".

[91] Мучная Гавань (в голландском оригинале Meel-haven) есть повидимому одна из якорных стоянок губы Строгановой. Литке предполагает, что это есть Васильево становище -- крайний северовосточный угол губы Строгановой. В этой губе в конце XVI века жила новгородская семья Строгановых, бежавшая на Новую

Землю по политическим обстоятельствам. "Нет сомнений, -- пишет Литке (op. cit., p. 31), -- что строения эти [т. е. строгановские избы] суть те самые, кои были найдены голландцами".

[95] В английском издании вместо "небольшой" стоит "низкий".

[96] Остров Раковая Лудка, лежащий в 8 морских милях от Мучного Носа, что вполне совпадает с даваемым Де-Фером расстоянием.

[97] Эти слова следует понимать так, что широта места, определенная по солнцу, была равна 70®50' N. Однако эта широта несомненно ошибочна, ибо для залива Лаврентия Де-Фер дает широту 70®45' N, а от этого залива голландцы плыли на SSO (истинный SO).

[98] В английском переводе слово "небольших" отсутствует.

[90] Остров Малой и Большой Саханины. Из текста не вполне ясно, равно ли расстояние между островом Раковая Дудка и островами Саханиными 9--10 голландским милям или четырем. Правильнее повидимому первое, так как по современной карте это расстояние составляет 41 морскую милю (около 10 голландских миль).

[100] Расстояние между "дальним островом" (Большим Саханиным) и берегом Новой Земли указано Де-Фером совершенно правильно (4 морские мили).

[101] Остров Колгуев.

[102] В голландском оригинале: "Marseylen".

[103] Это есть широта места.

[104] Matfloe.

[105] Dolgoy.

[106] "Лебедь" и "Меркурий".

[107] Под названием Вайгач Де-Фер понимает пролив Югорский Шар.

[108] В голландском оригинале een ruyme zee -- открытое море *(А. М.)*

[109] В голландском оригинале lenghte van de revier Ob, в латинском переводе longltudinem, fluminis Obi. На самом деле суда достигли только западных берегов полуострова Ямал.

[110] Мыс Табин -- вероятно географическая фикция. См. М. П. Алексеев, Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1932, стр. 173--174. *(А. М.)*

[111] Staten Eylandt. Это Мясной остров современных карт.

[112] Канин Нос, на старинных картах называвшийся Кандин Нос.

[113] Т. е. широта места.

[114] Варде (в голландском оригинале Wacrhuysen). Крепость Вардехуз, на крайнем севере Норвегии, была построена в 1307 году.

[115] Иоанн Гуго фан Линсхотен (Jan Hughen van Linschoten) родился в Гаарлеме в 1563 г.; в ранней молодости он отправился в Португалию, а оттуда в Индию, где пробыл несколько лет. По возвращении в Голландию он получил поручение принять участие в экспедиции в северные моря. Он плавал туда на корабле "Меркурий" (энкхейзенском), в качестве судового приказчика (comis). Таким же образом сопровождал он и вторую экспедицию и написал о них подробный отчет (первое издание, на голландском языке, появилось в 1601 г.), равно как и о своем путешествии в Индию. Умер в 1633 г. в должности видного финансового чиновника в Эйнкхезене. *(А. М.)*

[116] В Китай.

[117] Петр Планций (Petrus Fiancius уроженец Фландрии, благодаря своим солидным математическим и географическим познаниям много содействовал успеху

различных торговых экспедиций голландцев в первые годы их независимости. *(А. М.)*

[118] В латинском переводе melancholici -- люди с черной желчью: в итальянском переводе пропущено; в немецком -- schwermütige, в английском -- не очень заинтересованные этим путешествием. *(А. М.)*

[119] В английском переводе 350.

[120] Закон понижения температуры воздуха с указанием высоты над уровнем моря Де-Феру не был известен.

[121] Де-Фер ошибочно считает, что главная масса льдов около Новой Земли речного происхождения (а не морского).

[127] В голландском оригинале: "Die opperste Piloot".

[123] В голландском оригинале: "Opper Comis". Яков Гемскерк, уроженец Амстердама, по возвращении из полярных плаваний служил в военном флоте Голландии. В 1607 г. он командовал голландской эскадрой и принимал участие в сражении с испанцами у входа в Гибралтар. В этом бою Гемскерк погиб.

[124] В английском издании: "на восток".

[125] Пропущено в английском переводе. *(А. М.)*

[126] Пропущено в английском переводе. *(А. М.)*

[127] В английском издании NO.

[128] Греческое слово "клепсидра" значит песочные часы. *(А. М.)*

[129] В голландском оригинале "Op de ly legghen"; а в английском: "lying to lee-ward".

[130] Т. е. широта места была равна 71®15' N.

[131] Т. е. широта места была равна 72®20' N.

[132] Trompsont = Troms-oe, на севере Норвегии.

[133] В английском издании: "a rocke or sand".

[134] В немецком тексте прибавлено, что он сломал часть киля. *(А. М.)*

[135] Брандт Тетгалес, известный также под именем Брандта Избрандтзона (Brande Isbrandszoon). Избранд

не был вице-адмиралом, но назван здесь так потому, что состоял помощником начальника экспедиции. "Адмиралом", т. е. начальником всей экспедиции, был Корнелий Най.

[136] Три скалы у северных берегов Норвегии.

[137] В английском издании прибавлено: "with a stiffe" -- при крепком шторме.

[138] Noordtkien -- крайняя северная оконечность европейского материка.

[139] Около двух часов.

[140] Это был торговый корабль, на пути присоединившийся к экспедиции и здесь покинувший ее, чтобы итти в Колу, или в Белое море.

[141] Т. е. широта места

[142] В голландском оригинале: "steeck", в английском издании: "soft".

[143] В голландском оригинале: "steeck", в английском издании: "soft".

[141] В голландском оригинале: "Met veel cleyne stipkens", в английском издании: "wiih small shels".

[145] Т. е. через 1 1/2 часа.

[146] В голландском оригинале: "swarte stipkens", в английском издании: "blacke shels".

[147] Это острова Матвеев и Долгий. Они были открыты Корнелиусом Най во время его плавания в 1594 году.

[148] В голландском оригинале: "steeck grondt met swarte stipkens ghemenght". В английском издании: "good ground mixed with blacke shels".

[149] Weygats, т. е. Югорский Шар.

[150] В английском издании: "soft ground mixed with blacke shels".

[151] В английском издании: "rocks", т. е. скал.

[152] Т. е. у южного берега Югорского Шара:

[153] Т. е. двух часов.

[154] В голландском оригинале: "Beelthoeck". Этот мыс не следует смешивать с Болванским Носом на северо-востоке острова Вайгач. Мыс Идолов можно отожествить с мысом Дьяконова современных карт.

[155] На крайнем севере-востоке бывшей Архангельской губ.

[156] "Traenbay" в голландском оригинале. Эти бухта Варнека современных карт.

[157] В английском издании: "good anchor-ground", т. е. хороший грунт для якоря.

[158] Неправильное выражение, часто употребляемое Де-Фером. 69®21' есть не высота солнца над горизонтом, а широта места. На самом деле бухта Варнека лежит в широте 69®41' N.

[159] Здесь Де-Фер имеет в виду не Югорский Шар, а остров Вайгач.

[160] В голландском оригинале единственное число (schipper). Разумеется, вероятно, Виллем Баренц.

[161] Карское море.

[162] Cruijs-hoeck в голландском оригинале. Это мыс Сухой Нос современных карт.

[163] Twist hoeck, в английском издании ошибочно West Point. Он назван так по причине возникшего здесь при первом путешествии между Наем и Брандтом Избрандтом спора, имеется ли дальнейший проход на восток или нет. Мыс Спора -- мыс Канин современных карт.

[164] В немецком тексте сказано, что ладья "была починена или сшита лыком". В голландском оригинале: met bast tsamen ghenaeyet -- сшитая при помощи лыка. *(А. М.)*

[165] У Линсхотена сказано: "до другой реки, которая по их словам называется Гиллисси" (Gillissy), т. е. до Енисея.

[166] Mermare -- искаженное Нарзомское море, как русские встарину называли южную часть Карского моря. В одной написанной собственноручно Баренцом записке, найденной Пэрчезом (Purchas) в бумагах Гаклюйга (Hakluyt), приводятся следующие данные о море Мермаре (перевод проф. А. Малеина с английского издания 1853 года): "24 августа н. ст. 1595 г. мы говорили с самоедами и спросили их, что за страна и море лежат к востоку от Вайгача. Они сказали, что после пяти дней пути в направлении к северо-востоку мы должны притти к большому морю в направлении к юго-востоку. Это море к востоку от Вайгача, по их словам, называлось Мармория, что значит спокойное море. И люди из Вардехуза сказали то же самое. Я спросил их, есть ли время в году, когда оно замерзает. Они отвечали утвердительно и прибавили, что иногда переезжали по нему на санях. И первого сентября н. ст. 1595 русские на ладье или барке утверждали тоже самое, говоря, что море замерзало иногда настолько, что ладьи или барки, идущие иногда в Енисей (Giehlsidi) из Печоры, принуждены были зимовать там".

[167] В голландском оригинале: "de fock" (англ. foresail).

[168] В английском издании: "чтобы просто простоять там более продолжительное время".

[169] В голландском оригинале: "Samiuten".

[170] Вероятно "переводчик". В английском издании: "interpretor".

[171] Вероятно рассказывавший имел в виду северную оконечность Ямала.

[172] В английском издании вместо "не похожи" стоит "похожи".

[173] В английском переводе: penace -- капитанское судно, фрегат. *(А. М.)*

[174] В немецком тексте прибавлено: "но между ними было тайное недоброжелательство. А накануне повидимому они поспорили довольно сильно". *(А. М.)*

[175] В английском издании: "focke-sayle" (fore-sail).

[176] Звезды β и γ Малой Медведицы назывались мореплавателями того времени "Стражи".

[177] В голландском оригинале: "Staten Eylandt". Это Мясной остров современных карт, называемый также Местным.

[178] Горный хрусталь.

[179] В английском издании: "Gysen".

[180] В голландском оригинале: "ладья" (lodgie).

[181] В английском издании: "with blacke shel". (голл. stippelen).

[182] В английском издании; "with blacke shel".

[183] В голландском оригинале: "de fock", в английской издании "focke-sayle".

[184] В голландском оригинале: "med beyde mars-seylen".

[185] Т. е. в течение четырех часов.

[186] Т. е. до 2 часов утра.

[187] В английском издании "sclioure sayles".

[188] См. предыдущее примечание.

[189] Т. е. в течение восьми часов.

[190] В голландском "Schipper ende comis van de comanschappe".

[191] Участвовал в экспедиции 1595 года.

[192] Jan Cornelisz Rijp. В дальнецшем Де-Фер обычно употребляет Jan Corneliszoon, что отвечает русскому Ян Корнелиевич.

[193] Hitlandt -- голландское название Шетландских островов.

[194] Fyeril -- остров Фер, лежащий между Оркнейскими и Шетландскими островами.

[195] Это не высота солнца, а зенитное расстояние.

[196] Это -- явление гало, особенно часто наблюдаемое в полярных странах. Гало бывают разного вида как около солнца, так и около луны. Иногда видны только круги, иногда же появляются ложные солнца и луны.

[197] Т. е. четырех часов.

[198] Это не высота солнца, а зенитное расстояние.

[199] В голландском оригинале и английском издании приводится высота солнца 38®38', в соответствии с чем арифметические действия приведены также другие. Результат, конечно, тот же: 74® N.

[200] В английском издании: "that it was admirable".

[201] Воды холодного течения около Медвежьего острова своим зеленоватым цветом резко отличаются от синих атлантических вод.

[202] Т. е. одного часа.

[203] Остров Медвежий. Необходимо отметить хорошее определение географической широты острова, произведенное голландцами.

[204] Здесь в латинском издании имеется следующий пропуск: "на этом острове мы определили склонение компаса в 13®, так что оно составляло по меньшей мере один румб". Склонение было несомненно западное.

[205] Т. е. двух часов.

[206] В голландском оригинале: "Maer ten bequani ons niet wel".

[207] Это название сохранилось за островом до настоящего времени. Оно было перенято то также русскими поморами, которые в встарину называли этот остров "Медведь".

[208] Это не высота, а зенитное расстояние.

[209] В голландском оригинале, а также в английском издании, приводится высота солнца 33®37', откуда при склонении 23®26' получается широта места 79®49'. В голландском издании вследствие ошибки в вычислениях приводится однако широта 80®11'. В латинском издании

вычисления сделаны правильно, однако они исходят из высоты солнца 33®15', а не 33®37', как в голландском издании. Причину этого расхождения установить нельзя, а потому нельзя и решить, какой результат правильнее -- 80®11' N или 79®49' N. На карте, приложенной к английскому изданию 1853 г., путь голландских кораблей показан к востоку от Шпицбергена и далее через весь пролив Хинлопен с SO на NW. Предположение, что голландские суда прошли на север у восточных берегов Шпицбергена, кажется нам совершенно невероятным в силу ряда причин. Во-первых, в столь раннее время года (13--19 июня) восточные берега Шпицбергена блокируются тяжелыми льдами, через которые голландские суда несомненно не могли бы пробраться. Во-вторых, в середине июня еще ни одному судну не удалось пройти через пролив Хинлопен, и нет никаких оснований предполагать, что это удалось голландцам. В третьих, Де-Фер нигде не упоминает о прохождении через пролив Хинлопен. В четвертых, голландцы на пути от Медвежьего острова к 80®11' N (или 79®49' N) держали курс на N или NtO; принимая во внимание магнитное склонение в ту эпоху, следует, что от Медвежьего острова суда голландцев шли на N с некоторым отклонением к W, а никак не на NO, как показано на упомянутой карте в английском издании. На переходе от Медвежьего острова к Шпицбергену голландские суда могли быть снесены на запад также течением.

[210] Это был Шпицберген, который голландцы принимали за часть Гренландии.

[211] Определить, в каком именно заливе побывали голландцы, чрезвычайно затруднительно. Описание этого залива по Де-Феру, а также даваемая им географическая широта (79®42' N, см. ниже) скорее

всего подходит к Liefde-Bay, на северном берегу главного острова Шпицбергена.

[212] В голландском оригинале прибавлено: "на глубине 18 сажен".

[213] В голландском оригинале: "Schuijt".

[214] В английском издании: "good anchor ground".

[215] В английском издании: "which shewed also like an island".

[216] В голландском оригинале: "Rotgansen". Это горная казарка (Branta bernicla).

[217] В голландском оригинале здесь имеется следующая фраза: "И 22 июня мы снова были на борту корабля".

[218] Wieringen -- остров на севере Голландии, вблизи Текселя.

[219] В английском издании: "яйца".

[220] На ошибочность этого мнения было указано выше (см. примеч. 7).

[221] Здесь пропущено следующее, имеющееся в голландском оригинале: "ночью мы стали на якорь, и когда солнце было на NO и немного восточнее мы измерили высоту его и нашли, что оно возвышалось над горизонтом на 13®10', склонение его было 23®28'; если отсюда вычесть указанную высоту, то остается 10®18', а если отнять это от 90®, то высота полюса будет 79®42'. В немецком тексте эта широта отмечена, но без приведения расчета.

[222] Т. е определить магнитное склонение.

[223] Следует считать, что магнитное склонение было западное.

[224] Этот абзац отсутствует в английском тексте. В немецком тексте, наоборот, здесь имеется пространное рассуждение о склонении магнитной стрелки даже с чертежами. *(А. М.)*.

[225] Это несомненно пролив между островом Prince Charles Foreland и главным островом Шпицбергена.

[226] Это Птичий мыс - Voel Hoeck -- северная оконечность острова Prince Charles Foreland.

[227] Это не высота солнца, а зенитное расстояние. В английском издании дается высота солнца 38®20'.

[228] В английском издании: "his officers".

[229] Т. е. обогнуть с севера Шпицберген.

[230] Баренц намеревался плыть на восток, но в этом направлении, как видно из текста, находился лед.

[231] Это не высота солнца, а зенитное расстояние. В голландском издании приведена высота солнца 39®27', тогда как в соответствии с приведенным в латинском издании зенитным расстоянием следовало бы 39®33', тем более, что в голландском издании приведена та же широта, что и в латинском (73®20').

[232] В оригинале неясно: nosesse recte ad Austruin et Aparctiam Candinax. В голландском тексте явная опечатка Dandinaes. *(А. М.)*

[233] Это предположение было неправильно, так как и до 11 июля и после широта места корабля дается 72® N.

[234] На карте Баренцова моря, изданной Гидрографическим управлением в 1930 г. под No 1062, в широте 71®53' N и долготе 41®52' O действительно значится 70-саженная банка

[235] Т. е. за 7 часов.

[236] Т. е. до полуночи

[237] Это зенитное расстояние, а не высота солнца.

[238] В 1553 году английский мореплаватель Виллоуби, плывя от Нордкапа на восток, увидел землю. По предположению А. Норденшельда это был остров Колгуев, по мнению же некоторых других исследователей -- западный берег южного острова Новой Земли.

[239] Здесь ошибка в вычислениях: 90® -- 16®40' = 73®20', а не 74®40'. Что широта 74®40' неверна, видно

также из курсов корабля за время с 14 июля (когда корабль находился в 74®10' N) до 17 июля.

[240] По определению Баренца в 1594 году Ломсбэй лежит в широте 74®20' N, и едва ли увиденный Де-Фером берег Новой Земли действительно находился в районе этого залива.

[241] В голландском оригинале: "Het voormsrseijl ende besaen".

[242] Широта преувеличена, так как Северный Крестовый остров лежит на 76®02' N.

[243] Здесь две ошибки: 1) разность между 35®15' и 21® есть 14®15', а не 14®; 2) если из 90® вычесть 14®15', то получаем 75®45, а не 76®15'.

[244] Магнитное склонение было западное.

[245] Редактор английского издания справедливо полагает, что здесь опечатка и что на самом деле следует не 17®, а 27®.

[246] Т. е. к северной оконечности Новой Земли.

[247] Судя по вертикальным размерам, это был несомненно айсберг.

[248] В голландском оригинале иначе: "Wy hadden boven opt schip ons schnyten seijl gheschoren".

[249] В голландском оригинале: "Een hooghen heuvel".

[250] В голландском оригинале: "Werp ancker".

[251] В голландском оригинале: "Den cieynen Is-hoeck".

[252] Так и в оригинале и в английском переводе; в итальянском 17 августа, в немецком 26 августа (явная опечатка вместо 16). *(А. М.)*

[253] Т. е. отыскание морского пут в Китай.

[254] в голландском оригинале: "Werp-ancker".

[255] В голландском оригинале: "De hoeck van Begheerte".

[256] В голландском оригинале: "De Hooft-hoeck". Это мыс Де-Фер современных карт (на русских каргах обычно Девер). Расстояние между мысом Желания и мысом Де-Фер автором сильно преувеличено (13 миль вместо 24).

[257] В голландском оригинале: "Het Vlissinger hooft". На русских картах часто неправильно "Виссингер Гофт". Расстояние между мысом Головным и мысом Флиссингенским тоже сильно преувеличено (5 миль вместо 12).

[258] В голландском оригинале: "Den hoeck vant Eylandt". Это мыс Константин современных карт, около которого находится остров Гемскерк. Расстояние между мысом Флиссингенским и мысом Константин, определяемое Де-Фером в 12 миль, составляет на самом деле 10 миль.

[259] В голландском оригинале: "De tioeck van den Ishaven". Это мыс Спорый Наволок современных карт (а не "мыс Ледяной Гавани" на карте Гидрологического управления No 1067 изд. 1932 г.). Расстояние между мысом Константин и мысом Спорый Наволок, определяемое Де-Фером в 16 миль, составляет на самом деле 20 миль.

[260] В голландском оригинале: "Het afwater ofte Stroom Bay", в английском издании: "the fall of water or the Stream Bay". Расстояние между мысом Спорый Наволок и заливом Течений современных карт равно 29 милям.

[261] В итальянском переводе: "красивым и прелестным" (bella e graziosa). *(А. М.)*

[262] Это был вероятно обломок глетчера с поверхностной мореной.

[263] Т. е. над водою. В голландском тексте: "сломались на куски" (stucken gheschoven werden); в итальянском переводе: "унесены" (fu portato via), во французском переводе: "fut rompu". *(А. М.)*

[264] Подразумевается "в Китай".

[265] Подразумевается "с севера".

[266] В голландском оригинале: "перо".

[267] В голландском оригинале: "Ons scliuijt ende boot".

[268] В голландском оригинале: "Soo dit de scheck achter van den Steven grechoven werde".

[269] В голландском оригинале: "Ende det bouteloef brack mede stucken met een nieti cabeltou".

[270] Редактор английского издания предполагает, что здесь может быть имеются в виду соляные копи Кардоны, недалеко от Барселены.

[271] В английском издании: "начал ложиться на один бок".

[272] В голландском оригинале: "beeft noch dicht".

[273] В голландском оригинале: "fook".

[274] Так называемый плавник.

[275] Это были конечно следы диких оленей, а не лосей.

[276] Солониной.

[277] Т. е. вода в море.

[278] Город на севере Голландии, в 17 км от Амстердама.

[279] В латинском издании: "sparto marino". *(А. М.)*

[280] В голландском оригинале: "een Meyboom". Было в обычае украшать дома зелеными ветвями, дли чего особенно часто употреблялась береза.

[281] В английском тексте 3 1/2, в итальянском 4. *(А. М.)*

[282] В английском издании "но еще очень холодная".

[283] В голландском издании здесь иначе: "Ende braken het achteronder mede nyt, omt nuijs voort dicht te maeckten".

[284] В голландском оригинале и английском издании слова "капитана" нет.

[285] В английском переводе: два человека и мальчик. В немецком переводе: три человека, из них один больной и юноша (ein jung). *(А. М.)*

[286] В английском переводе явная опечатка: 26 октября. *(А. М.)*

[287] Можно ориентировочно принять, что эта высота составляла 30 футов над уровнем моря.

[288] Т. е. долгота солнца была 221®4S'.

[289] Так как широта места зимовки Баренца была 76®15' (= широта мыса Спорый Наволок по карте No 1067 издания Гидрографического управлении 1932 г.), то полярная ночь в Ледяной Гавани должна была наступить уже 1 ноября (принимая, что рефракция = 36' и наклонение видимого горизонта = 5'). То, что голландцы видели солнце еще 2 и 3 ноября, можно объяснить аномально большой рефракцией в эти дни.

[290] В широте места зимовки Баренца луна не заходит каждый месяц в течение 8--9 дней подряд.

[291] В голландском оригинале прибавлено "и пасмурна".

[292] В голландском оригинале: "много открытой воды".

[293] На каждого приходилось следовательно около 300 граммов хлеба в день.

[294] Вместо "погода была бурная" в голландском оригинале "небо было облачное".

[295] Т. е. Яков Гемскерк и Виллем Баренц.

[296] В голландском оригинале: "koyen kasen", т. е. "коровьего сыра", в отличие от овечьего, который был также распространен в Голландии.

[297] В немецком переводе сказано несколько иначе: "мы сделали несколько ям, на которые клали толстую доску и камень, которые сами собой опускались, как только песец попадал в яму". *(А. М.)*

[298] В голландском тексте: "de barbier". Раньше (4 ноября) то же лицо названо врачом (de surgijn). *(А. М.)*

[299] Звезды β и γ Малой Медведицы назывались мореплавателями того времени "Стражи".

[300] В голландском оригинале: "Sareetche secke", т. е. Xeres seco.

[301] 0,137 литра *(А. М.)*. В английском издании: "every second day about half a pint for a man".

[302] Подразумевается, "как это часто делают с вином".

[303] В голландском оригинале: "een vlieghenden storm", т. е. ураган.

[304] В голландском оригинале: "De Rons". Вероятно Де-Фер имел в виду не правое, а "левое плечо" Ориона, где находится звезда и Bellatrix (γ Orionis), высоту которой голландцы повидимому и измеряли, высота "правого плеча" Ориона дает широту места более 79®.

[305] При более точном вычислении, как это указано в английском издании 1853 года, получаемся широта 75®43' N.

[306] В латинском издании: "gredanense", что может быть понято и как данцингский. В английском переводе происхождение боченка пропущено. *(А. М.)*

[307] Собственно суровее. *(А. М.)*

[308] "Dan hoope dede pijn versoeten".

[309] В голландском оригинале "Bergher visch" (т. е. рыба из Бергена). В английском издании: "stock-fish". Имеется в виду вяленая треска.

[310] Звезда Альдебаран.

[311] Предположение (высказанное вероятно Варенном), что зимовка голландцев находилась севернее 76® N, было справедливо, ибо широта мыса Спорый Наволок по современным картам равна 76®15 'N.

[312] В голландском оригинале "с клотиком флагштока".

[313] Грубая верхняя куртка моряков. *(А. М.)*

[314] Так в английском тексте. В итальянском "бросали камни". В латинском тексте только "бросали". *(А. М.)*

[315] В латинском издании "хлеб", а не "бисквит".

[316] В широте места зимовки голландцев (76®15' N) солнце должно было появиться только 15 февраля (принимая рефракцию 42' и наклонение видимого горизонта 5').

[317] Раннее появление солнца можно объяснить только весьма большой аномалией рефракции, которая должна была достичь величины около 4®.

[318] Полное заглавие этой книги: "Josephi Scala, Siculi, Ephemerides ex Tabuli Magini, ab anno 1589 ad annum 1600 continuatae, una cum introduetionibus Ephemeridum Josephi Moletiis. Venetiis, 1589".

[319] Магнитное склонение составляло таким образом около 22 1/2® W. В "Каталоге магнитных определений в СССР", изданном Главной Геофизической обсерваторией в 1929 г., приводятся магнитные определения Баренца, однако магнитного склонения для Ледяной гавани там нет.

[320] 90®.

[321] Так как долгота Венеции составляет 12®21' к востоку от Гринича, то долгота места зимовки по определению голландцев получается равной 87®21'. На самом деле долгота места зимовки Баренца, согласно Карте No 1067 издания Типографического управления 1932 г., равна 68®24'.

[322] Долгота здесь дается от меридиана Ферро, но неверная (на самом деле следует 30®01').

[323] Ht склонение, а широта.

[324] На самом деле широта Венеции равна 45®26' N.

[325] Разница долгот между крайней восточной оконечностью Новой Земли (мыс Флиссингенский) и мысом Челюскина равна 35®, а между Ледяной гаванью и мысом Челюскина 36®.

[326] Т. е. 60 английских или морских миль.

[327] Эта величина совпадает с действительной (3,64 географ, мили, или 14,66 английских миль).

[328] 880 морских миль.

[329] De strate Anian. Картографы конца XVI века помещали между северо-восточной оконечностью Азии и северо-западным выступом Америки Анианский пролив. По мнению Л. С. Берга (Известия о Беринговом проливе до Беринга и Кука. Записки по гидрографии, XLIII, 2, 1920), реальных оснований к нанесению этого

пролива в те времена не имелось. Л. С. Берг называет Анианский пролив "картографическим мифом".

[330] В голландском оригинале "туман или темное облако".

[331] Под "компасом" здесь следует понимать "указатель стран света".

[332] Т. е. склонение магнитной стрелки составляло около 22 1/2®.

[333] В голландском оригинале: "een copere duijt" -- самая мелкая голландская монета, давно не существующая. *(А. М.)*

[334] В голландском оригинале: "Vastelavont" -- канун поста, в латинском переводе Bacchanilia. По старому русскому счислению это вторник первой недели так называемого великого поста. *(А. М.)*

[335] Это полудиаметр солнца.

[336] Де-Фер делает ошибку, прибавляя эту величину к "высоте полюса" (т. е. широте места). На самом деле полудиаметр солнца следует прибавлять к высоте солнца или вычитать из "высоты полюса". В результате широта места получается не 76®, а 75®28'.

[337] Аналогичная пословица существует и на французском языке (la faim chasse le loup hors du bois).

[338] Расстояние от места зимовки Баренца до острова Белого составляет около 140 морских миль, а до северной оконечности Ямала около 180 миль. В Арктике, при аномально большой рефракции, на таких больших расстояниях земля иногда бывает видна.

[339] В голландском оригинале "colf".

[340] В голландском оригинале и английском издании ошибочно 75®58'.

[341] В голландском оригинале и латинском издании здесь пропущено: "из высоты солнца, получаем 14®, а затем".

[342] В голландском оригинале "дул юго-западный ветер".
[343] В голландском оригинале "в гольф и мяч".
[344] В английском переводе это пропущено; в итальянском -- в метании копий. *(А. М.)*
[345] В ширине места зимовки голландцев (76®15' N) полуночное солнце должно было быть видимо начиная с 25 апреля.
[346] В голландском оригинале "ячменя".
[347] Унция -- 27,288 грамма *(А. М.)*
[348] В голландском оригинале "довольно высоко над землей".
[349] В голландском оригинале слов "при помощи обыкновенного компаса" нет.
[350] В голландском оригинале "игра в гольф".
[351] В голландском оригинале: "fock".
[352] В голландском оригинале: "de bock".
[353] В голландском оригинале вместо "в страхе убежал" -- "выстрелил в медведя".
[354] Ядовитые свойства печени белого медведя описывались полярными путешественниками неоднократно.
[355] В голландском оригинале прибавлено: "так как нам было достаточно этого соуса" (genoech van die sause).
[356] Betone vulgaris. На Черном море народное название этой рыбы сарган; книжное имя ее -- морская щука (по любезному сообщению проф. Л. С. Берга). *(А. М.)*
[357] По латинскому переводу выходит, что каждая пара людей получила по одной рыбе. Но во всех других переводах сказано то, что стоит в тексте. *(А. М.)*
[358] В латинском переводе очень неудачно прибавлено silvestti, т. е. лесистой. *(А. М.)*

[359] См. дневник от 21 марта. *(А. М.)*
[360] В голландском оригинале прибавлено "дул западный ветер".

[361] "een cleijn cedelken" (отсюда русское слово "цидулька").

[362] В голландском оригинале "положил ее в мушкетный патрон".

[363] В голландском оригинале: "так как казалось почти невозможным высвободить корабль изо льда".

[364] В голландском оригинале "meester". Это был врач экспедиции, называемый Де-Фером иногда цирульником. В средние века функции врача обычно выполняли цирульники. Звание "meester" (магистр) указывает однако, что Ганс Фос был не цирульником, а ученым медиком.

[365] Следует заметить, что запись в дневнике под 13 июня и только что приведенный документ Якова Гемскерка написаны очень тяжелым неправильным слогом, что, может быть, объясняется волнением составителей. *(А. М.)*

[366] 1 конгий = 3,28 кб метра. *(А. М.)*. В голландском оригинале "8 minghelen". Согласно комментариям к английскому изданию 1853 г. один minghel несколько больше одной английской кварты. В английском издании 1609 г.; "eight gallons".

[367] "Al wel, maet, ick hope noch te loopen eer wy te Waerhuys comen".

[368] "Gerrit, zijn wy ontrend den Ishoeck, soo beurt my noch eens op; ic moet dien hoeck noch eens sien".

[369] В голландском оригинале: "у нас волосы на голове встали дыбом".

[370] Здесь во всех переводах пропущена голландская пословица: "можно безнаказанно рисковать потонувшим теленком", которую Геррит де Фер прилагает к себе, желая показать, что гибель его не была бы особо чувствительной. *(А. М.)*

[371] Под "прочным льдом" (в английском переводе: "fast ice") здесь повидимому следует понимать припай.

[372] В голландском издании: "de hoogh-bootsman".
[373] Здесь латинский перевод неверен. В голландском оригинале речь идет о небольшой карте (caertgien), которую составил Геррит Де Фер и которую Баренц рассматривал. *(А. М.)*
[374] В голландском оригинале сказано сильнее: "главный руководитель и незаменимый штурман". *(А. М.)*
[375] Мыс Утешения современных карт расположен в широте 76®16' N.
[376] Вероятно ошибка в голландском оригинале; следует скорее принять 16 миль.
[377] Печорского залива.
[378] Это повидимому испорченное испанское слово mazomorra, т. е. измельченные или истолченные сухари.

[379] В голландском оригинале "grootseyl".
[380] Латинский перевод неправилен, так как в это время голландцы имели незаходящее солнце. В голландском оригинале "когда солнце было на востоке".

[381] См. предыдущее примечание.
[382] См. предыдущее примечание.
[383] Латинский перевод неправилен. В голландском оригинале: "когда солнце было на западе".
[384] Это остров Назимова (восточный из Южно-Крестовых островов).
[385] Здесь разумеется античный фут -- 0,2957 метра. *(А. М.)*
[386] Остров Пинегина (западный из Южно-Крестовых островов).
[387] Голландцы перешли через пролив Тобисена, разделяющий остров Пинегина от острова Назимова.
[388] В голландском оригинале: "bergh-eenden". Речь идет несомненно о гагачьих яйцах, возможно о яйцах гаги-

гребенушки (Somateria spectabilis), называемой на Новой Земле также "горной гагой".

[389] В андийском тексте "Наелись как лорды". *(А. М.)*

[390] Вероятно горного хрусталя; см. отчет о первом плавании, стр. 25 *(А. М.)*

[391] В английском издании: "to the firme land", т. е. на матерую землю (Новую Землю).

[392] Ср. дневник от 11 июля, где та же птица названа горной уткой. *(А. М.)*

[393] Дневник за 18 июля в итальянском переводе слит с 17 июля. Именно, от 17 июля взяты только первые две строки, а остальное содержит рассказ о 18 июля. В английском переводе передача событий за 17 июля также несколько иная. Так, в эпизоде с медведем про дразнившего его сказано, что он не "перевернулся", а "упал на свой зад". *(А. М.)*

[394] Здесь в латинском издании пропущено: "утром ветер дул с запада, а после этого с ONO, моросило".

[395] Здесь в латинском переводе имеется ошибка. В голландском оригинале: "in elck eetmal", т. е. каждые 24 часа (ср. немецкое "im Etmal"); это дает скорость хода в 3 узла, тогда как согласно латинскому тексту получается несомненно преувеличенная скорость в 6 узлов.

[396] Capo Plancio -- северный входной мыс в Ломсбэй (см. рис. 1).

[397] Здесь в латинском издании пропущены следующие слова, имеющиеся в голландском оригинале: "и мы имели прекрасный северо-восточный ветер".

[398] Capo di Cant. Вероятно мыс Бритвин.

[399] Это была одна из бухт в заливе Моллера.

[400] В вычисление вкралась ошибка: 90® -- 17®10' = 72®50', а не 73®10'.

[401] Залив Моллера.

[402] Северный Гусиный Нос.

[403] Вдоль Гусиной Земли.

[404] Карского моря.
[405] Очевидно имеется в виду Междушарский остров.
[406] В 1597 году голландцы повидимому, прошли проливом Костин Шар, тогда как в 1594 году они следовали вдоль западного берега Междушарского острова.
[407] По современной карте расстояние между мысом Бритвиным (мыс Кант) и северо-западной оконечностью Междушарского острова (мыс Крестовый) равно 95 милям, что довольно близко подходит к расстоянию, даваемому Де-Фером (80 миль).
[408] В голландском оригинале lodgien -- ладьи.

[409] В латинском переводе неудачно и неверно: silvestresne, an feri essent. Перевод дан применительно к английскому тексту.
[410] В голландском оригинале: "Een minnhelen", т. е. приблизительно третью часть галлона, т. е. около 1,5 литра. В немецком переводе "глоток вина, которого у нас было еще приблизительно две меры" (2 mass). *(А. М.)*
[411] Именно, у Медвежьего острова, 1 июля 1596 г. *(А. М.)*
[412] Вероятно основа Саханины.
[413] Cochlearia officinalis *(А. М.)*
[414] В голландском оригинале "едва могли грести".
[115] В оригинале fluctus decumani, т. е. десятые течения. Это выражение античный лексикограф Фест (III век н. э.) объясняет так: "называются "десятые яйца и десятые течения", потому что они большие. Ибо и десятое яйцо выходит крупнее, и десятое течение признается обычно самым большим". У нас же вместо десятого отмечается девятый вал. *(А. М.)*
[416] Побережье материка к востоку от устья Печоры.
[417] В голландском оригинале: "een Russche jolie".
[418] Канин Нос.

[419] В голландском оригинале иначе: "вдоль берега, где было очень мелко".
[420] Т. е. Канин Нос.
[421] Т. е. на два румба (22 1/2®).
[422] Голландцы находились в Печорском заливе.
[423] В английском тексте: "губило нашу плоть и кровь". *(А. М.)*
[424] В оригинале: Ken baeck staen, daer een stroom byuyt'iep". По-латыни это переведено очень неудачно: usuin, unde aqua. *(А. М.)*
[425] В оригинале везде lodja.
[426] В итальянском переводе прибавлено "соленая". *(А. М.)*
[427] Т. е. около 70 копеек. *(А. М.)*
[428] Т. е. около 115 граммов. *(А. М.)*
[429] Принимая, что голландцы находились в широте 68® N, солнце должно было заходить в тот день на N 46 1/2® W; таким образом получается аномально большое (по сравнению с другими определениями голландцев) склонение магнитной стрелки, а именно 35® W. Редактор английского издания 1853 г. делает предположение, что Де-Фер ошибочно дает NtW, вместо NNW. В последнем случае магнитное отклонение получается 24® W.
[430] В голландском оригинале Jolle.
[431] На самом деле это был не Канин Нос, а вероятно Святой Нос Тиманский, на восточном берегу Чешской губы.
[432] Имеется в виду берег Кольского полуострова.

[433] Т. е. у восточного Мурмана.
[434] Солнце в этот день должно было восходить на N 50® О. Поэтому склонение магнитной стрелки компаса составляло 17 1/2® W.

[435] На самом деле это был западный берег Чешской губы.

[436] В оригинале "ладьи".

[437] В оригинале всюду "ладья", вместо корабль.

[438] Залив к югу от мыса Микулкин.

[439] В оригинале Sembla de Cool. Латинский переводчик написал явную бессмыслицу Novae Zombla de Col. *(А. М.)*

[440] Sembla de Candinas.

[441] В латинском тексте: "vento exsiccatos", что пропущено в английском переводе. Рыбы названы passeres, по-английски plaice, "палтусы". *(А. М.)*

[442] В английском переводе "два засоленых окорока и половину копченой свиной грудинки"; в немецком "2 1/2 бока свиного сала". *(А. М.)*

[443] Мыс Микулкин.

[444] В голландском оригинале "праздничной едой" (Datter kersms was) *(А. М.)*

[445] В голландском оригинале: "Waerders", т. е. путеводные вехи *(А. М.)*

[446] В голландском оригинале: "Visch tot visch", т.е. рыбу с рыбой. *(А. М.)*

[447] "С другой лодки". Взято из английского перевода. *(А. М.)*

[448] В голландском оригинале: "Ende gedroncken, van den claren, als in den Rhijn voorby Colen loopt". Здесь непереводимая игра со словом clar, которое означает ясный и чистый, прилагаясь одинаково к спирту и к воде. В общежитии een glasje klare значит стакан чистого голландского джина (водки). *(А. М.)*

[449] В голландском оригинале: "Een goeden drincpennick". *(А. М.)*

[450] в английском издании здесь прибавлено: "и прошли между ними и матерым берегом".

[451] Т. е. "В Коле брабантские корабли". Это название давалось голландским кораблям потому, что до

независимости северных провинций все Нидерланды были под властью брабантских герцогов, и голландские корабли обычно ходили под их флагом.

[452] В английском переводе в Коле. *(А. М.)*

[453] В голландском оригинале: "Blauwe-besyen met Braem-besyet". Первое повидимому черника, второе -- морошка. В латинском переводе: baccas caeruleas cum Rubiideae fructu". *(А. М.)*

[454] В те времена лопари славились во всей Европе как могущественные колдуны. В XVI веке лопарские колдуны призывались по приказу Ивана Грозного в Москву.

[455] Роствик -- город в Швеции. *(А. М.)*

[456] В голландском оригинале "западной".

[457] Здесь следует понимать не реку Колу, а Кольский залив.

[458] Скорость отливного течения в Кольском заливе составляет 2 1/2 морских миль с час, что и вынудило голландцев стать на якорь и ожидать приливного течения.

[459] Т. е. вверх по Кольскому заливу.

[460] в 12 морских милях.

[461] Согласно комментариям к английскому изданию 1853 г. здесь надо понимать одиннадцатый день по прибытии в Колу, т. е. 14 сентября. *(А. М.)*

[462] В голландском оригинале Den Bayaert.

[463] В английском издании: "governour for the Great Prince of Muscovia".

[464] В голландском оригинале: Int coopmans huys. Гостиный двор был выстроен в Коле в 1582 году.

[465] Т. е. но Кольскому заливу.

[466] В английском переводе "от города". *(А. М.)*

[467] Перевод дан здесь по английскому тексту, так как латинский перевод не совсем ясен: до середины пути,

пока не прошли теснины (usque ad mediam viam, dovec augustas superassemus). *(А. М.)*

[468] Т. е. из устья Кольского залива.

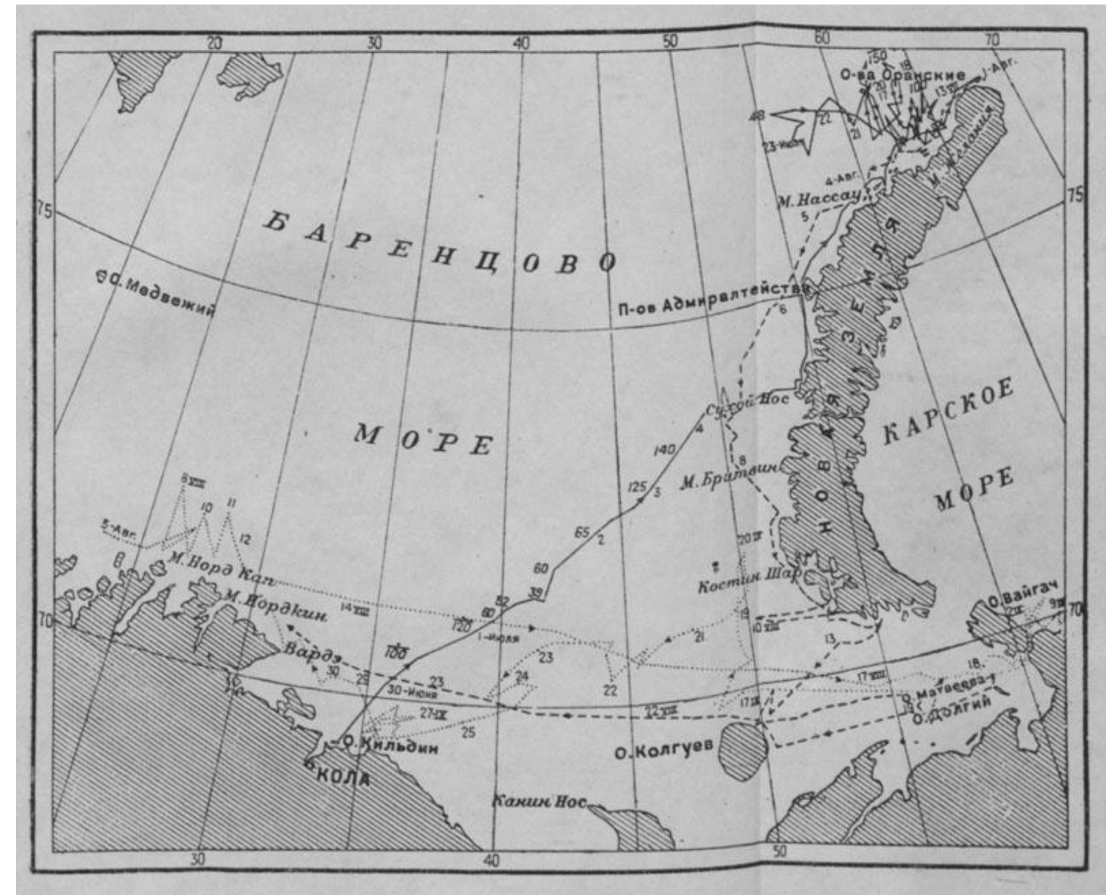
[469] В голландском оригинале "южный".

[470] В голландском оригинале: "Maeslantsluys". Это Maassiuis -- город недалеко от устья р. Маас.

[471] В английском переводе прибавлено: "с принцем Морицом". (А. М.)

[472] В голландском оригинале: "Mijn Heer de Schout".

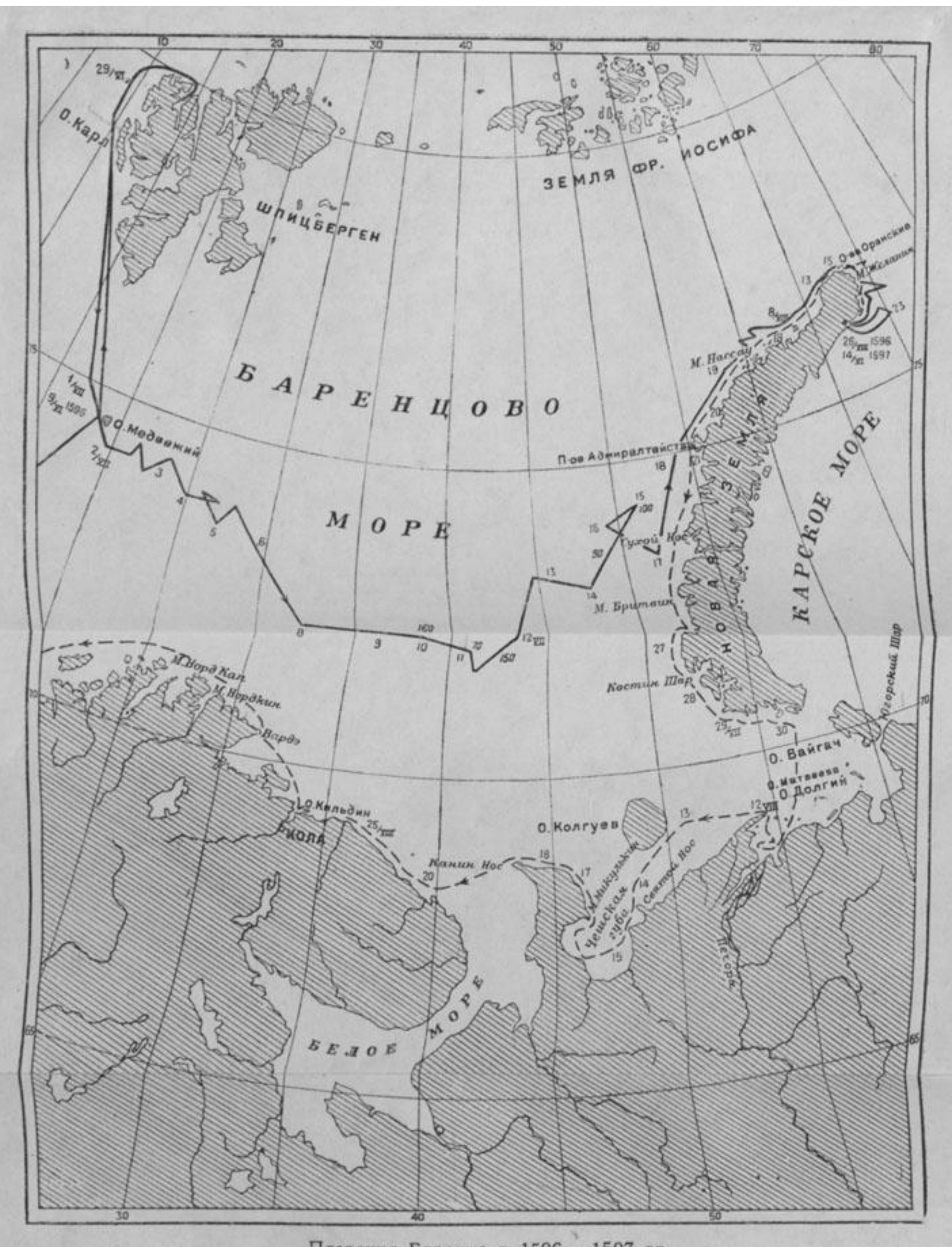
[473] Приводим тот же перечень в голландской транскрипции: Jacob Heemskerk, Pieter Pietersz. Vos., Gerrit de Veer, M Hans Vos, Jacob Jansz. Sterrenburgh, Lenaert Heyndricksz., Laurens Willemsz., Jan Hillebrantsz., Jacob Jansz. Hooghwout, Pieter Cornelisz., Jan van Buysen Reyniersz., Jacob Evertsz. Умерли: Willem Barents (20 июня 1597), Claes Andriesz. (20 июня 1597), Jan Fransz. (5 июля 1597) и двое имена которых неизвестны.



Плавания Баренца в 1594 и 1595 гг.

плавание 1594 г. (туда)
плавание 1594 г. (обратно)
плавание 1595 г.

Цифры прямым шрифтом—даты, косым шрифтом—измеренные Баренцом глубины (в саженях)



Плавания Баренца в 1596 — 1597 гг.

——— плавание в 1596 г.

- - - - плавание в 1597 г.

Цифры прямым шрифтом — даты, косым шрифтом — измеренные Баренцом глубины (в саженях)